68.49(2)
С 491

СЛУЖАТ УРАЛЬЦЫ ОТЧИЗНЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

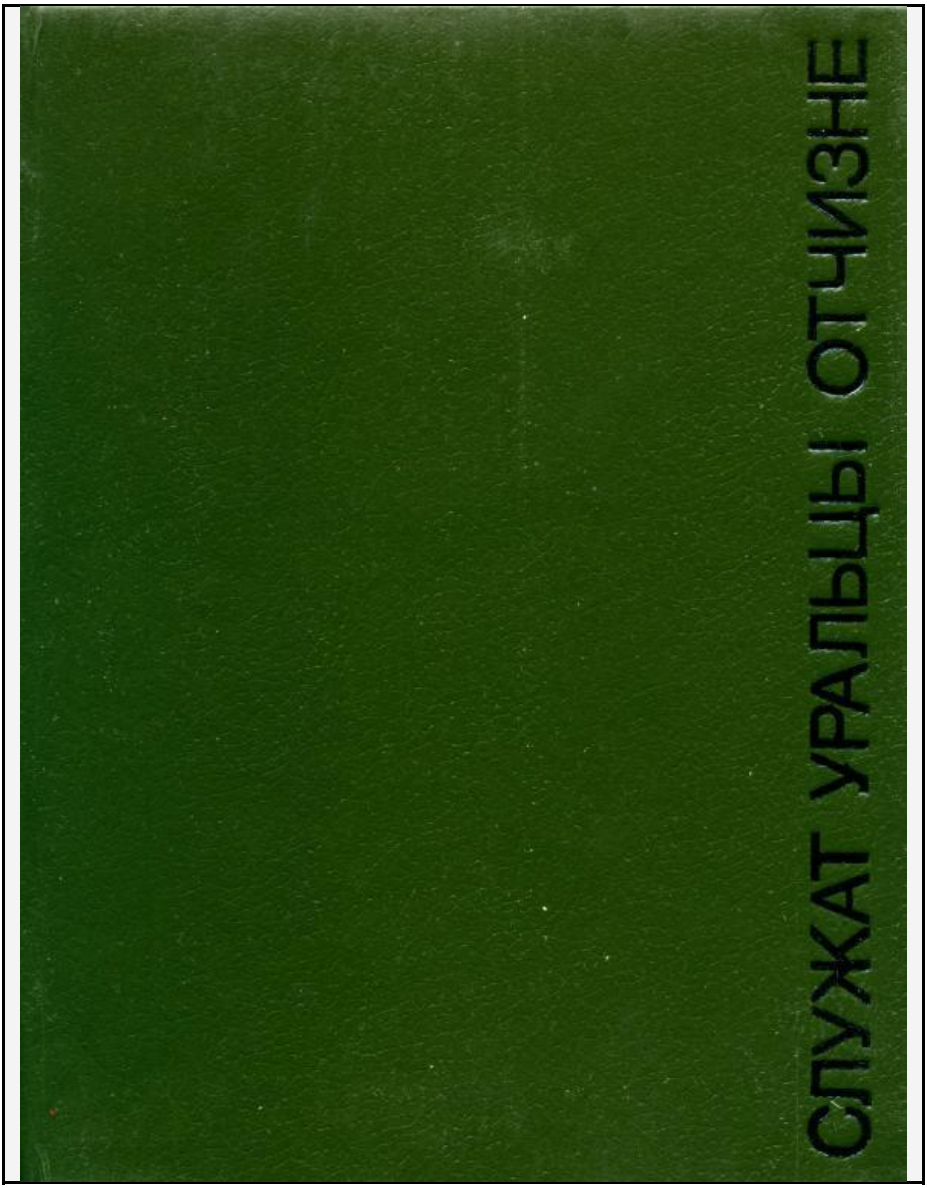
Герои этой книги — молодые воины-уральцы: авиаторы, танкисты, подводники, пограничники. Многие из них прошли суровые испытания войной в Афганистане. Наш земляк Герой Советского Союза полковник Валерий Вострotин стал прекрасным командиром, хорошо понимающим нужды и интересы своих подчиненных, другие — младший сержант Вячеслав Александров и рядовой Николай Анфиногенов, — жертвуя собой, спасли жизни десяткам боевых товарищей. Посмертно оба удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Их судьба — яркий пример для нынешнего поколения воинов-уральцев. Если ты, дорогой читатель, внимательно познакомишься с этой книгой, то узнаешь, как нелегок ратный труд молодых воинов. Но тот, кто служил в армии, на всю жизнь благодарен ей — это превосходная школа жизни, школа настоящего товарищества.

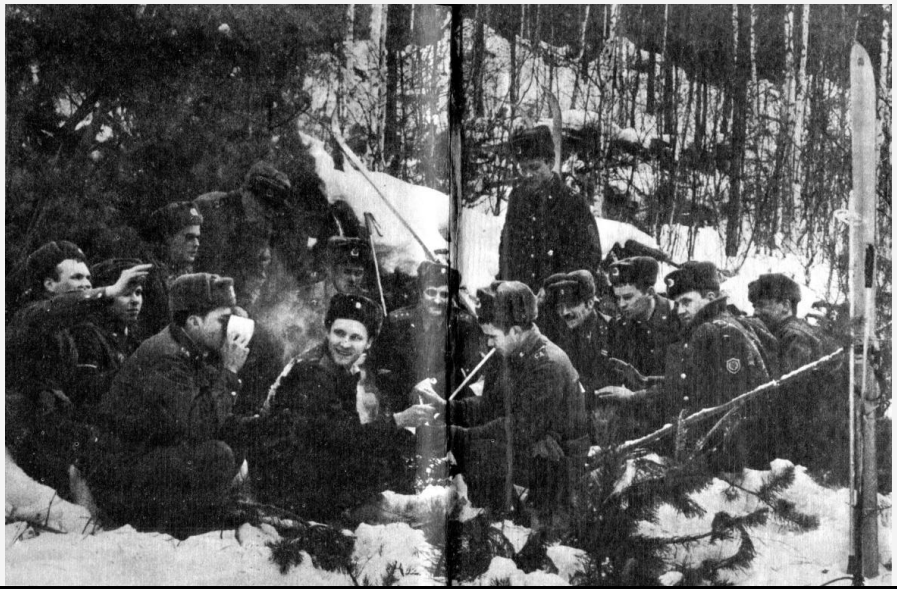
- Служат уральцы Отчизне
  - ○
  - ○ Александр Куницын
  - ○ СУРОВОЕ ВРЕМЯ АФГАНА
    - ■ «ПРЕДЛАГАЮ НАЗВАТЬ ИМЕНЕМ ГЕРОЯ»
      - ■
      - ■ Николай Белан
      - ■ Елена Агапова
      - ■ Айвен Сиразитдинов
      - ■ Елена Францева
    - ■ Иван Гавриленко
    - ■ Юрий Мостовский
    - ■ Письма Николая Анфиногенова
    - ■ Валерий Горбачев
    - ■ Айвен Сиразитдинов
    - ■ Юрий Карпов
  - ○ ФОТОГРАФИИ
  - ○ НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ
    - ■ Николай Иванов
    - ■ Сергей Александров
    - ■ Геннадий Карпенко
    - ■ ОКЕАНСКИЕ ВАХТЫ ЧЕЛЯБИНЦЕВ
      - ■ 1. МОРСКАЯ ТРАДИЦИЯ СУХОПУТНОГО ГОРОДА
      - ■ Виктор Головашкин
      - ■ Олег Синицын

- НА ДАЛЬНЕМ ПОГРАНИЧЬЕ
  - Сергей Александров
  - Александр Неустроев
  - Александр Ляпустин

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Служат уральцы Отчизне





СЛУЖАТ УРАЛЬЦЫ ОТЧИЗНЕ

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

Александр Куницын
МЫ ПОМНИМ И ВЕХИ И ДАТЫ

* * *

Мы помним и вехи и даты,
Челябинск наш не забыл,
как Блюхер отсюда когда-то —
из Красных казарм —
уходил…

На улице Кирова видим
сейчас командарма лицо…
Мир прошлого,
нас ненавидя,
сжимал огневое кольцо.

Шло нового мира рожденье!
И вел Тухачевский войска,
в жестоких,
кровавых сраженьях
победно громя Колчака!

И нынче живя по уставу,
ребята, едва из юнцов, —
наследники воинской славы
и дедов своих и отцов!

«Катюша»

Дрожала фашистская сила,
коль «блицкригу» их вопреки —
вдруг «песню» свою заводила
«катюша» с Миасса-реки!

Челябинской выделки доброй —
хлестала, сжигая дотла!
Фашистскому зверю под ребра,

чтоб нечисть дохнуть не могла!

Обрушив гнев праведной мести
на полчища смерти и зла,
«катюша» уральскую песню
уже под Берлином вела!

И парень челябинский, глядя,
как огненный мчится металл,
в предместье Берлина шептал:
— Вот так-то фашистские… дяди!

Солдат

На фронтовых путях врага сметала
надежная уральская броня!
Но был покрепче всякого металла
солдат
среди военного огня…

За ним стояли и Миасс,
и Сатка,
негромкое уральское село,
и ждали писем в Троицке солдатки,
и гарь войны до Еткуля несло…

Бойцу такую силу дал Урал,
хватило столько воли
и отваги —
он защитил Москву,
рейхстаг он брал
и спас твоих детишек,
Злата Прага!

…Не защищать нам подступы Москвы,
не выполнять приказ:
«Назад ни шагу!..»
Но повторим сегодня гордо мы:
традиции армейские живы,
и все верны мы
воинской присяге!

* * *

Осеннее время, ненастье,
и скоро пурге запуржить.
…А надо бы
бабке Настасье
до нового лета дожить.
Когда растревоженно птицы
покинут тропический юг —
домой из-за южной границы
любимый воротится внук.
И бабка волнуется снова,
и тихо бредет на почтамт:
письма нет долгонько от Вовы —
ну, как он, кровиночка, там?
А ноги у бабки не очень…
Хоть почта не так далеко.
Но, может быть, где-то на почте
письмо затерялось его?
Закружатся белые мухи.
А где-то России сыны.
Глядит
нерастрелянный Блюхер
с кирпичной беленой стены.
…Но есть у стиха продолженье, —
такие теперь времена, —
вернулся солдат из сражений,
и мирная в доме весна…

СУРОВОЕ ВРЕМЯ АФГАНА

«ПРЕДЛАГАЮ НАЗВАТЬ ИМЕНЕМ ГЕРОЯ»

Золотым Фондом наших Вооруженных Сил называют советских офицеров, опаленных огнем афганских боев, с бесценным боевым опытом. Один из них — наш земляк, Герой Советского Союза Валерий Востротин.

Полк, которым командовал полковник В. Востротин, покидал афганскую землю последним; вплоть до 15 февраля 1989 года, окончательной даты вывода ограниченного контингента советских войск, установленной Женевским соглашением, десантники Востротина прикрывали отход наших частей — именно его полку было доверено обеспечить безопасность трассы Кабул — Термез.

Пожалуй, ни одна сколь-нибудь значительная корреспонденция из публиковавшихся в те дни в центральной печати с мест последней боевой операции наших войск не обходилась без упоминания фамилии Востротина. «Голос Героя Советского Союза подполковника Валерия Востротина, доносящийся из района Саланга, в штабном кабульском телефоне едва различим сквозь помехи. Востротин рассказывает о том, как в районе кишлака Калатак разведчики его полка окружили банду местного главаря Карима…» (Правда, 1989, 25.01.). Вот еще одна весточка о нем, Востротин уже полковник: «Очень надежные люди работают сейчас на магистрали: и дорожники, и защитники. На усиление мотострелков, держащих, как обычно, вдоль трассы заставы, посты и блоки, пришли десантники полка, которым командует Герой Советского Союза полковник Валерий Александрович Востротин. Сила немалая. Хотелось повидать Востротина на прощанье. Штаб свой, нам сказали, держит он где-то возле перевала…» (Правда, 1989, 7.02.).

С восхищением и, не будет преувеличением, с исключительным уважением говорят о воинских доблестях В. Востротина в армии, знают о его ратной славе и земляки. О любовной гордости за своего земляка трогательно свидетельствует и маленькая заметка, опубликованная на «малой родине» Героя, в местной газете города Касли. Житель этого маленького уральского городка, пенсионер Г. Бузуев, пишет: «Вношу предложение и надеюсь на единодушную поддержку горожан — назвать именем героя-интернационалиста Валерия Александровича Востротина одну из улиц города Касли…»

По заслугам и честь, а такое чувство любви, идущее от простых людей, от всей души, наверное, и дает полное основание называть Валерия Востротина подлинно народным героем.

Впрочем, все сказанное — это только краткое вступление. Более обстоятельный рассказ о герое — в очерках, которые публикуются в этом разделе сборника. Они написаны по горячим следам событий и были напечатаны в различных периодических изданиях. Как документы своего времени они интересны для нас и сегодня.

Николай Белан
ГРАНИТ НЕ ПЛАВИТСЯ

С любовью и подлинным уважением говорят о своем командире гвардии подполковнике В. Вострогине солдаты и офицеры. Он человек дела, поступка. А поступок — это характер.

Командирский характер испытывает бой. Сотни их за плечами Вострогина. Но горячая память уводит его в те прошлогодние дни, ставшие славной страницей части.

День первый. К волчьему логову.

Столько мин и фугасов гвардии подполковник Вострогин еще не видел. Саперы снимали их сотнями за день, прокладывая путь гвардейцам-десантникам, совершавшим марш в район Алихейля. Знакомый район, суровый. Вострогин не раз, раскрыв карту, вглядывался в очертания выступа на пакистанской границе — тут, на его острие, вонзенном в территорию Афганистана, будут выставлены афганские погранбатальоны. Обеспечить их высадку — задача десантников.

И вот многодневный марш позади. Вечером Вострогин стоял на высотке, у поваленной бурей кряжистой сосны, и в бинокль рассматривал открывающуюся панораму. Глухой, дикий мир простирался перед ним, полошил душу угрюмой своей затаенностью и онемелым простором. Кругом были горы, такие древние, что, казалось, не густым древостоем покрыты они, а почернелым мхом. Там логово душманов, оттуда идут они и их караваны с оружием в сторону Кабула. Поэтому так хорошо заминирована и охранялась дорога — иные участки ее десантники брали с боем.

Они добрались без потерь. Это главное, ибо как бы ни была трудной дорога — основные трудности впереди. Вострогин знал: противостоит ему банда, сформированная из бывших уголовников, хорошо обученных и вооруженных. Так что завтрашний день, а может быть, и рассвет, предстоит жарким.

Вострогин обернулся к ожидавшим его решения офицерам.

— Оседлаем эти высотки, — он показал на сопки справа от дороги, у ущелья. — Вам, — обратился Востротин к командиру роты гвардии капитану А. Махотлову. — и вам, — он перевел взгляд на командира разведроты гвардии старшего лейтенанта Р. Хасанова, — главная задача заблокировать высоту с отметкой 2629, она ключевая.

— К самому логову лезем, — сказал кто-то.

— Верно, — согласился Востротин. — В глотку вцепимся и лишим душманов маневра.

Он помолчал и добавил:

— Располагаюсь здесь, рядом с высотками. Так что будем держаться вместе.

Темнело. Десантники занимали боевые позиции, вгрызаясь в каменистый грунт. Востротин, проходя мимо солдат, видел, как устали они: один только марш сюда — суровейшее испытание. Но сейчас его командирская любовь и забота о них была в том, чтобы они выдолбили в земле и камне укрытия. Сантиметром глубже зароются — значит сантиметром выше пройдет над их головами душманская пуля. И, напротив, нет ничего безответственнее командирской «жалости», сердобольности в подобных условиях. Это Востротин знал и по рассказам отца, участника Великой Отечественной войны, и по опыту Афганистана. А здесь он второй раз.

День второй. Приказано выстоять

Рядом ударил снаряд, и осколком срубило ветку с сосны. Она упала беззвучно — от близкого взрыва на миг заложило уши.

Востротин резко повел головой, как бы стряхивая навалившуюся тяжесть, и снова связался с поддерживающей их артиллерией, попросил «огонька».

Бой разгорался, нарастала ярость и в той и в другой стороне. Душманы били реактивными снарядами, из минометов и безоткатных орудий. Они действовали осмотрительно, напролом не лезли. Скрытно, прячась за деревьями, в скалах, они обкладывали высотки.

Востротин, сохраняя спокойствие, следил за боем. Он видел, как вновь поднялись душманы и ринулись на позиции роты, которой командует гвардии старший лейтенант А. Тараканов. Но напоролись на плотный огонь. А рядом, где держался взвод гвардии старшего лейтенанта С. Максимова, дело дошло до рукопашной. Гвардейцы яростно били душманов, и казалось, будто воскресло, шагнуло сюда легендарное племя десантников-

фронтовиков, тех, что овеяли немеркнущей славой Боевое Знамя их части, пронеся его сквозь сражения Великой Отечественной до Праги. И вот сейчас душманы снова испробовали разящий удар гвардейцев, в рукопашной узнали, что такое их натиск, отвага и крепость руки. С животным страхом, бросая убитых и раненых, бежали они от десантников.

Труднее всего приходилось группе разведчиков во главе с гвардии старшим лейтенантом Хасановым. Они блокировали высоту с отметкой 2629, ту самую, что Вострotин назвал ключевой. И не ошибся. Она, как кость в горле душманам, мешает развернуться в маневре; мимо нее, по ущелью, они не могут подводить и уводить свои отряды.

Душманы взяли ее в полукольцо. Судя по тому, как усилился артогонь, до атаки оставались минуты, а эта атака должна быть решающей. И тогда Хасанов сказал: «Нужны добровольцы».

Их повел гвардии сержант О. Борзилов. Туда, где должно замкнуться кольцо окружения. Душманы навалились на горстку героев, разгорелся неравный бой. Враг увяз в нем, упустил удобный момент для штурма — на помощь разведчикам подошли подчиненные капитана Махотлова. Но и группа Борзилова не вышла из боя.

Боль полоснула по сердцу Вострotина, когда узнал об этом. Но он совладал с охватившим его тяжелым чувством, не для боя это. Хладнокровие, трезвый расчет требовались от него. Десантникам приказал выстоять, и они этот приказ выполняют. Связав узелок к узелку крепкую сеть узлов обороны на горах, Вострotин тем самым распылил силы противника — таков был командирский замысел. Ошибка душманов, рассуждал командир полка, заключается в том, что они ринулись атаковать все высотки сразу. И понесли большие потери. Потом, к полудню, они поняли свой просчет, попытались повернуть ход событий — ради этого и сосредоточились у высоты с отметкой 2269. Не удалось — силы-то уже распыленные, машина запущена, да еще группа Борзилова спутала им карты. От бессилия, злости они вцепились в нее, понимая — на сегодня выдохлись. То был переломный момент — бой с группой Борзилова, и натиск душманов на всех направлениях ослаб. А вот завтра они соберутся с силами.

— Но завтра мы в эти игры играть не будем, — вслух сказал, размышляя, Вострotин.

Итак, подразделения десантников свою первую задачу выполнили. Противник потрепан в боях, это хорошо. Но ведь он теперь знает узлы обороны и уяснил, что распыляться нельзя. Однако и Вострotин тоже ближе узнал, кто действует против него. С душманами шли подразделения наемников. На них

стального цвета форма, коричневые перчатки и гетры, высокие кроссовки; вооружены автоматами. В атаку идут по свистку, сигнал отхода — два свистка. Весь вопрос в том, где завтра «свистнут», нанося главный удар.

Обстановка, боевой опыт Вострotина говорили: это будет район высоты с отметкой 2629. Она — самое отдаленное и уязвимое звено в системе обороны. Владеть ею — значит владеть ущельем.

Наступает второй, главный этап боевых действий.

То там, то здесь, как огоньки на углях догорающего костра, еще догорали небольшие стычки. Артогонь тоже угас. Солдаты сказали свое веское слово, теперь слово за ним — командиром полка. Общий замысел у него был готов, оставалось уточнить детали.

Вострotин направился на позиции рот. Здесь встретился с политработником гвардии майором Р. Гнидецем.

— Партсобрание провели, — сообщил он Вострotину. — Максимова приняли в члены партии. Кстати, кандидатом его тоже принимали в боях.

Максимов… Вострotину вспомнилась рукопашная. Он хорошо знал этого отчаянной храбрости офицера. В прошлом году Максимов в этом же районе здорово бил душманов, награжден орденом Красной Звезды. И сегодня, значит, он именинник.

Вокруг дымились воронки от мин и снарядов, обгорелые сосны, казалось, не поскрипывают, а тихо стонут, раскачиваясь на ветру. Оплавленная земля, оплавленные камни. Лишь глыбы гранита не смог одолеть огонь. Лишь люди, которых он, гвардии подполковник Вострotин, бесконечно любил и которыми бесконечно гордился, которых Родина дала право ему посылать в бой и которые вверили свои судьбы его приказу, — эти люди не дрогнули, выстояли. Потому что гранит не плавится.

День третий. Разгром

Душманы повторили вчерашний прием — взяли высотку в полукольцо. Но что это? Десантники, выдержав лишь полчаса обороны, оставили позиции и покатились назад. Успех!? Опьяненный кажущейся удачей, противник начал преследование.

Впервые за эти дни Вострotин так волновался. А вдруг его замысел будет разгадан? Но слишком заманчиво было разбить отходящую роту, и душманы не прекращали преследования. Вот десантники прошли по проходу через минное поле, свернули в

сторону. Ускользнут! Душманы, ускорив бег, с ходу напоролись на мины. Первые взрывы были сигналом для затаившихся подразделений.

Они еще вчера вечером незаметно снялись с высот, оставив на них небольшое прикрытие, и сосредоточились в ущелье, собранные в один кулак — все шло именно по смелому замыслу Вострогина, не разгаданному противником.

Кинжальный огонь обрушился на врага. Не многим из них удалось уйти.

(Красная звезда, 1988, 20 января.)

Елена Агапова
ГРАНИТА КРЕПЧЕ ТА ЛЮБОВЬ

«Гранит не плавится», — это о нем, гвардии подполковнике, командире гвардейской парашютно-десантной части Герое Советского Союза, коммунисте Валерии Александровиче Вострогине. Так назывался очерк в «Красной звезде».

«Ожиданием своим ты спасла меня…» — это о ней, Ирине Вострогиной, его жене, о которой в газетах не рассказывалось.

Арифметика их семейной жизни такова. Если из пятнадцати вычесть восемь, останется семь. Ровно столько лет она его ждет. Где эта женщина черпает силы? Волю? Терпение? Любовь?

…В последние дни февраля она ждала Валерия из Москвы, чтобы в который раз проститься. Через трое суток он возвращался в Афганистан. Я понимала: ехать к ней сейчас — не самое удачное время. Но когда еще увидишь их вместе — жену, мужа и дочь?

Села в фирменный поезд «Молдова» и всю дорогу каялась, что даже эта «хитрость» — приехать на день раньше его — давала невеликий моральный выигрыш. Что я, как и остальные, по сути, обворовываю их сейчас. Вострогин был нарасхват: журналисты, писатели, пионеры, друзья… Дома все понимали и ждали. Только однажды Ира не выдержала. Вспыхнули ее ясные глаза: «Ну почему же никто не думает, что у него есть мы, что нам он нужен больше всех?..»

В доме все говорит о нем. Фотографии. На стене его погоны — от курсантских до подполковника. Спрашиваю: «А погоны суворовца не сохранились?»

Ира вздыхает: «Тут целая история. Потом расскажу…» Высокая, красивая, с пышной копной волос. Женщина с характером. Боль ожидания, страх за любимого человека,

одиночество — этого ей досталось сполна.

Первое, что услышала от Валерия, — о ней: «У меня жена оригинальная…» Помню, как они тогда переглянулись с Ириной, как люди, понимающие друг друга с полуслова и знающие что-то такое, чего мне, непосвященной, не понять. А понять хотелось…

В первом письме оттуда, из неизвестности, он писал, что там, где находится, очень красиво, что живет, как на курорте.

Ну какой же там курорт? Курорт, считала она, в Средней Азии, в их первом в жизни военном городке. Золотая медаль Валеры, полученная по окончании Рязанского высшего военного воздушно-десантного командного училища имени Ленинского комсомола, обеспечивала свободное распределение. Он выбрал не ближний свет. В их Каслях на Урале в ноябре жестокие морозы. А здесь, как в раю! Бархатные розы, нескончаемые бахчи, виноградники, пьянящий восточный аромат… Им дали комнатку в общежитии. Распаковали чемоданы — и в город. Первая покупка — сковородка. Первый ужин — яичница.

Потом была аспидно-черная ночь. У крохотной Юленьки температура вскинулась под сорок. Мечется, плачет. Валера на казарменном положении. Она знала, что их готовят к каким-то серьезным учениям или что-то в этом роде. Муж ничего не рассказывал, но «женский телеграф» работал безотказно.

В ту самую ночь его роту подняли для выполнения особого задания. Так начался для него Афганистан.

Женщины прозрели скоро: там не курорт, там убивают…

Однажды к Ире прибежала соседка: убит Дима Антонюк, командир разведроты. Всю ночь Ира проревела, а под утро забылась. Очнулась от кошмарного сна.

Сны, как известно, из ничего не возникают. Они сплетают сюжеты из фактов, обломков и примет реальной жизни. Солдат у порога был не сон: «Ваш муж ранен, что-то с ногами, руками, точно не знаю…»

Она схватила Юльку и к командиру полка. В тот же день их самолетом отправили в Ташкент.

В отделении травматологии она его не нашла. Отчаяние. Все?! Кто-то подсказал — ищи в глазном. Путь в отделение короток — но что испытала она?

— Вы готовы встретиться с мужем?

Она сильнее прижала к себе дочь. Кивнула.

— Дайте ей воды.

Ирина вошла в палату и увидела его под белой простыней. Руки, ноги — целы! Правда, лицо неузнаваемое, все посеченное и в зеленке. Глаза закрыты марлей. Он почувствовал, что это она: «Ира, посмотри, есть ли глаз?»

Однажды услышала реплику врача: «Вострoтин — не жилец».

Откуда берутся силы, когда их нет? Найти ответ может только каждый сам для себя.

Он всегда был очень сильным, иначе бы не состоялся как десантник. И когда суворовцем «отбил» ее у всех каслинских воздыхателей. И когда они играли свадьбу. В ту пору в Каслях была мода на пышные свадебные затеи, разукрашенные вереницы машин: знай наших! Валерий настоял: к черту это мещанство! Пошел с невестой в загс пешком, на обратном пути к дому нес молодую жену на руках. Он был силен и тогда, когда в Афганистане принимал решения, от которых зависела жизнь людей…

Самая точная правда о человеке — его поступок. Его поведение в драматических ситуациях. Афганистан — самая точная оценка Вострoтина: орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, звезда Героя Советского Союза.

Вострoтин — человек не суеверный. Но есть у него свой талисман — тот самый погон суворовца. Его он носил в нагрудном кармане всегда. В тот день, когда в него почти в упор стреляли из гранатомета, погона при нем не оказалось…

Ирина верила, что вдохнет в мужа жизнь. Достала мумие. Перевязки делала сама — утром и вечером. Купала. Кормила только своим, домашним. Поначалу вливала с ложечки сок — губы были в швах. Чуть свет бежала на рынок, готовила и с кастрюльками — через забор, сокращая путь, — летела к нему.

Однажды Валера пошутил: «Повезло… Олимпиаду теперь посмотрю…» Это была ее, пусть маленькая, но победа. Он снова становился самим собой.

Потом — Ленинград. Военно-медицинская академия… Из глаза извлекли два осколка. Оперировали руку, защитившую его от смертельного металла. Тихими ночами, без выстрелов, он думал о возвращении в строй.

Ира посчитала, что он шутит, когда Валерий снова заговорил об Афганистане.

Ему действительно не откажешь в чувстве юмора. Заглянула в их семейный альбом, а там страница по клеточкам расчерчена — от лейтенанта до генерал-полковника. Фотографии вклеены до подполковника.

Но Афганистан был всерьез. Туда офицер Вострoтин вернулся командиром того самого полка, где когда-то начинал взводным, командовал ротой. Того полка, где его ждали.

— Папа — наша самая большая проблема, — говорит мне серьезно его дочь, десятилетняя Юля, копия Валерия.

Сколько раз еще поразит меня своей недетской философией

эта маленькая умница.

— Вы не смотрите, что тетя Наташа маленькая, — у нее душа большая, — это о соседке, жене офицера, который служит вместе с Вострotиным.

Юля знает все песни про Афганистан. Самые любимые — «Стою у последней черты» и «Я от пули заколдован…»

Мне было всего два года,
когда уехал отец.
И стало так плохо без папы,
как ласточке без небес…

Это ее сочинение. Пять лет из десяти с папой ее связывают только письма.

«Здравствуй, моя милая дорогая Юленька! Вот тебе уже десять лет — первый в твоей жизни юбилей. Ты, наверное, думаешь, что стала совсем большая. А для меня ты все равно совсем маленькая, веселая малышка, карапуз и капюшон. Ваши фотографии наклеены у меня на стене, я всегда утром с вами здороваюсь и вечером говорю: спокойной ночи. Я вас с мамой люблю и жду не дождусь, когда приеду и увижу…»

Как-то он прилетел оттуда. Ира на работе. Бросился к Юльке в детский садик. Уезжал в Афганистан, она еще совсем кроха была. Дети кричат: «Вострotина, папа за тобой пришел!» Она смотрит и не узнает. Схватил ее на руки, целует. Она говорит: «А я сандалики уже умею застегивать…»

— Папа очень любит васильки, они же голубые, как берет у десантника, — говорит мне Юлька.

— А мама?

— Мама — ромашки.

— Похоже, — говорю я и киваю на засушенный букетик у зеркала.

Юлька не унимается:

— Знаете, что я заметила? Когда мама причесывается, она смотрит не в зеркало, а на ромашки. Это она о папе думает…

Она достает из шкафа спичечный коробок, оклеенный фольгой, и протягивает мне его без слов. Открываю и тоже не нахожу слов. Два десятка металлических осколков… Это то, что извлекли. Остальное носит в себе.

Говорят иногда: счастье надо заслужить. Ирине такое довелось слышать, наверное, не раз. Сколько дадено ей счастья —

сильной-слабой женщине, которая любит без остатка, посвятившей свои годы вере и верности?

…Она дышала на замерзающие бутоны гвоздик. Мороз был приличный. Ее взгляд перемещался сейчас только в двух направлениях: часы — ворота Спасской башни, часы — ворота.

Мимо шли экскурсанты, щелкали затворы фотоаппаратов. Красная площадь в тот морозный день февраля жила своей обычной жизнью. Необычным, наверное, был вид этой замерзшей женщины с замерзшими цветами. К ней подошел строгий милиционер:

— Вы кого-то ждете?

Женщина ответила:

— Мужа. Он там, — показала рукой в сторону Кремля.

— А что же он заставляет так долго ждать на морозе?

Ей очень хотелось сказать, кто ее муж и почему он там. Но она ничего не сказала.

Наконец появился тот, кого она ждала. Знакомая легкая походка, как струнка, прямой, подтянутый. Она готовилась к этой минуте, ждала ее. Но когда он распахнул шинель и она увидела Золотую Звезду, сказать уже ничего не смогла. Слезы покатились по ее заледенелым щекам.

Люди с любопытством оглядывались на них — подполковника в парадной форме и плачущую молодую женщину. Вероятно, осуждали: нашли же место для выяснения отношений.

Прохожим было невдомек, что он и она в ту минуту были самыми счастливыми людьми на белом свете.

(Красная звезда, 1988, 8 марта.)

Айвен Сиразитдинов
В ПЕНАТАХ ГЕРОЯ

Офицер есть образ Родины для солдат на поле боя.

А. Платонов

В старину, во времена, когда литература именовалась «изящной словесностью», отчий дом, сторонку родимую называли пенатами. Слово это благозвучное, но редко произносимое ныне — «пенаты» — как нельзя более подходит к обличью старинного мастерового уральского города Касли, в котором

родился и рос будущий Герой Советского Союза Валерий Вострotин.

Чем дальше на север по Свердловскому тракту, тем «дальше в лес»: по обе стороны дороги то встанет темной стеной сосновый бор, то вдруг просветлеет на версты от белого сияния стволов берез. Сворот налево — опять леса; и вдруг за кронами дерев — голубые проталины берез, а на западе, у самого окоема, засинели вершины гор — там проходит гряда Каменного Пояса.

Красивый край… Еще Мамин-Сибиряк называл окрестности Каслей «уральской Швейцарией». От самих каслинцев я услышал другое название городка — «уральская Венеция»; и, право, в этом поэтическом названии нет преувеличения. Касли, омываемое голубыми водами озер Большое и Малое Касли, Иртяш, — «часть суши, окруженная водой», по сути, — остров посреди озерного простора, считай, каждая улица — прибрежная. Чем не Венеция!

Близость воды обычно вызывает у мальчишек предрасположение к морской романтике, а если растет будущий воин, — тягу к флотской службе. Оно и верно: есть среди уроженцев Каслей даже свой полный адмирал. А вот Валерий, избороздивший в отцовской лодке все каслинские акватории, выбрал другой род войск — пошел в воздушные десантники, или как теперь их называют — «голубые береты».

* * *

Июль 1980 года. Афганистан. Старший лейтенант Вострotин, недавно назначенный начальником штаба батальона, в том походе исполнял обязанности комбата.

Десантники совершали марш в один из отдаленных горных районов. В узком ущелье колонна попала в засаду. Вострotин, находившийся в командирской машине, увидел, как взметнулся вверх сноп огня на том месте, где мгновеньем раньше была головная БМД[1], шедшая в передовом дозоре, — в ней взорвались от прямого попадания вражеского снаряда боеприпасы.

Разгорелся жестокий бой. Вострotин приказал засечь огневые точки душманов и подавить их. Вышел на связь, чтобы отправить радиодонесение на КП, но едва он отнял руку от пульта рации, как его оглушило взрывом — в БМД стреляли в упор из гранатомета. Снаряд, пробив броню, взорвался в командирской кабине прямо под сиденьем. От самого крупного осколка, который мог оказаться роковым, голову прикрыла рука: в горячке боя, успокаивая себя, прикурил сигарету, поднес ее для очередной затяжки, и именно в этот самый момент… Опаленный

с ног до головы пламенем, иссеченный осколками, теряя зрение, комбат продолжал управлять боем.

— Командира, командира ранило, — механику-водителю, видимо, казалось, что он кричит, на самом же деле он еле прошептал это, не сводя глаз со старшего лейтенанта Востротина.

А он, окровавленный, тянулся к шлемофону, в котором рокотал голос вышедшего на связь полковника Сердюкова:

— Что случилось? Почему молчишь? Ты ранен?

— Есть немного, — прохрипело, проклокотало в горле. — Веду бой.

Десантники, выполняя приказ Востротина, прорывали кольцо засады, а он, их командир, ослепленный красным туманом, застившим глаза, искал руками оружие и рацию. Попадались фляга, пачка галет из сухпайка, и лицо старшего лейтенанта искажала гримаса нетерпения.

— «Вертушки», вызывай «вертушки»! — теперь уже в самом деле кричал механик-водитель авианаводчику.

Вертолеты показались через несколько минут. Один из них ювелирно приземлился в ущелье, возле БМД Востротина, второй прикрывал, наседкой кружил вверху. Этот вертолет был сбит очередью вражеского ДШК[2]. Но ничего этого не видел Востротин, когда его поднимали на носилках в грузоотсек вертолета. Только услышал:

— Вот такой ценой, браток, — сдавленно прошептал летчик, закрывая люк вертолета.

— Я вернусь сюда! — выдохнул Валерий.

Летчик безнадежно махнул рукой, — благо десантник ничего не видел.

* * *

Народ в Каслях живет особенный. В трудные времена выковывалась крепкая каслинская порода. Еще до Демидовых бежали сюда с Руси беглые крепостные людишки, каторжники, керженцы — старообрядцы. Шли за волей. В дальний путь за неведомый Каменный Пояс отваживались податься лишь самые отчаянные, смелые, да и силушкой не обиженные.

Каслинцы на слово не верят: приветят встречного, а потом испытают, каков он есть. Знают себе цену. Народ упрямый, настырный: ни в работе, ни в ученье, ни в забавах первенства никому не отдадут.

Востротиных в Каслях много… Есть и родня, а больше однофамильцы — фамилия в городке самая распространенная,

такая же как Чупруновы, Ахлюстины. Фамилии в большинстве произошли от прозвищ, которыми в старину одаривали всякого каслинца. Востротин… Напрашивается на язык «востер-от», так прежде на Урале говорили о тех, кто острым, смекалистым умом вникал в суть любого дела: заводского ли, крестьянского иль ратного, сноровкой брал.

Отец Героя Александр Васильевич Востротин прошел с боями по дорогам войны, Великой Отечественной, от Москвы до Данцига, да еще на Дальнем Востоке с самураями воевал. Служил в 67-м гвардейском минометном Мелитопольском орденов Александра Невского и Красной Звезды полку, на вооружении которого находились славные наши «катюши». Полк, в котором служил гвардии старшина Востротин, особо отличился в боях при прорыве границы Восточной Пруссии. Ночью поступила команда: выдвинуться вперед и обеспечить продвижение танкового корпуса, глубоко вклинившегося в оборону противника. Корпусу угрожало быть зажатым в клещи. Но двенадцать полковых залпов «катюш» сорвали намерение врага — наступление успешно развивалось.

В детстве Валерий часто донимал отца:

— Расскажи, как вы фрицев провели и оторвались от них…

— Да я ж тебе рассказывал уже.

— Как дал он по ним из автомата… Очередь — та-та-та.

— Это ефрейтор Бумажкин… Молодец — не растерялся!

— А ты?

— А я — за руль. Мое дело шоферское: развернул машину — и ходу…

Мать Валерия, Александра Ивановна, сухонькая, подвижная, про таких говорят: годы не берут, вспоминает: «С садешнего возраста мечтал он стать военным. Мне товарки в роддоме нагадали — будет твой сын героем. Кто их разберет, может, приметы знали…»

Еще в первом классе Валерий заявил родителям, что пойдет в суворовское училище.

— Дело хорошее, — одобрил отец. — Но, чтобы стать суворовцем, сам понимаешь, надо хорошо учиться, физкультурой заниматься… ну, закаляться еще. Не то какой с тебя вояка…

Валерий каждое утро после пробежки обливался водой из колодца, зимой снегом обтирался. А учась во втором классе, он отправил рапорт начальнику суворовского училища. Рапорт вернулся с генеральской резолюцией: «Рановато тебе, сынок… Придется обождать».

Однажды, когда Валерию было одиннадцать лет, отец взял его с собой на озеро. Отошли на лодке от противоположного

берега, сын спросил отца:

— Пап, останови моторку…

— Это еще зачем?

— Попробую сам доплыть.

— Ну что ж… пробуй, — сказал отец с доброй усмешкой.

Валерий преодолел оставшееся расстояние до берега — пять километров вплавь. Отец шел рядом на моторке, для подстраховки.

* * *

…На несколько мгновений пришел в себя в Кабуле. Кто-то ходил рядом, дотрагивался, он же ничего не видел: веки были прижаты повязкой. К тому же на каждое шевеление — дикая боль в руке.

Снова пришел в себя уже в Ташкенте. Машинально открыл глаза: в левом — боль, правый — ничего, моргает. Только пелена непонятная… впрочем, это же бинт! Ну да, бинт в одно сложение, даже видно через него кое-что.

— К вам жена. С дочерью, — сказал кто-то рядом.

Замер, сжался перед встречей. И все же увидел, узнал сквозь бинт Ирину.

— Доченька, Юля, поцелуй папу, — говорит сквозь слезы она.

И голос дочушки:

— Папа, а ты умывался?

Глянув в зеркало, он не узнал себя: лицо иссечено, нос перебит, пятна крови, зеленки, в общем, смотреть не на что — семнадцать швов…

Потом был Ленинградский госпиталь. Из глаза извлекли два осколка, но начался воспалительный процесс в руке.

Еще операция, еще… Осколков, извлеченных из тела Валерия, набрался целый спичечный коробок, он по сей день хранится у него дома.

…Но теперь сознание старший лейтенант не терял. Раз за разом прокручивал в своей памяти «афганскую» жизнь. В декабре 1979 года вместе со своей ротой, которой он командовал, одним из первых десантировался на взлетно-посадочной полосе Кабульского аэропорта. Его роте была поручена охрана президентского дворца. Первые бои. В апреле 1980-го — орден Красного Знамени. И тот бой, в ущелье… Нет, он ничего не забыл. Бередило душу услышанное там, где его ранило, от летчика вертолета: «Такой ценой…» Да, он нужен там. Там, где остались его боевые друзья. Он узнал цену жизни, там сейчас нужны его

знания и опыт, а он сумеет сделать немало, чтобы отвести беду не от одного парня. Чтобы побеждать без напрасных потерь.

После госпиталя на несколько дней Валерий вырвался домой, в Касли. Нас всегда тянет к родному истоку…

* * *

Отчий дом в Каслях, выкрашенный в зеленый цвет, с резными наличниками, палисадом, с крепкими тесовыми воротами, смотрится как новый. Его и ставили не так уж и давно, когда Валерий учился в школе. А прежде была старая хибарка. Издавна осели Вострotины на каслинской земле. Прадед Валерия ловил рыбу к столу хозяев-заводчиков, дед работал на мельнице, хозяином которой был немец Комберг.

Много чего осталось от той старины в Каслях. Город в своей старой части мало чем отличается от того, что изображен на музейной фотографии прошлого века. И теперь еще увидишь ажурные деревянные кружева, которыми прежде каслинцы украшали фасады домов. Ходишь по улицам — не налюбуешься: знали люди толк в красоте. То ли природа настраивала их души на особый лад жизни, но нарождались и творили свою, рукотворную красу люди, наделенные настоящим художническим даром. От того дара и пошло знаменитое каслинское литье. Утверждают, что иностранцы, восхищенные чудом чугунным, нарекали свои города в честь Каслей. Так появились британский Касл и Нью-Касл в Америке.

В годы войны каслинские умельцы железного дела вместе со всей страной ковали Победу. Касли давали фронту мины и снаряды. Город отряжал, снаряжал на войну отважных бойцов; что ни фамилия — отделение, а то и взвод. Одних Ахлюстиных, только из тех, что увековечены на военных фотографиях в каслинском музее, — четверо, стоявших насмерть на Курской дуге, защищавших Сталинград, бравших Берлин. Пятеро каслинцев — Гаяз Баймурзин, Александр Сугоняев, Петр Кашпуров, Егор Зеленкин, Степан Мозжерин — удостоены за подвиги в Великой Отечественной звания Героя Советского Союза.

Может, потому так велик в Каслях интерес к военной профессии. Но, когда Валерий подал заявление в суворовское училище, директор школы Раиса Андреевна Самойлова, не желая расставаться с одним из лучших учеников, упрекнула родителей:

— Что же вы делаете? Цвет школы отбираете у меня.

Тогда еще никто не предполагал, что впоследствии Вострotин

прославит Касли как боевой офицер.

До поступления в суворовское Валерий учился в 27-й школе. Десять лет назад эта школа переехала в новое здание, но и старое сохранилось — там сейчас размещается политехнический техникум.

Вытянутое одноэтажное кирпичное здание с флигелями по обе стороны стоит на взгорке, рядом с громадным белокаменным собором, местной достопримечательностью. Вот здесь, в этой школе, начало закладываться в нем то, что потом станет характером, волей, стремлением к новым знаниям. Помнят учителя Валерия, резвого, любознательного. Зинаида Владимировна Косарева рассказывает сегодняшним школьникам о том, что Валерий с увлечением занимался английским языком.

Нелли Ивановна Голик — о том, что он выделялся хорошими математическими способностями. Самостоятельный ученик. Стремился решать задачи своим способом. Любил рисование. Отмечали еще такую особенность — рисовал левой рукой.

В школе Валерия помнят и как отличного физкультурника. Василий Николаевич Тащитов: «Самыми лучшими спортсменами были у меня Валера Вострогин и друг его Сережа Дружинин (он тоже стал офицером). По легкой атлетике, баскетболу — чемпионы города и области».

«Все мы родом из детства». Валерий — родом из детства босоногого, из мальчишеских игр и занятий, через которые проходит вся каслинская детвора. Рос он в семье небогатой, рабочей. Зато какое раздолье в уральском лесном, озерном краю! Рыбалка. В лесу полно грибов, ягод — только поспевай за всем. Занимался с братишкой Сережей фотографией. Не было такого, чтобы дети в семье Вострогиных маялись бездельем. Работы хватало на всех: дом строили, да заодно со всем насущным управлялись — то сенокос, то дрова, то огород.

Любил Валерий читать. Убегал с книгой на печь, приспосабливался там читать с фонариком. Родители опасались, кабы не попортил зрение.

Зрение испортил осколок от выстрела гранатомета.

Еще вспоминала мать: «А ученье давалось ему: память у него, знаете, какая хорошая… Часто мы за ним замечали: крепенько задумывался о чем-нибудь. Не все ведь мальчишки такие, а у него это было…»

Свердловское суворовское училище Валерий закончил с отличием. Погон суворовца в Афганистане носил в нагрудном кармане как талисман, хотя, известно, среди десантников нет людей суеверных. В том бою, в июле 1980 года, когда в него стреляли в упор из гранатомета, погона при нем не оказалось…

После суворовского — в Рязанское воздушно-десантное. Учебу опять же закончил с золотой медалью.

Домой приезжал в каждый очередной отпуск.

В тот раз — по ранению.

Сохранилась фотография, напоминающая о той побывке. Валерий снят в гражданской рубашке, в больших темных очках, заметны шрамы на лице — их не закроешь очками, волосы не отросли еще, серьезен, задумчив. Вспоминает Валентина, младшая сестра жены: «О Валерии друзья говорили, что веселье из него бьет не просто искрометное — оно огнеметное. Юмор, оптимизм — без этого вообще нельзя представить его характер. Где он — всегда друзья, стоит ему приехать, сразу собираются школьные товарищи, вообще их класс — самый дружный за всю историю школы. Но после Афганистана Валерий сильно изменился… Нет, он никогда не будет унывать, и чувство юмора будет при нем всегда, но строже он стал, что ли… не знаю, как сказать: иногда он кажется старше своих сверстников, знающим нечто большее, чем они…»

Да, то, что он знал и испытал, обязывало к таким решениям, которые не всегда могли понять даже самые близкие. И когда Валерий вновь заговорил об Афганистане, Ирина, жена, подумала, что он, наверное, шутит. Но когда поняла, что это серьезно, то все внутри застыло на мгновенье, окаменело… Это только говорят, что в одну воронку два снаряда не лягут…

* * *

Уехал во второй раз «за речку» Востротин. Уже комбатом. Жене писал: «Греюсь под афганским солнцем», а у самого на груди еще один боевой орден — Красной Звезды.

Да, видать, не зря названия орденов, которыми наградили Востротина, начинаются со слова «красный». Кровь — тоже красная. И второй раз узнал Валерий, что такое госпитальная койка. Одно в радость — ранение менее серьезное, чем в первый раз (шутить в Афгане умеют). Отлеживался, получил новое звание — и снова в бой со своим батальоном.

В 1982 году Востротин получает еще один приказ, наверное, самый желанный для семьи и родителей: убыть в Москву для учебы в академии имени М. В. Фрунзе. Знали бы они, что после ее окончания (конечно же, с золотой медалью) их муж, отец и сын снова начнет глядеть в самый обрез карты Советского Союза — на всех на них смотрится кусочек Афганистана.

Правда, сначала — распределение в Одесский военный округ.

В короткий срок часть, которой он командует, становится лучшей в воздушно-десантных войсках. Перспектива впереди самая заманчивая.

Но снились ему афганские горы. Отчего? Совесть его могла быть спокойной: дважды побывал там, где иные ни разу, дважды ранен, как воевал — ордена на груди. Но он пишет рапорт. Тем, кто мог неверно истолковать его шаг, наверное, что-то могли объяснить вот такие стихи:

Настоящие мужчины, не ища другой причины,
Думаю, меня поймут,
Разве может шашка боевая в ножнах почивать,
Если есть — огнем пылает — край,
Что кровью истекая,
продолжает воевать?

— Зря все это, — говорили одни.

— Глупости, — вторили другие.

Для них — да. Но просто надо знать характер Вострotина, нестандартность его поступков, чтобы предсказать с самого начала — он туда вернется.

Кто знает, может, это и есть офицерская честь — в самом точном ее понимании.

* * *

Полк, который принял Вострotин по прибытии в Афганистан, стали называть легендарным. Вступив в командование, Вострotин учил солдат воевать по-настоящему, по-суворовски, как умеет сам. По сообщениям, поступавшим из Афгана, доходившим в печати и до Урала, можно было судить, что без вострotинцев не обходилось ни одно сколь-нибудь значительное событие на театре военных действий. Будь то Алихейль или Хостинская операция.

Он вел ребят в бой ради жизни, зная высшую цену ее. Именно десантники полка Вострotина с боем прорывались сквозь вражеские засады на спасение сбитого душманским «стингером» летчика Константина Павлюкова. Именно полк Вострotина нашел Героя (Константину Павлюкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза) в одном из самых «духовских» районов — Чарикарской «зеленке».

Когда в Москве был подписан Указ о присвоении Валерию Вострotину звания Героя Советского Союза, он со своими

десантниками вел бой за высоту 3234 на подступах к дороге Гардез — Хост. То был один из решающих боев, в ходе которого успешно осуществилась операция по прорыву блокады. Двое подчиненных Вострotина в этом бою также станут Героями Советского Союза.

* * *

Во все глаза всматривался в экран телевизора трехлетний племянник Вострotина Дима, притихший, присмиревший, — а ведь непоседа, озорник — с гордостью оповещал каслинскую родню, собравшуюся у телевизора в тот памятный день февраля; не усидев, принимался тормошить тех, кто не разделял, по его разумению, его восторгов: «Глядите, дядю Валеру показывают!»

Показывали Георгиевский зал Кремлевского дворца — зал воинской славы: Валерию Вострotину страна вручала Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Дима играет «в дядю Валеру». Играет «в солдата Валеру» другой племянник, Миша, — сверстник Димы. В семье его называют «Мишей-десантником».

А вот у пионеров четвертого класса 27-й школы это не просто игры, ребята на большом серьезе взялись за то, чтобы удостоиться права назвать свой пионерский отряд именем героя-земляка. Их классная руководительница Валентина Ремизова рассказывала: «Провели мы сбор: родителей приглашали, учителей, знавших Валерия. Класс довольно трудный, да и мое классное руководство первое в жизни. Теперь ребята заметно подтянулись. Недавно провели смотр строевой песни. Наши мальчики пели «Голубые береты».

Первым, кто буквально ошеломил родителей Вострotина радостным известием, был врач каслинской больницы Михаил Николаевич Рождественский — принес свежий номер «Правды» с Указом о награждении. Вострotины всегда гордились сыном, знали о его подвигах, но не думалось им, что сын взлетит столь высоко. Хранится в доме их среди дорогих реликвий номер «Собеседника» за восемьдесят пятый год, где в интервью журналисту один из прямых начальников Валерия, генерал-майор Н. И. Сердюков, сказал: «Вот если бы меня спросили сейчас, кто из подчиненных может в будущем стать генералом, я бы назвал Валерия Вострotина. Есть в нем качества, которые нужны командиру высокого ранга…»

Щедра земля уральская талантами, и военными — тоже. Кабы вообразить, к примеру, парадный строй воинов — уроженцев

Каслей, — то возглавили бы его семеро генералов. Если Валерию суждено стать генералом, то он будет в нашем генералитете, наверное, одним из самых молодых: ведь практически все воинские звания ему, по заслугам ратным, присваивались досрочно.

Из нынешних армейских офицеров воин-интернационалист Валерий Вострогин первым в Челябинской области удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Первый и пока единственный — каслинцы испытывают законное чувство гордости за своего земляка.

(Советский воин, 1989, № 4.)

Елена Францева
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рабочий день в редакции заканчивался, когда принесли телеграмму:

> «Срочная «Челябинский рабочий» Записан магнитофон выход Афганистана Вострогина челябинцев Встречайте материал рейсом 2984 Ташкент Свиридов».

Кто такой Свиридов, мы не знали, но имя Героя Советского Союза, каслинца Валерия Александровича Вострогина, командира легендарного полка десантников, заставило действовать без промедления. Прежде всего позвонили в аэропорт, узнали: ташкентский самолет прибывает в 3.30. Под утро дежурная машина увезла добровольцев-газетчиков в аэропорт. Увы, самолет не прибыл: вылет задержался по метеоусловиям. В 11 часов второй рейс редакционной машины в аэропорт — снова неудача: надо ждать еще два с половиной часа. Но сюжет, так круто закрученный сперва, чуть ли не приключенческий, хоть и замедливший свой ход (если точно — повисший в воздухе, не фигурально говоря), не отпускает нас.

Секретарь парткома объединенного авиаотряда В. С. Алюшкин и сменный заместитель начальника аэропорта А. М. Малойван обещают нам помочь, но на вопросы авиаторов мы можем лишь предъявить телеграмму. Кто везет магнитофонную пленку, от кого? Местный ли это журналист, вспомнивший о далеких коллегах, или кто-то из политработников! На подлете к Челябинску запросили ташкентский борт. Узнали: фамилия Свиридова значится среди пассажиров. Итак, летит сам автор телеграммы. И вот мы

встретились.

Виктор Михайлович Свиридов, инженер одного из предприятий Челябинска, вместе с женой несколько дней назад улетел в приграничный Термез, чтобы встретить сына: Михаил Свиридов после окончания Рязанского высшего военного воздушно-десантного училища полтора года назад был направлен в Афганистан, служил в полку, которым командует Герой Советского Союза полковник В. А. Востротин, и вместе с ним возвращается на родную землю.

Мы не раз за последние дни видели эти кадры в программе «Время»: идущие по мосту Дружбы через границу домой бэтээры, другая техника. И счастливые лица наших ребят — солдат, офицеров, за плечами которых нелегкая ратная служба. Слезы матерей и отцов, обнимающих своих сыновей. А вслед за этим телевидение показывало нам кадры, снятые на Саланге, через который шли наши войска. Там еще продолжали свою службу те, кому предстояло возвращаться домой последними. И среди них — десантники-востротинцы, надежно прикрывавшие горный перевал и обеспечивавшие нормальный выход подразделений советских войск. Мы читали о том, что 23 января они приняли нелегкий бой, знали о геройской гибели майора О. Юрасова, отважного офицера из полка Востротина… И вот десантников встречает Термез.

Среди тех, кто ради этого торжественного и радостного момента преодолел тысячи километров и встретил своих близких, были и Свиридовы. С собой Виктор Михайлович захватил магнитофон, и за день, проведенный с сыном, его однополчанами, не раз включал его на запись. Пленку передал нам.

Они несовершенны, эти записи. Порой собеседников трудно расслышать сквозь рев моторов боевых машин пехоты или ударившего в микрофон ветра. Но главное удалось: записать первые впечатления вернувшихся на родную землю десантников. Вот привет своему младшему брату, который работает на аглофабрике Челябинского металлургического комбината, передает работник политотдела Александр Дмитриевич Греблюк. Он 20 месяцев пробыл в Афганистане.

Голос на пленке взволнованный, счастливый…

«Настроение отличное», — звучит уже другой голос. Говорящий сообщает о себе: «Костричко, с улицы Солнечной в Челябинске. В Афганистане прослужил полтора года. Домой? Нет, пока не отпускают, буду еще служить».

Здесь же офицер Сергей Подгорнов. Значит, и в дом на улице Молодогвардейцев в Челябинске тоже стучится радостная весть:

сын на родной земле, пусть отпустит тревога материнское сердце.

А какова она, эта тревога, поведала мама другого десантника В. Хижняка, приехавшая в Термез: «Ой, я так рада, не могу передать! Столько терпела, тревогой жила. А теперь можно спать спокойно».

— А как узнали, что сын именно в эти дни вернется, и именно через Термез?

— Чувство материнское подсказало. Мне говорили: зачем поедешь? Вдруг ты — в Термез, а он — через Кушку выйдет? А все-таки сына здесь обняла…

Владимир Хижняк, которого спросили о последних днях в Афганистане, о тех, против кого пришлось держать бой:

— Об Ахмад Шахе Масуде «слава» давно идет. Сильный мужик, и армия у него сильная. Но с нами ему не тягаться, мы — десантники! Говорят, Ахмад Шах сказал: ни одного десантника с перевала не выпустим, но мы им дали так, что, наверное, до сих пор опомниться не могут…

В. М. Свиридов встретился с командиром полка полковником В. А. Вострotиным. Хотелось ему узнать о том, как служит его сын. (Хотя разве не говорят о том два боевых ордена Красной Звезды, которыми награжден Михаил Свиридов?) А потом Виктор Михайлович попросил собеседника сказать несколько слов для своих земляков и включил магнитофон.

— Землякам-уральцам передаю привет от воинов-интернационалистов, — говорит Валерий Александрович.

— А матери и отцу, которые ждут вас в Каслях?

— Самое главное, чтобы мама не волновалась. Пять лет она теряла свое здоровье. Мама, я дома! Живой, здоровый. Когда приеду домой — трудно сказать, но самое главное, что я здесь. А отцу пожелаю здоровья. А еще — он у меня рыбак — удачи рыбацкой!

— Где было вам труднее: там, где несли службу, или на Саланге?

— Наверное, на Саланге. К общему чувству ответственности за выполнение боевой задачи присоединилось чувство, что вот-вот — дома, близко уже… Каждый выстрел, каждая потеря воспринимались особенно остро.

Впервые я попал в Афганистан зимой семьдесят девятого. Тогда тоже была очень снежная и холодная зима. И вот сейчас такая же. Месяц мы стояли на Саланге, и только пять дней была нормальная погода. А так — метель, пурга, снегопад. Гололед, техника не идет.

Сегодня ровно пять лет моей службы в Афганистане. Поверите ли — день в день. Не считаю, конечно, учебу в

академии, год в Союзе еще служил…

О людях полка можно говорить много. Все без исключения подразделения побывали в трудных ситуациях. Но там это повседневный труд. В полку семь человек удостоены звания Героя Советского Союза. И сейчас представлен к этому званию посмертно майор Олег Юрасов. Не знаю, писали ли в газетах — с корреспондентами говорили по телефону, плохо было слышно. Так вот, бандиты заняли кишлак. Банду окружили. Они собрали женщин, детей и, пользуясь ими, как заслоном, пошли в горы. Олег со взводом отсек бандитов от мирных жителей. Он не думал, что они будут стрелять; ведь это значило открывать огонь по мирным жителям. Поэтому он вышел к ним без оружия, рискуя собой ради жизни безвинных людей, он вступил с душманами в переговоры. А они применили оружие, ранили Олега и сразу отсекли, попытались захватить. Но взвод не допустил этого, пробились к Юрасову, доставили его в госпиталь, но спасти не удалось.

— Как выходили к границе?

— От Саланга пятьсот километров проделали за сутки. На ходу ели, почти не спали. Я не спал четыре ночи. А эту, последнюю, почти всю мы потратили на то, чтобы отмыться, почиститься. Там, на Саланге, палатки отапливались соляркой: дым, копоть — и все закоптились, как негры. Не мог я в таком виде полк привести…

…Вернувшимся в Союз десантникам на торжественном построении были вручены памятные подарки от министра обороны СССР — часы Челябинского часового завода. Еще одна ниточка, протянувшаяся между знаменитым полком и нашим краем.

(Челябинский рабочий, 1989, 16 февраля.)

Иван Гавриленко
«Я ТЕБЕ НЕ СМОГУ РАССКАЗАТЬ ПРО КАБУЛ»

Колонна возвращалась в город «с реализации разведданных» — так это называлось на военном языке. Вдруг из зарослей, что на той стороне сильно обмелевшей реки, раздались выстрелы. Машины двигались походным строем, и времени, чтобы принять боевой порядок, у подразделения не осталось. Сергей одним из первых скатился с бронетранспортера и открыл автоматный огонь. Заслышав стрельбу, справа и слева от него залегли товарищи — огонь стал плотнее. Правда, напрасно было ожидать, чтобы там, за рекой в зарослях, мелькнула чалма или темный халат — «духи» очень осторожны. Пришлось ориентироваться лишь на шевеление камышовых метелок да по звукам выстрелов.

Дружный огонь взвода на какое-то время сковал противника. Это помогло занять боевой порядок все еще подходившим машинам. Вскоре Сергей услышал голос командира, подающего команду огневикам. В это время разорвалась мина. Сергея бросило на камни, осколками которых посекло лицо. Но он все же услышал, как били по камышу наши — тугие волны воздуха перекатывались над позицией. Уже в госпитале узнал, что бой его товарищи выиграли, захватили несколько минометов противника, часть нападающих сдалась в плен.

За воинское мастерство, самообладание и умелые действия в том бою его самого, Сергея Товпеко, наградили орденом Красной Звезды.

Мы беседовали с Сергеем в парке неподалеку от агрономического корпуса Оренбургского сельхозинститута, где Сергей учится, на скамейке напротив Вечного огня, в память тех, кто пал за Родину в Великую Отечественную войну. Как раз в это время к памятнику учительница привела первоклашек. Она следила за тем, чтобы во всем соблюдался порядок, а ребятишки необычайно серьезно относились к происходящему. Вот, глядя на них, Сергей и продолжил рассказ.

К месту, где дислоцировалась часть, с двух сторон подступала пустыня. А старую крепость, которую занимал первый батальон, и вовсе заносило песком. Воду брали из пробуренных скважин. Ее хлорировали, а потом отстаивали в металлических емкостях. И когда Сергей пил эту противно-теплую воду, он вспоминал родники Оренбуржья.

Сергей — уроженец бугурусланского Аксакова, принадлежавшего некогда деду знаменитого писателя. И места там действительно дивные. С тучным черноземом, прохладой дубовых перелесков и запахом трав, выкошенных меж берез. Поэтому Сергей с детства готовил себя к жизни именно здесь, на селе. Еще в школе освоил водительское дело, работал механизатором. А потом решил связать свою судьбу с работой на земле — стать агрономом. Представлялось это ему, может, несколько по-детски: вот он умается, отправляя на массив посевной агрегат или комбайн на обмолот, а потом, смахнув пот, отойдет к роднику и припадет к ледяной струе…

— Они мне и там, в Афганистане, снились — наши родники…

Однажды боевые машины, среди которых был и его, Сергея, бронетранспортер, остановились у поспевающей пшеницы. Ребята уже привыкли к афганским видам: рощицы миндаля и алычи, мандариновые деревца или крохотные хорошо ухоженные виноградники. А на этот раз колонна остановилась у кооперативного поля, размерами мало чем уступающего нашему колхозному. Сергей спрыгнул с брони и замер. На краю пшеничного участка стояла такая знакомая «Нива», а чуть дальше — сразу три трактора «Беларусь». Сергей подошел к комбайну и похлопал по горячему металлу, как по плечу друга. Хозяева поля, бородатые афганцы, молча смотрели на него…

Рассказывая об этом, Сергей оживился, глаза его повеселели. А потом вдруг замкнулся. Я уже знал об этих затяжных паузах в разговорах с «афганцами». Отчего они? Оттого, что не хватает слов и умения рассказать о том, что пережито там, в огне, на грани жизни и смерти? Или, может, испытанное столь ужасно, что человеческая душа противится, не хочет возвращаться к пережитому даже в воспоминаниях.

А Сергей вдруг сообщает, что, участвуя в «реализации», предпочитал находиться сверху, а не внутри бронетранспортера.

— Но ведь так опаснее? Любая пуля, даже случайная, может «достать»…

— А в бэтээре лучше, когда наскочишь на мину? Я задыхался под броней. Только представлю, как корежит и рвет металл… Нет уж, лучше наверху!

И я снова смотрел на его иссеченные каменной крошкой щеки, на большие рабочие руки, знавшие рычаги трактора и тяжесть автомата. И хотя был вдвое старше его, иногда чувствовал себя перед ним в чем-то младенцем. Он был там, он вынес из-под огня такое знание о собственной душе, какого у меня о своей не было. Впрочем, делиться этим знанием

собеседник не спешил. Характерна, например, такая деталь: поступая в институт, Товпеко умолчал о своем участии в афганской войне — сокурсники узнали о его боевом прошлом лишь от работников военкомата, пришедших в вуз, чтобы вручить Сергею еще одну награду — медаль «За боевые заслуги».

— Сергей, ну почему же ты все-таки скрыл? Другие, бывает, идут на заведомую ложь, выдают себя за «афганцев». Чтобы блеска прибавить собственной личности.

— Почему, почему?.. — рассердился Сергей. — Так!..

Теперь я думаю, не оттого только, что прошедшие ад боев ребята в чем-то пока не разобрались, а оттого прежде всего, что и все наше общество в целом еще далеко не единодушно в оценке такого сложного и противоречивого явления, каким оказалась для страны девятилетняя война в Афганистане. Вспомним, какая дискуссия разгорелась на одном из заседаний Первого Съезда народных депутатов СССР. Вот всего лишь несколько выдержек из нее.

Депутат *С. Червонописки́й:* — До слез обидно, что тем, кто вне всякой очереди шел под душманские пули, на итальянские мины, под американские «стингеры», приходится порой слышать из уст бюрократов от партии, советских, комсомольских и других органов уже ставшую почти крылатой фразу: «Я вас в Афганистан не посылал».

Депутат *П. Шетько:* — То, что сегодня Сергей рассказал здесь с трибуны, я подтверждаю. Эта фраза, которая звучит и по сей день от бюрократа: «Я вас в Афганистан не посылал» — пожалуй, она и будет звучать. А как же иначе? И то, что у нас сегодня мелькает в газетах, нам не дает покоя. Это и стихи Евтушенко «Колдунчик», «Афганский муравей» и другие. Мы, воины-интернационалисты, требуем всесторонней оценки ввода войск в Афганистан. Мы знаем правду об Афганистане и хотим, чтобы вы ее знали.

Из обращения в президиум Съезда от группы офицеров-афганцев, зачитанного депутатом С. Червонописки́м:

> *«Убедительно просим дать с трибуны съезда разъяснения народным депутатам, на каком основании или по чьему поручению народный депутат СССР Сахаров дал интервью журналистам канадской газеты «Оттава ситидзен» о том, что будто в Афганистане советские летчики расстреливали попавших в окружение своих же советских солдат, чтобы они не смогли сдаться в плен».*

Депутат *А. Сахаров:* — Я выступал против введения советских войск в Афганистан и за это был сослан в Горький (шум в зале).

Именно это послужило главной причиной, и я горжусь этим, я горжусь этой ссылкой в Горький, как наградой, которую я получил… Это первое, что я хотел сказать. А второе… Тема интервью была вовсе не та, я это уже разъяснил в «Комсомольской правде»… Отвечая на этот вопрос, я упомянул о тех сообщениях, которые были мне известны по передачам иностранного радио, — о фактах расстрелов (шум в зале), «с целью, — как написано в том письме, которое я получил, — с целью избежать пленения». Эти слова — «исключение пленения» — это приговор для тех, кто мне писал, это приговор чисто стилистический, переписанный из секретных приказов. Сейчас этот вопрос расследуется.

Что после этих слов началось в зале Съезда народных депутатов СССР — общеизвестно. Один за другим выступили депутаты: преподаватель СПТУ из Витебска В. Якушин, советник Председателя Верховного Совета СССР маршал С. Ахромеев, бригадирша совхоза «Пионер» из Владимирской области Г. Кравченко, директор пензенского совхоза «Елизаветинский» Н. Поликарпов.

Наконец на трибуну поднялась учительница из города Газалкента Т. Казакова. Вот ее слова:

— Товарищ академик! Вы своим одним поступком перечеркнули всю свою деятельность. Вы принесли оскорбление всей армии, всему народу, всем нашим павшим, которые отдали свою жизнь. И я приношу всеобщее презрение вам. Стыдно должно быть!..

На этой драматической ноте я пока и закончу цитирование стенограммы. Тяжело воспринимаются обвинения, брошенные в адрес академика. Не менее тяжело ложатся на душу его иные ответы. Хорошо, что, знакомясь со стенограммой, я уже имел знакомство с семьей Александровых из старинного оренбургского села Изобильного, сын которых — Вячеслав Александрович — погиб на одном из горных перевалов Афганистана. О его судьбе и судьбе его близких и пойдет дальше речь.

Родился Вячеслав 4 января 1968 года в селе Буранном, а потом семья переехала в Изобильное. Оба населенных пункта для Славика стали родными. Тем более, что в первом остались родители отца — Михаил Адамович и Пелагея Александровна, а со стороны матери — ее родительница Александра Антоновна Бутрова.

Славик часто проводил каникулы в Буранном. Любил пирожки бабы Шуры, сказки бабушки Пелагеи, учительницы. Дед Михаил делился воспоминаниями. Семь лет прослужил Михаил Адамович в Красной Армии, прошел славный боевой путь, имеет

награды, дважды ранен, комиссовался в сорок третьем с осколком в позвоночнике. Другой дед, Михаил Петрович Бутров, вернулся с Великой Отечественной на костылях. Впрочем, внук знал его лишь по рассказам бабы Шуры — Михаил Петрович умер, когда Славику не исполнилось и полугода.

Река Илек, с каждым годом отдаляясь от крайних улиц села, образовала великолепную пойму. Глядя на расположившиеся там огороды и речку, мы и разговорились с Виктором Ивановичем Гладковым, капитаном в отставке, военруком средней школы села Изобильного. Гладков дело свое знает. В последние годы не раз приходилось слышать сетования военкоматов на плохую подготовку призывников из села. Изобильненской школе в этом упрека нет. Виктор Иванович держит в руках пачку фотографий. Посмотреть есть на что. Стрельбы во время военной игры «Зарница». Состязания старшеклассников «А ну-ка, парни!» Плавание школьного отряда на плоту по Илеку. Фрагменты поездки в Волгоград, к местам боевой славы.

Заодно уж следует отметить добротность знаний, получаемых ребятами в здешней школе: с каждым годом все больше изобильненских выпускников поступают в вузы, в том числе на довольно трудные для сельских школьников инженерно-математические факультеты.

— Не знаю, — говорит Виктор Иванович, — почему-то в последнее время и в средствах массовой информации, и в кино, и по телевидению мы все больше отдаем предпочтение тем, кому не следовало бы. Металлистам, рокерам, рэкетирам, шантажистам, интердевочкам. А настоящая молодежь — вот! — Виктор Иванович вскидывает пачку фотографий.

Что ж, если и есть в его словах доля запальчивости, то небольшая, поскольку в той пачке снимки мальчишек и девчонок с лопатами в руках на картошке, у ворохов зерна, на комбайне и т. д. А главное — там изображен юноша, почти мальчик, в военной форме и берете десантника, его ученик, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза.

Во дворе Александровых много цветов.

— Вот у этих, — показывает хозяйка двора Раиса Михайловна, мать погибшего, — Слава то ли во втором, то ли в третьем классе караулил как-то сразу три или четыре утра подряд. Попросит разбудить пораньше, выйдет и ждет, как дрогнут навстречу солнцу цветочные лепестки. Раз не уследил, другой. А потом все же подсторожил как-то. То-то было радости…

В этом месте Раиса Михайловна смахивает слезу. Сколько она их уже пролила, в том числе и тогда, когда выходили из Афганистана последние советские части. Тогда в Оренбуржье

стояла снежная зима. И когда по телевизору показывали перегороженные сугробами дороги в горах, по которым двигались тяжелые бронетранспортеры, Раиса Михайловна отмечала обеспокоенно: и там большой снег.

А до этого по радио и в газетах несколько раз упоминали города Гардез и Хост. И каждый раз при этом сердце ее вздрагивало. Еще бы! В привезенном ей боевыми друзьями сына блокноте родною рукой были аккуратно вписаны названия афганских мест — тех, где побывала его парашютно-десантная рота. Оба упомянутых выше населенных пункта вписаны в книжечку дважды. Итог же всему подводит краткая запись, сделанная другим почерком: «16.30. Седьмого января. Последняя война Славика. Хост, под которым он геройски погиб». Эти строчки неровны, что и неудивительно: запись сделана человеком, только что вышедшим из боя.

В те радостные для всех нас дни весь мир следил за тем, что происходило на дорогах из Кабула в Термез и к Хайратону. Вот последняя бронетанковая колонна покинула афганскую столицу. Вот пропыленные машины достигли перевала Саланг. Здесь произошли жестокие бои. А вот уже на Советской земле женщины обнимают парней, только что оставивших за собой пограничный мост через реку. А мать в те дни снова прощалась с сыном, как делала это несколько раз и раньше. Сначала в Сызрани, куда друг сына привел Раису Михайловну вопреки Славиному запрещению: он замыкал колонну и, увидев ее, от неожиданности выронил рюкзак и рассыпал по перрону немудрые вещи — мыльницу, бритвенный прибор, тюбик зубной пасты. Потом накануне трагического боя, когда увидела его во сне, — Слава надевал телогрейку, в которой обычно ездил на осенние работы, и уходил из дому молча, холодно, не отвечая на ее вопросы. Потом на траурном митинге, когда хоронили его в открытом гробу на старинном казачьем кладбище возле родного села. И вот теперь еще раз при виде матерей, после мук ожидания и неизвестности, счастливо рыдающих на груди возвратившихся сыновей. Ей дождаться своего не пришлось…

Из письма командира парашютно-десантного полка полковника В. А. Вострotина музею Изобильненской средней школы, которая теперь носит имя героя-земляка В. А. Александрова:

> *«…В ответ на вашу просьбу сообщаем подробности о службе и последнем бое гвардии младшего сержанта Александрова Вячеслава Александровича. Уравновешенный, скромный, он всегда был окружен*

боевыми товарищами. Принимал участие в десяти боевых операциях по оказанию помощи афганской народной армии. Во всех проявил мужество и героизм. Решительно действовал он и в ходе операции «Магистраль», когда советские части обеспечивали доставку продуктов, медикаментов и теплой одежды в блокированный мятежниками район города Хоста. Десантники контролировали дорожный участок, не давая мятежникам нападать на колонну с грузами и минировать дорогу. Седьмого января 1988 года душманы начали штурм высоты. Они шли в атаку, уверенные в успехе, так как значительно превосходили наших воинов по численности…»

Из донесения начальника штаба части Н. Самусева:

«В 15.30 мятежники перенесли огонь на блок управления ротой. В то же время по высоте продолжали вести огонь с разных направлений пять гранатометов, одно безоткатное орудие, три-четыре пулемета и большое число стрелкового оружия. Наконец, группа мятежников, пользуясь мертвым пространством на подступах к высоте, бросилась в атаку. Их взаимодействие осуществлялось по рации. Наступающие были одеты в черное. По данным разведки, такую форму использовали полки специального назначения, сформированные из фанатиков и уголовников, приговоренных к смертной казни.

Первым открыл огонь наблюдатель гвардии младший сержант Александров В. А., что дало возможность занять позицию согласно боевому расчету…»

Продолжение письма В. Востротина:

«Вячеслав оказался с фланга к наступающим. Огнем из крупнокалиберного пулемета он заставил их остановиться, вызвал огонь на себя…

Он продолжал стрелять до тех пор, пока осколки не вывели его пулемет из строя. Тем временем наступающие вплотную подошли к его окопу. Пять гранат бросил Вячеслав по врагу. Он уничтожил десятки атакующих. Но, несмотря на это, они продолжали идти вперед. Видя сложность положения, Александров собрал остатки боеприпасов и сменил позицию, заняв оборону за стволом дерева, верхушка которого была снесена реактивными

снарядами. Еще пять магазинов патронов расстрелял он из автомата…»

Раиса Михайловна показала мне фотографию того места. На снимке хорошо видны горный склон, упавшая часть дерева. Вот из-за нее и бил Вячеслав по врагу, короткими злыми очередями заставляя лечь наступающих. Показывая снимки, Раиса Михайловна иногда поглядывала на окно, за которым полыхали цветы. Около них когда-то засиживался маленький Славик. Цветы — и вот эта злая, меткая, прицельная стрельба. Как связаны они? И не противоречат ли друг другу?

Все, с кем мне удалось поговорить в Изобильном, одинаково удивлялись доброте, цельности и выдержанности характера своего земляка. По свидетельству товарищей по части, внешне Слава выглядел очень юно. Встречающиеся с ним впервые иногда недоумевали, как такого мальчика на войну взяли? Он и в самом деле был очень молод. Двадцатилетие справили ему там же, в Афганистане, за полтора месяца до срока его «дембеля». По традиции Слава сам испек пирог, разрисовал сгущенкой. А до этого у того же Хоста их сильно обстреливали «эрэсами», и погиб корректировщик Федотов. Его вспоминали, когда пили чай. После пели: «Серая кукушка за рекой, сколько жить осталось мне, считает…»

А через три дня погиб Слава…

Как-то в шестом классе Слава зимой собрался затемно на рыбалку. Его не пускали — он заупрямился: «Мальчишки могут подумать, что я ночью боюсь идти мимо кладбища». С рыбалки, однако, вернулся раньше обычного. «Что такое?» «Да скучно там одному». Несмотря на уговор, никто из мальчишек, кроме него, на рыбалку не явился.

По словам отца, Александра Михайловича, девятиклассником Слава работал на жатве. Случилось так, что комбайнер, у которого он был помощником, заболел. Что делать? Где искать замену заболевшему?

— Я поработаю, — сказал Вячеслав бригадиру.

И три дня водил комбайн один, самостоятельно устраняя неисправности.

В другой раз Славе доверили работу на орошаемом участке за Илеком. Оплата там была хорошая, а усилий требовалось немного. Однако мальчишка вскоре отпросился с поливного участка: его сверстникам досталась более трудная работа на зерновом поле, и Слава перешел к ним — не хотел, чтобы его упрекали в том, что ищет в жизни где полегче.

Еще факт. На уроке военного дела учились ползать по-

пластунски. Помня о силе личного примера, преподаватель Виктор Иванович Гладков, который уже упоминался выше, всякое упражнение сначала выполнял сам. А класс в этот раз решил повеселиться. Одолел Виктор Иванович полоску земли, а ему говорят:

— Не поняли технику движений…

Показал еще раз — снова «не поняли». Ползти в третий раз? Это становилось уже похоже на издевательство. И тут Слава отстранил впереди стоящего ученика, опустился на землю и пополз. Класс был сражен благородной простотой поступка.

Кстати, на поступок Слава шел не раздумывая, даже если требовалось для этого немалое мужество.

В Куйбышеве, в техникуме, куда Слава поступил учиться, процветала «дедовщина». В общежитии старшекурсники любили «качать права». И вдруг наткнулись на сопротивление. Да и кто дал отпор, какой-то колхозник из глухого угла? «Деды» сплотились в своих усилиях — и все-таки Слава не отступил. Приехавшая навестить сына Раиса Михайловна ахнула, увидев его синяки.

— Что с тобой, мой мальчик?

— Так, — ответил Слава. — И вот еще что… Мам, не зови меня больше так.

— Хорошо, мой мальчик, — начала было Раиса Михайловна и осеклась: сын-то действительно уже становился мужчиной.

Вот еще свидетельство этому. Сокурсник Славы по техникуму, староста их группы, ленинский стипендиат Игорь Конюхов, рассказывал:

— До призыва оставались считанные дни, и Славе пришлось досрочно сдавать экзамен за второй курс. Армейская повестка в кармане, а он сидит за учебниками. «Для чего из кожи лезть?» — спросил его кто-то. — Ведь уходишь же в армию». — «Потому и сдаю». И сдал. Электротехнику на четыре, а историю — на пять. Позавидуешь такой выдержке. Вот характер!

Рассказ десантника Андрея Горохова:

— В Афганистане мы со Славиком попали в одну роту, и спали вместе, хотя и числились в разных взводах. Тут уж трудности начались не то, что в учебке. Рюкзак весом более пятидесяти килограммов — паек, теплые вещи. А еще оружие… И тогда Слава занялся спортом. При своем весе в 65 килограммов при росте в 180 сантиметров занял в части третье место по боксу. Лучше всех играл в шахматы. О стрельбе уж не говорю. Мы все знали и о моих, и о его родителях. И однажды он на меня накричал. Я его никогда больше таким злым не видел. А дело в чем? Я должен был нести ведро с водой — это килограммов

десять, а я его новобранцу передал. Слава вырвал ведро и вернул его мне…

Как видим, «дедовщины» Слава не терпел и там.

На магнитной ленте есть еще подобные записи. Их сделали Славины друзья, которые, демобилизовавшись, специально приехали в Изобильное. Сойдя ночью в Соль-Илецке с поезда, обратились в милицию. Там им дали машину, провожатого. Скоро раздался стук в окно.

— Кто там?

— Открывайте, мама!

И вот что удивительно, никто не оповещал изобильненцев о приезде к Александровым товарищей сына, а ночью на их дворе перебывало все село.

— Какие ж вы молоденькие! — скажет десантникам Раиса Михайловна. — Признавайтесь, мальчишки, плакали там?

— Было, — признается Андрей Горохов. — Я плакал. От бессилия. У наших там на высоте кипит от разрывов. Мы видим, что у них творится, а помочь не можем — далеко. Я опустился на землю и заплакал…

Из донесения начальника штаба части Н. Самусева:

> *«Озлобленные мятежники сосредоточили весь огонь в направлении Александрова. Гранаты рвались возле его укрытия и за ним. Мужественный десантник с криком «За погибших друзей!» продолжал бой. Товарищи подоспели к нему, когда смертельно раненный Вячеслав в последний раз нажал на спусковой крючок. К тому времени у него осталось шесть патронов».*

Запись на магнитофоне:

— Когда я подбежал к нему, Слава лежал без движения. Я думал, у него болевой шок. Подхватил его и стал перетаскивать в укрытие. В это время его головной убор упал, и я увидел… кровь. Рана была в голову.

Наш разговор с Раисой Михайловной продолжался не один час. В ее состоянии ощущалась подавленность. Но, кроме нее, была и радость за сына и его друзей. В речи моей собеседницы мелькали названия оружия, фамилии боевых командиров сына. Она говорила, как о родных и близких людях, о старшем лейтенанте Гагарине, командире полка Вострotине. Я представляю, что испытала она, когда увидела по телевизору полковника Вострotина во время вывода наших войск из Афганистана. В те дни части, в которой служил ее сын, довелось охранять Саланг. Видел ту передачу и я. С бесконечной усталостью на лице полковник Вострotин, семь подчиненных

которого и он сам отмечены звездой Героя, не торопясь, подбирая слова, отвечал корреспонденту.

— О чем вы думаете сейчас? — спросили его.

— О чем я думаю? О друзьях — о тех, кто погиб, и о тех, кто остается тут. И еще об опыте настоящих человеческих отношений, которого хватит нам на всю оставшуюся жизнь.

На телеэкране мелькал снег, лицо Вострotина было мокрым. Думается, мокрым — от слез — было оно в это время и у Раисы Михайловны.

Предательски взблескивала эта соленая влага на глазах многих, в том числе следящих за работой Съезда по телевизору, когда в зале заседания разразилась буря по поводу того интервью, которое дал канадской газете академик Сахаров, ныне уже покойный. Еще больший накал чувств вызвала статья Л. Баткина в «Московских новостях» от 11 июня 1989 года, в которой автор, говоря о событиях в Афганистане, использует такие слова, как «советские зверства».

Это о ком так? О подчиненных полковника Вострotина, что ли? О гвардии младшем сержанте Александрове, наконец? Что ж, при таких обвинениях депутаты С. Червонописский и П. Шетько имели полное право встать на защиту чести своих товарищей, тем более погибших!

Впрочем, нуждаются ли они вообще в защите! Как-никак народ сам дал оценку людям, прошедшим «Афган». Простые люди страны послали в высший орган Советской власти 120 депутатов, прошедших, по словам того же С. Червонописского, школу лишений, трудностей, мужества, воинской доблести на многострадальной афганской земле. В конце концов это признал и сам академик А. Сахаров: *«Я меньше всего желал оскорбить Советскую Армию, советского солдата, который защитил нашу Родину в Великой Отечественной войне. Но когда речь идет об афганской войне, то я опять же не оскорбляю того солдата, который проливал там кровь и героически выполнял приказ. Не об этом идет речь… Я не Советскую Армию оскорблял, не советского солдата, я оскорблял тех, кто дал этот преступный приказ послать советские войска в Афганистан. (Аплодисменты, шум в зале.)»*

С последним трудно не согласиться, и то после основательных раздумий. Кстати, на Втором Съезде народных депутатов СССР этому приказу была дана именно такая оценка. И при всем этом мне почему-то вспоминается война за Фолкленды, которую вела Англия, давние события на Гренаде и совсем недавние — в Панаме. Наше участие в афганской войне носило характер интернациональной помощи законному правительству

Афганистана и потому более нравственно. И если, согласно Л. Баткину, «во всем мире считается бесспорным», что нашу общую репутацию после участия в помощи Афганистану нужно немедленно спасать, то как смотрит этот «весь мир» на кровь, льющуюся на афганских улицах и плоскогорьях сейчас, после вывода наших войск? Разве не следует дать реальную оценку всем силам и странам, действующим в этом регионе по сию пору? Сложно, очень сложно еще все. И нам еще предстоит хорошенько подумать над тем, что же произошло в мире за этот срок — роковые девять лет пребывания наших парней в дружественной нам стране. А пока…

А пока на скамейке у нашего подъезда я слушаю песни. Чаще всего вижу там двух парней, в прошлом «афганцев», а ныне студентов Оренбургского сельхозинститута. Иногда, мне кажется, я улавливаю знакомые слова. Их сочинил земляк Славы Александрова по Бурaнному Андрей Веприков, студент того же вуза. Песенные слова нескладны, но действуют на душу безотказно. Вот они:

В Афганистане пыль, будет непогода.
Мама! Я возвращаюся домой!
Мама! Я не был дома чуть побольше года,
А возвращаюсь — холодный и немой.
Я тебе ничего не смогу рассказать про Кабул,
Но его не кляни, не суди потому лишь,
Что оттуда твой сын возвратился в гробу —
Там свистели осколки и пули!
Не лежала на мне роковая печать,
Просто выбрал я сам это нужное дело.
Я в ночной тишине буду в окна людские стучать,
Чтобы жизнь берегли, чтобы смерть ненавидеть умели.

Остается сказать немногое. Недалеко от могилы Славы — старая замшелая плита, на которой уже не разобрать ни слова. Под ней лежит безвестно какой-то казак. Хотелось бы, чтобы могилы Славы и тысяч его погибших друзей никогда не стали бы безвестными. Пусть не останутся без нашей помощи их отцы и матери…

Юрий Мостовский
К БЕССМЕРТИЮ — ПЫЛАЮЩЕЙ ПТИЦЕЙ

Невернувшиеся с войны… Ребята, вдосталь отведавшие запах пороха в мирные дни нашей страны, — народ назвал их «афганцами», по названию полей боев на дальнем юге, за пределами России. Они, эти парни, честно выполнили свой воинский долг, их имена будут навечно вписаны в Книгу памяти.

Среди первых имен в этом списке и наш земляк-уралец Герой Советского Союза Николай Яковлевич Анфиногенов.

Родился он в 1963 году в селе Обухово Притобольского района Курганской области. До ухода в армию успел лишь закончить ПТУ, выучился на слесаря-ремонтника. Служил разведчиком в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В неравном бою с душманами Николай погиб, подорвав себя последней гранатой.

Недавно в селе, где родился и вырос Николай, рядом с отчим домом и школой, где он учился, выросла бронзовая фигура юноши в солдатском кителе. Николай словно вернулся в родное село. Он смотрит на людей прямым открытым взором, олицетворяя собой долг, честь, воинскую доблесть.

До чего же места здесь красивы! А еще золотая осень так расцвечивает здешний пейзаж — глаз не оторвать.

Бегут вдоль дороги березки с позолоченной листвой. За стерней, что простирается по обе стороны шоссе, несмотря на утренние морозы, кое-где еще стойко зеленеют лесные колки. Сколько грибов здесь, ягод в летнюю пору! Воздух чист, словно вода в роднике. Дыши — не надышишься…

Анфиногеновы в Обухово — фамилия известная. Крепка и широка уральская родова — почитай, полсела по седьмому колену роднится. Но вот уже не первый год каждый житель знает: если спрашивают Анфиногеновых, значит, к нему приехали — к Коле, к Николаю. Тебе непременно предложат отдохнуть с дороги, перекусить, а уж потом проводят к дому с резными воротами и беломраморной табличкой на фасаде:

«Здесь жил Герой Советского Союза Николай Яковлевич Анфиногенов. 29.IX.63—12.IX.83 гг.»

— Да вы не стесняйтесь, проходите, — еще не зная нежданного визитера, любезно приглашает хозяйка. — Вы уж извините, я тут хлеб стряпаю. Вот посажу тесто в печь и приду в

горницу, — несмотря на свою полноту, она передвигается по дому быстро, сноровисто управляется у большой русской печи.

Просторный светлый дом. Как и любая крестьянская семья, Анфиногеновы не балуют себя роскошью. Интерьер неприхотлив, только самое необходимое: стол, пара кроватей, несколько стульев. В «красном» углу — божница, рядом — портрет сына.

Матери больно… Вот уже несколько лет Валентина Александровна по состоянию здоровья на пенсии. Врачи определили ей вторую группу инвалидности. Много света убавилось в ее глазах, полных печали…

— Пять у меня деток-то, — с трудом превозмогая душевную боль, рассказывает Валентина Александровна. — Сами понимаете, какой палец ни режь — все одно заболит. А к Коленьке — любовь особая. Младший он был из трех братьев. Последыш. Старшие быстро разлетелись из гнезда, а он до самой армии жил с нами. Помогал…

Николай очень любил маму. Но любовь эта была сугубо мужской, без сантиментов. Он не считал зазорным помочь по дому: воды принести, скотину присмотреть. Оберегал мать.

Вспоминает Галина Яковлевна, сестра Николая:

— Всякий мальчишка озорничает. Как-то раз пришел и Колька с синяком под глазом. Бочком в хату прокрался и — до меня. Дескать, выручай… Боялся, кабы мама не прознала про его приключение — не хотел огорчать.

Вообще-то, как становится ясно из таких рассказов, он был не из драчливых, но защитить слабого, постоять за свою честь — к этому всегда был готов.

Несколько дней после того случая Коля работал в поле с отцом. С рассветом уходили и затемно возвращались. Мама так и не увидела того синяка…

Характер человека — в его поступках. Несколько штрихов к портрету своего воспитанника добавила директор восьмилетней школы Тамара Алексеевна Матвеева:

— Откуда у Коли трудолюбие? В трудовой семье воспитывался… С четвертого класса на каникулах помогал колхозу. Это, не считая школьных забот. Ведь мы, учителя, считали его нашим нештатным завхозом. Деловой, хваткий, смекалистый. Бывало, попросишь его парты отремонтировать или электропроводку починить, а у него уже и инструмент в руках. «Сейчас, — говорит, — сделаю…»

Он постоянно торопил события, спешил жить, словно чувствовал, что жизни ему отпущено немного.

Окончил СПТУ в Кургане, получил распределение. До армии далеко — год гражданской жизни обеспечен. Но буквально на

следующий день после выпуска Николай уже был в военкомате. Потом он напишет отцу из Афганистана, объяснит причину своего решения:

«Папа, ты пишешь, что мне надо было год отработать на заводе, может, сюда и не попал бы. А какая разница: я или другой? Конечно, каждому охота вернуться домой живым… У меня сейчас одна задача, и я ее должен выполнить — вернуться домой…»

Сугубо мужской разговор. Для матери же он писал другие письма, вроде как из санатория:

«Дорогие мои! Живем хорошо. Ребята все отличные. Весело, здорово…»

«…Напишите, как дома, как в колхозе. Помнят ли меня в селе? Я рад каждой весточке, каждому вашему слову. Хочется быстрее всех увидеть, расцеловать…»

Эти письма оттуда. Даже и не подумаешь, что там идет война, а смерть порой смотрит в глаза нашим солдатам черным дулом винтовки, подстерегает на минированных тропах. Но сердце матери не обмануть…

— Сон мне был, ой, какой страшный сон. Росло у нас когда-то в палисаде дерево. И вот я вижу, будто листва с него вмиг облетела, а на самой верхушке яблоко одиноко висит. Красивое, спелое. Так мне его съесть захотелось. Гну я дерево, тяну на себя, до яблока никак не достану. И вдруг дерево повалилось да корни у него вывоpотились.

Вскочила я с кровати, дрожу вся. Не зря, верно, говорят: сердце матери — вещун. Когда Коля кровушку свою пролил, моя-то вскипела.

…Который день кряду разведчики капитана Л. Анохина в рейде. Шли по горам в поисках следа опасной группы мятежников. Сначала по ущельям. Легко сказать — шли. А вот идти, когда у тебя на плечах полная выкладка и каждый шаг из-за непомерной жары и большой разряженности воздуха отдается в висках — ох как непросто. Но разведчики упорно продвигались вперед. Преодолели горную речку, начали подниматься по крутому склону.

Анохин — офицер опытный, в Афганистане не первый месяц. Лишь только рота приблизилась к опасному участку, офицер остановил подразделение, выслал вперед разведдозор в составе Андрея Глазунова, Владимира Гуминского и Николая

Анфиногенова.

Предположение подтвердилось. Роту действительно поджидала засада. Впереди защелкали одиночные выстрелы душманских винтовок, в ответ затрещали очереди наших автоматов.

Гуминского отправили назад — сообщить о засаде и привести подкрепление на каменистое плато, где вели неравный бой двое наших разведчиков.

Андрей Глазунов погиб от душманской пули. Анфиногенов остался один. К нему спешила на подмогу вся рота. Но не успели товарищи прийти на помощь — впереди послышался взрыв. Последний…

Свидетелей того последнего боя, который Николай вел в одиночку против целой банды душманов, не было. И я не буду домысливать, как там все было. «Афганцы» справедливо упрекают журналистов за подбор красок в таких случаях. Лучше послушать, что говорили о Николае его боевые друзья, недавно приезжавшие к Анфиногеновым.

Рядовой Ю. Прийтецко:

— Немного мы не успели. Самую малость. Увидев атакующих, душманы бросились наутек. Побросали и убитых, и раненых. На месте боя остались десятки трупов в чалмах. Столько же их возле Николая. Одним взрывом — всех…

Командир разведроты, ныне майор Л. Анохин:

— Если бы не Коля Анфиногенов и его товарищ, краснодарец Андрей Глазунов, то нас не было бы здесь. Только их мужество спасло десятки жизней молодых ребят…

Дом Анфиногеновых без гостей не бывает. Даже калитку не закрывают. Приезжает народ, чтобы поклониться памяти мужественного человека, о судьбе которого, о недолгой, но яркой жизни, оборвавшейся в неполных двадцать лет, лучше сказать стихами:

К бессмертному подвигу,
Высшему из вдохновений,
Не как на вершину
Идут, от ступени
к ступени.
К бессмертью взлетают,
Подобно пылающим
птицам, —
Себя целиком отдавая,
А не по частицам.

Письма Николая Анфиногенова

Здравствуй, Галя! С солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Вчера получил от вас письмо. Отвечаю сегодня, 7 ноября, после присяги. Сюда много родителей приезжало. Нас выстроили всю часть, а они все стоят напротив; оркестр заиграл — все матери сразу в слезы. И как они на территорию начали заходить, казалось, сейчас кто-нибудь из вас зайдет. Никогда так домой не тянуло, как сегодня. Но ничего, осталось немного — 692 дня. Ну, как у тебя дела, чем занимаешься? Я тебе уже писал в интернат, то ли ты получила или нет. От Сашки письмо придет, передавай ему привет. Потом, когда меня отправят на место, напишешь его адрес. Ну, что еще писать, не знаю. Пиши ты больше — обо всем, тут интересно почитать, что творится дома. Тут русских очень мало, одни туркмены. Передавай привет всем, кого знаю в интернате, Ленке Л., Людке З., парням.

Ну ладно, хватит. Пиши ты больше.

И напиши, куда Сашку увезли. Нам в Челябинске тоже говорили, что в ГДР, а попали сюда. И он, может, в такой же дыре. Тут гражданского населения не видно. Мы уже здесь месяц 11 ноября будет, а я всего раз видел их. Ну ладно. Пиши.

До свидания.

7.11.82 г.

Здравствуй, Галя! С солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Сейчас свободное время, весь взвод заступает в наряд, нас восемь человек осталось, сидим у печки. Ну, о себе. У меня все нормально, здоровье хорошее, что и тебе желаю. Ну, что еще — не знаю. Сейчас ходим на почту, мне опять писем нет. Мне их нет уже больше двух недель. Ну ладно. Кончаю. От мамки письмо получил и — один рубль. А письмо с фотографиями так и не получил, и три рубля. Ну ладно. Передавай всем большой привет.

До свидания.

Декабрь 1982 г.

Привет из Афгана!

Здравствуй, Галя! С горячим солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Вот пишу тебе письмо уже отсюда. Ну, о себе писать нечего. Наш полк находится на окраине Кабула. Сейчас несу службу в разведроте. В полку бываем редко, выезжаем в боевые рейды. Если писем долго не будет, успокой там как-нибудь маму, чтобы она не расстраивалась. А про это вообще не дай бог, если она узнает. Завтра опять на выезд. Новый год будем встречать в рейде. В

Кабуле свет есть, а у нас нет. Сейчас ходил в рембат, от него через дорогу дома душманов, ребятишки лет по 12—14 камнями чуть не забросали, еле ноги унес. Ох и страшные они, молодые, а как звери. Если в Кабул зайдем, метров 40 пройдешь — и все, считай, тебя и не было. Вообще страшно, не знаю, как дальше, может, привыкну, дак ничего. Ну ладно, хватит, а то и тебя напугаю.

Ну, как у тебя дела, чем занимаешься? Пиши, как проведешь Новый год. Передавай всем огромный привет — Витьке В., Вальке, Вальке К., Лелику, Бреку, Панькиным всем. Аленку пожалей от меня. У них уже, наверное, семья больше стала. Будешь писать письмо, пиши свой обратный адрес. И напиши Сашкин адрес, я тот потерял. В рейды ходим, даже больше месяца бывает, так что писем много от меня не ждите. Ну, вроде и все. Пока. Пиши чаще.

До свидания.

Декабрь 1982 г.

Привет из Кабула!

Здравствуй, Галя! С горячим солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Получил от тебя письмо, но сразу ответить не смог. Ну, о себе мне писать нечего, у меня все нормально, здоровье хорошее, что и тебе желаю. 3 мая пришли с прически кишлаков, а сейчас готовимся в рейд — в глубинку, там еще ни одного рейда не было; душманов, говорят, море, опять будут раненые и убитые. 3 мая с кишлака вытаскивали раненого, он всего год прослужил, инвалид на всю жизнь. Ты спрашиваешь, погиб ли кто с моего призыва: с моего — ни одного. К нам в роту пришло еще восемь человек с «учебки», теперь моего призыва 16 человек. Эти, которых привезли, все маленькие, как школьники. А ведь им в горы надо будет лазить, аж жалко становится. В горы лезть с вещмешком кг на 15—20, да бурдюк с водой 12 литров, да автомат. А жара здесь уже за 30°, а летом до 70° доходит — вот представь себе. Ну, пока хватит, кончаю.

Да, Галя, я высылаю тебе две наклейки: с обратной стороны оторвешь пленку и можно наклеивать. Да, вы еще спрашиваете фотки с меня, но у меня их нет и пока не будет; как будут, сразу вышлю.

Пока все. До свидания. Жду ответа.

Май 1983 г.

Привет из Афгана!

Здравствуй, Галя! С горячим солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Получил от тебя письмо, но с ответом задержался. Ну, о себе мне писать, как всегда, много нечего. У меня все хорошо,

здоровье хорошее, что и тебе желаю. Позавчера пришли с рейда. Сидели шесть суток в горах. Скоро опять уходим. Сейчас будет рейд за рейдом. Ну, об этом хватит.

От Сашки мне было письмо, уже давно, я ему сразу отписал. Так ничего не пишет. Спрашивает, как мы ловим бандитов, говорит, это интересно. Галя, ты спрашиваешь, где взрываются на минах — на учениях или при нападениях? У нас учений нет, это не Союз. Здесь гибнут в рейдах, в боевых операциях. Вот с того рейда с нашего полка не пришло 11 человек. А с моего призыва все живы. А как, говоришь, родителям сообщают? Приходит цинковый гроб — и все. Еще ты спрашиваешь, сколько времени мы находимся в поле? Здесь полей нет, а одни горы. Находимся всяко: и две недели, и неделю, и месяц, по-всякому. А живем — зимой жили в палатках, а сейчас палатки с собой не берем, завернулся в бушлат — и под камень, вот и все. А с Глядянки парень, это Серега Тушин, я его знаю. Ну вот, пока вроде и все. Увидишь Базина, передавай привет. И вообще всем: Поганке, Зайцу, Валькам всем.

До свидания.

А сфотографироваться я пока не могу.

Май 1983 г.

Привет из Афгана!

Здравствуйте, мои родные мама, папа, Витя, Галя! Позавчера получил, папа, от тебя письмо, за которое большое спасибо. Немного о себе.

У меня все хорошо, здоровье отличное, что и вам всем желаю. Сейчас опять готовимся к рейду, с 4 на 5 ночью уходим. Я тут — проходила колонна — встретил парня из Кургана. Галя мне писала Кольки Емельянова адрес. Я тоже был в Баграме, мы там участвовали в операции, а его найти не мог. Но ничего, мы там сейчас часто бываем, может, все же встречу. Ну, что еще писать, даже не знаю. Вы пишете, чтобы я писал больше, а что писать — сами подумайте.

Тут были на операции, один парень с Украины перешел к духам, вот его искали, автомат его нашли: поймали шесть духов, у одного был его автомат, — а его так и не нашли. И в этой операции наших двоих парней ранило. После операции сообщили, что его должны привезти в Кабул. Мы, восемь человек, двое суток на дороге машины афганские шманали, так и не нашли.

Папа, ты пишешь, что мне надо было год отработать на заводе, может, сюда и не попал бы. А какая разница: я или другой? Конечно, каждому охота вернуться домой живым, не уродом. Значит, судьба моя такая. У меня сейчас одна задача, и я ее должен выполнить — вернуться домой. Конечно, это все хотят, но многим

это не приходится сделать. Конечно, домой они приходят, только как? Ну, пока все.

До свидания.

1983 г.

Привет из Кабула!

Здравствуй, Галя! С огромным солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Получил от тебя письмо, но сразу ответить не смог. Получил вечером, а на другой день уехали на операцию. И сейчас пишу письмо с операции. Наши поедут в полк за продуктами, вот с ними и отправлю. Сейчас уже собираются, пишу, тороплюсь. Ну, о себе писать нечего, у меня все хорошо, что и тебе желаю. Ты спрашиваешь, на сколько мы уходим в разведку? По-всякому бывает. В январе были целый месяц, а так неделю, две и больше. Страшно ли? Поначалу, конечно, страшно было, а сейчас нет, как-то все безразлично. А самое обидное, когда свои парни погибают на твоих глазах, а ты ничего не можешь сделать. Только появляется зло, безразличие к людям. Вот недавно парень взорвался на мине, камнями забросало. Вот так-то.

Ну вот, пока все, а то уедут.

До свидания.

Потом напишу подробно все.

1983 г.

Здравствуй, Галя!

С горячим солдатским приветом к тебе я, т. е. Коля. Получил от тебя два письма, но ответить сразу не мог. Сейчас начались рейды, время свободного почти нет. Вот и сейчас пишу в бэтээре, идет полк с рейда. Приедем в полк, получим сухой паек, а ночью опять на выезд. Ну, о себе писать нечего. Служба идет нормально, здоровье хорошее, что и тебе желаю. Мамке я написал вчера, где служу и остальное. Сашке написал, но ответа еще нет. Ну, что еще написать — не знаю. Из дому получил две фотографии. Скоро я сфотографируюсь, вышлю вам. Ну, пока и все. Пиши ты, больше и чаще. Сейчас приедем в полк, может, мне есть письмо. Передавай привет В. Вальке, Кониной, Антиповой, Юрке Андрееву, Тюленеву, Фомину. Ну, короче, всем, кто меня знает.

Пока все. До свидания.

Вот приехал в полк — мне два письма и две открытки. Одно письмо и открытка от тебя и открытка от Любы, и письмо от Надюхи, сама писала.

А ты спрашиваешь, что со мной случилось. Со мной — ничего! Я же писал, что письма могут не приходить месяц и два, и даже больше.

Ну, пока.
1983 г.

Привет из Афганистана!

Здравствуйте, мои родные мама, папа, Леля, Витя, Галя! С горячим солдатским приветом к вам я, т. е. Коля. Получил от вас письмо, за которое большое спасибо.

Немного о себе. У меня все хорошо, здоровье отличное, что и вам желаю.

Сейчас пришли с показательной засады, показывали офицерам, которые недавно в Афгане. Сегодня вечером уезжаем на операцию, на сколько — не известно, но сухой паек получили на пять суток. Ну, что еще о себе — не знаю. Тут говорят, что нашему полку осенью кончается срок и полк переведут в Союз. Правда это или нет — не знаю, но поживем-увидим. Ну, что еще вам писать — не знаю. Пишите вы чаще, а то я уже одно письмо в месяц получаю, и все. И Таня что-то не стала писать, обидеться на меня вроде не за что, а насчет времени — пять минут можно выбрать, написать хотя бы две строчки, и то мне легче будет, а то всем почти каждый день письма приходят, а мне нет.

Пишите, как у вас здоровье, у тебя, мама, у Лельки, у папки. Как дед Лазарь с бабой? Им привет передавайте. Сашка Андронов с Валькой ездят или нет, им тоже большой привет, Панькиным всем. Да что эти приветы, увидеть бы вас всех поскорей! Я даже и фотки не могу вам выслать, а ведь через три дня будет уже год, как я ушел и всех вас не видел, кроме, что на фотке. Да еще пускай Таня вышлет фотку с Аленки, а то я уже начинаю забывать, какая она. С Насти у меня есть, а она, по-моему, чем-то на Аленку похожа. Как они там? Уже, наверное, дерутся.

Ну, пока все. До свидания.
Осень 1983 г.

От редакции: Это было последнее письмо Николая Анфиногенова. Больше родные и близкие писем от него не получали.

Валерий Горбачев
СЕЗОН ДОЖДЕЙ
Записки «афганца»

Автор этих записок — Валерий Николаевич Горбачев. В свое время он учился в одной из челябинских школ, занимался в литературном объединении «Алые паруса» при Дворце пионеров и школьников имени Н. К. Крупской. Но судьба распорядилась так, что он стал хирургом, работал в Курганском институте Г. А. Илизарова, а затем хирургом Челябинского военного госпиталя.

В конце 1985-го — начале 1986 годов Валерия Николаевича командировали в Афганистан, он оперировал там наших воинов, находившихся на лечении в Кабульском военном госпитале. Его заметки и стихи, написанные по горячим следам событий, на наш взгляд, и сегодня представляют интерес для читателей как объективное свидетельство очевидца — военного врача и поэта.

* * *

Сезон Дождей — это климатический период года, соответствующий афганской зиме. Сезон Дождей в метафорном восприятии — определенный момент развития страны и ее гордого, свободолюбивого во все времена народа, оказавшегося в чрезвычайно сложной и опасной политической ситуации.

В горной стране далеко-далеко,
в стылости черных ночей,
Кроме того, что жить нелегко,
еще и Сезон Дождей.

Писем неделю, другую нет,
муторно без вестей.
Небо чужое, чужой рассвет —
Это Сезон Дождей.

Не уставая, песчаной пургой
дует «афганец»-злодей.
Не разглядеть, что лежит под рукой,
Это Сезон Дождей.

Думаешь, месяц, другой пройдет,
будет же посветлей.
Зря, потому что из года в год
снова Сезон Дождей.

Не умолкают бои в горах
всплесками очередей.
Там и геройство, и подвиг, и страх —
это Сезон Дождей.

Мин и гранат летящая боль,
ставшая болью моей,
метеосводка души, не позволь
стать Сезоном Дождей.

Вера, надежда, любовь, не умри,
выстои, стань сильней.
В Джелалабаде и Пули-Хумри,
в этом Сезоне Дождей.

Если вернусь, мы выберем час
в добром кругу друзей.
Где расскажу я, как есть, без прикрас,
им о Сезоне Дождей.

Основная цель моей поездки была медицинской и заключалась в оказании помощи, прежде всего хирургической, лечебным учреждениям, в которые поступали наши раненые и больные. Работы хватало и днем и ночью. Ночью даже больше. Самого понятия «рабочий день» не было. Он продолжался сутками. Из боевых ранений преобладали минно-взрывные ранения (МВР), минно-взрывные травмы (МВТ) и комбинации с ожогами, переломами, отморожениями, отравлениями, обезвоживанием, дефицитом массы тела и самыми злыми инфекциями, которые только есть на белом свете. Конечно, больше всего работы выпало на долю хирургов и инфекционистов, впрочем, так бывало на любой войне.

До сих пор открыты вопросы,
как от рака лечить — беда.
Виноваты ли папиросы,
гены, вирусы и еда.

Разработки лечений активны,
но пока то прилив, то отлив.
Операции паллиативны,
облучение паллиатив.

Так душманские банды смертельно
метастазами тут и там
растекаются по ущельям,
расползаются по горам.

Бьют нещадно их и ретиво.
Но опять то в Рухе, то в Газни,
словно опухоли метастазы,
прорастают мгновенно они.

Операция за операцией —
и бандитам и раку война.
Но проблема их ликвидации
как проблема не решена.

Футурологи строят планы,
полководцы дуют в трубу.
А хирурги врачуют раны
и ворчат на свою судьбу.

Под контролем сил мятежников находится 80 процентов всей территории страны. Война затянулась. Контрреволюция сопротивляется отчаянно и ожесточенно. Оплачивается каждый сожженный дувал, взорванный метр дороги, подбитый автомобиль или вертолет, убитый солдат или офицер. Цена убийства растет в соответствии с воинским званием. Армия переоделась в новую полевую форму, одинаковую для всех. Снайпер не видит в прицел, кто перед ним: полковник, прапорщик или рядовой. Сразу поубавилось количество раненых в голову. Во время поездок по городу на машине водитель задергивает шторки на окнах, на всякий случай. Однажды по «счастливой» случайности я не попал в «уазик» с нашими советниками (оказался лишним), обиделся на них. Через несколько минут их привезли с тяжелыми ранениями после прямого попадания в машину фугаса.

Это война жестокая, кровопролитная, у ней нет обозначенной линии фронта, нет передовой и тыла. Линия эта проходит через сердца и умы афганцев, и протянулась она из мрачного

средневековья в наши дни. Она, эта линия, как электрокардиограмма, изломана обильными, даром растущими джелалабадскими урожаями по три раза в год и неописуемыми кандагарскими пустынными засухами. Она, эта линия, словно контуры гор на горизонте, хранящих на пиках своих вековую мудрость древнейших племен, а по отрогам взрастивших рыжими колючками неграмотность, завшивленность и исключительно воинствующую религиозность, определяющую все процессы, происходящие в стране, включая постановления пленумов НДПА и кончая кому и в какой общинной прослойке сколько жен иметь. Она же, эта линия, будто температурная кривая, отражающая состояние больного, с жаром призывает к борьбе с враждебными силами в газетах и телепередачах и одновременно с холодным равнодушием, пронизывающим насквозь и выворачивающим наизнанку, примиряет всех, как равных перед исламом и аллахом.

«Во имя аллаха милостивого, милосердного…» — с этих слов начинается каждый новый день в Кабуле, им же и заканчивается.

Просыпаешься рано, как от звука пилы.
От истошного вопля городского муллы.
Злой ворочаешься от незнания
мусульманского заклинания.
Днем закручивают дела,
непрерывные, как хороводица.
Спать ложишься, и снова мулла
истеричным криком изводится.
Нервно на койке злишься без сна.
И понимаешь чуть слышно:
Он же орет, что эта война
так надоела всевышнему.
«О, всемогущий! — кричит, посинев, —
В чем я тебя ослушался,
что же творится, за что этот гнев
с неба огнем обрушился?..
О духовенство, о мудрый аллах!
Сжалься, народ наш растерянный».
А над мечетью выцветший флаг,
осколками мин простреленный.

Просыпаешься рано, холод мрака и мглы.
Тишина. Нет мечети. И нету муллы.

Война ощущается в Афганистане постоянно. С ней

встречаешься уже на подлете к Кабулу, в небе. Самолеты отстреливают специальные термические ракеты, уводящие на себя «стингеры». Стрекочут (неподходящее слово, мирное) вертушки, непременно парами: если собьют первую, вторая накроет огневую точку бандитов. В горах грохочет артиллерийская канонада, ночью зависают осветительные ракеты, отчего горы кажутся еще выше и зловещее. Тишину темных улиц ежеминутно оглашают гортанные выкрики патрулей царандоя, останавливающие при наступлении комендантского часа все проезжающие машины. Раздаются автоматные очереди, лай собак. Свет в кабине автомобиля должен быть включен, иначе — «огонь». Патруль видит, кто едет, но ты не видишь, чей патруль.

Война затянулась. Это ясно всем, особенно здесь. Где выход? Наверное, огнем и криком «ура» его не найти. Скорее всего этот вопрос должны решать политики. Но воевать дальше бессмысленно.

Горы неровной стеной,
высеченные ветром,
снежною белизной
высятся островерхо.

Если к прикладу припасть,
то на прицеле атаки,
Словно клыкастая пасть
злобно рычащей собаки.

Какие еще возникали мысли «там»? Во всех сложностях и противоречиях хотелось объективно выразить настроение наших воинов, которое складывалось, с одной стороны, из восторженных газетно-журнальных публикаций, с другой, из тех реальных событий, которые ты видел сам. Оно так примерно складывалось, это ощущение увиденного. У немцев есть такая фраза, точно определяющая афганские ситуации: «хальб унд хальб» (пополам напополам).

Наше молодое поколение проходило в Афганистане тяжелейшее испытание на прочность и социальную пригодность. Ведь что такое интернационализм? Я понимаю так: человек, защитивший дом своего соседа и его детей, так же защитит и свой дом, свою Родину. Другое дело — надо ли это соседу? Сейчас на нас смотрит весь мир и на то, как мы воюем, тоже. Большинство своей добросовестной службой, смелостью и расчетливостью при проведении боевых операций продолжают традиции несгибаемости русского духа, боевой удали и

безудержного геройства. Об оборотной стороне медали я расскажу позже.

Несколько слов об армии афганской. В газетах нередко писали об успешно проведенных рейдах и операциях силами афганцев, о ликвидации ими банд моджахедов. Этим же часто грешили телерепортажи Михаила Лещинского. Да, конечно, армия такая существует, правда, призыв в нее проводился в основном методом облав. Да, они воевали, но только с нами и за нами. И продолжали взлетать по ночам с пыльного Кабульского аэродрома наши транспортные самолеты с цинковой тарой на борту, а на наших кладбищах в больших и маленьких городах, в селах появлялись новые могилы двадцатилетних ребят, убитых или умерших на той войне.

Задача была простая,
проще не может быть:
душманов не пропуская,
колонну машин пропустить.

Пути перекрыты с фланга,
бой будет отчаян и долг.
Укрытые камни Саланга
да интернациональный долг.

И рокот моторов слился
с пронзительнейшим огнем.
Бой, который не снился
участвовавшим в нем.

Душманская банда сворой
дикого шакалья
вклинивалась в гору,
минно-взрывными паля.

Казалось, еще немного —
и, смяв поредевший заслон,
они овладеют дорогой
и мирным грузом колонн.

Но встали тверже, чем скалы,
один за десятерых.
И не сумели шакалы
Перешагнуть через них.

Отчаянных и взъерошенных,
мальчишек по двадцать годов.
Из сел, пургой запорошенных,
из солнечных городов.

Они не узнают, как вскоре
их именем назовут
набережную на море,
сад, где вишни цветут.

Взрывы гранат отгремели,
дым на камнях оседал,
в выжженном боем ущелье
с выходом на перевал.

Быть не могло иначе:
колонны прошли и в срок,
выполнили задачу
и интернациональный долг.

А вот примерно то, о чем сообщили в те дни пресса, радио и телевидение:

Лаконично, деловито, гневно
сообщает радио Бахтар,
что бои ведутся ежедневно,
за ударом следует удар.

Что разбита банда Махомеда,
банда Мустафы отсечена.
Спасены богатства минарета,
школа и больница спасена.

Уничтожен склад боеголовок,
тысяча бандитов в плен сдалась.
Все дехкане верят поголовно
в новую решительную власть.

Батальоны армии афганской
смело подавляют мятежи,
от контрреволюции душманской,
грудью защищая рубежи.

. . . . . .

Бой гремит в ущелье за горою,
полыхая бешеным огнем.
Мы потом фамилии Героев
Советского Союза узнаем.

На войне живешь не только войной. В свободные минуты вспоминаются близкие друзья, вспоминается дом. Родные места кажутся нереально недосягаемыми. Мирные воспоминания помогали коротать время, свободное от операций и перевязок, снимали напряжение. Иногда на память приходили строки поэтов времен «той войны», любимых мною Константина Симонова и Иосифа Уткина. Почему-то наше время не выдвинуло из строя воюющих и пишущих сколько-нибудь заметную, читаемую личность. Разве, что песни все пишут повально, которые таможенники через границу не пропускают. Наверное, и литературу пишут, да не все печатают. Поживем — увидим. Я считаю, что правду о любой войне люди должны знать полностью. И чем раньше, тем лучше.

Пытаясь уйти от сюжетов военных,
бесстрастно взирая ландшафтов панно,
Хочется событий обыкновенных,
как на собрании или в кино.

Медленным шагом пройтись б, спотыкаясь,
глядя восторженно по сторонам,
зная, что не взлетишь, рассыпаясь
анатомически по частям.

Как не хватает январской позёмки
в той суматошно родной кутерьме,
где новогодние светятся елки
в чистой невыдуманной зиме.

Жаркое солнце палит безбожно,
зной иссушает душу и плоть,
кровь на анализ взять невозможно,
если палец иглой уколоть.

В шумной палате экран телевизора,
словно в пустыне манящий мираж.
Мирная жизнь непривычна и призрачна.
Кто ее выдумал? — шутка и блажь.

Есть у поэтов воюющих кредо —
помнить о доме в дыме войны.
Вздрогнула ветка афганского кедра
от набежавшей взрывной волны.

Настроившись на волну воспоминаний, хочется сказать о том, что бывают минуты, когда надо посоветоваться или исповедаться перед близким человеком, другом. Иногда такая мысленная связь позволяет найти правильное решение в трудной ситуации.

Забыться, отстраниться хотя бы на какое-то время от грохота, крови и боли войны помогали стихи. Я писал их чуть ли не ежедневно. Для друзей, родных, наконец, для себя.

И песню тоже не удержался и написал. Очень просили товарищи, вместе с которыми я работал:

О чем взгрустнулось, товарищ мой?
Наверно, вспомнил ты дом родной.
Прохладный вечер в степном краю,
друзей заветных, любовь свою.

О чем взгрустнулось, товарищ мой?
Наш путь тревожный и боевой.
Где будем вместе — неважно где,
назло разлуке, назло беде.

О чем взгрустнулось, товарищ мой?
Ведь завтра снова в ущелье бой.
Пройди сквозь пули, осколки, дым
и, если можно, приди живым.

Мерцают звезды чужой страны,
в ней нет покоя и тишины.
Гордиться можем своей судьбой,
о чем взгрустнулось, товарищ мой?

Уныл и удручающ пейзаж Афганистана. Коричневато-серые горы лишены растительности. Овцы слизывают росу с камней — безводье. Мелкая, как мука, пыль въедается в ботинки, форму. Изнурительная жара днем переходит резко в сковывающий ночной холод. Ярчайшая голубизна неба с привычными трассерами отстрелянных с самолетов ракет и то же небо после захода солнца, чернее чернил фирмы «Паркер» с рассыпанными

по небу звездами, наверно, сразу всеми, какие есть во Вселенной. Контрасты.

Несколько раз налетал «афганец», и тогда казалось, что наступает конец света. Говорить и дышать в такие моменты невозможно. Приехав домой, в закутках чемодана я обнаружил желтую наждачную пыль — «афганец».

Ветер затеял бешеный танец:
желтой стеною песчаный буранец —
дует «афганец».
Средневековый вихрь-самозванец,
отполированы скалы под глянец —
свищет «афганец».
В памяти свежих морозов багрянец,
неподражаемо русский румянец —
стонет «афганец».
Вновь налетает бездомный скиталец,
не уступает восточный упрямец —
наглеет «афганец».

Афганская природа не способна успокоить, утешить, она не так поэтична, как, например, наша уральская. Афганский пейзаж — пейзаж войны, на нем пласты горя и страданий. Не оттого ли в моих стихах на этот раз так мало лирики и изящности.

Ночью ветер выл и дул,
грозный и чужой.
Мокрый снег накрыл
Кабул белой паранджой.

Утром стаял снег в момент —
лужи, грязь: кисель.
И опять Кабул
одет в серую шинель.

Последнее, что мелькнуло в иллюминаторе Ил-76, когда я возвращался в Союз, опять горы. Не самое веселенькое занятие лететь над ними, особенно, когда задание выполнено, тебя ждут дома, а ты знаешь немало случаев о сбитых «бортах». Самолет делает над аэродромом два с половиной круга и, набрав недосягаемую для обстрела высоту, уходит на трассу, домой.

Вот строчки, написанные прямо в небе, когда объявили, что

мы пересекли госграницу:

Мощным ревом взвыли моторы,
взгляд в мгновенье отбросил «взлетку».
И пошел самолет за горы,
продираясь, как через терку.

Как летел он, как торопился,
он с войны возвращался домой.
И спустился, будто скатился,
как по горочке ледяной.

А теперь поговорим о втором «хальб», о втором пополам. Самый частый вопрос, который задают мне по возвращении из Афганистана: «Ну, а как там?»

Вопрос законный и простой, но ответить на него невероятно трудно. Действительно, а как там? Об Афганистане сейчас много пишут и спорят. Существует уже целое поколение людей, прошедших через «Афган». Мое мнение такое: да, война. Да, тяжело и трудно. Как на любой войне, встречались с истинным героизмом, мужеством, отвагой солдат и офицеров. Появлялись личности, достойные всенародного уважения. Но имелось и то, о чем обычно замалчивали, не замечая, как исподволь назревала проблема, которую решать потом приходится всем миром и решить не всегда просто. Встречались — и не так редко — малодушные, трусливые, порочные людишки. Кто-то как за спасение цеплялся за больничную койку, симулируя болезнь.

Война во все времена до предела обнажает личность каждого человека, здесь не спрятаться за того, кто посильней и посмелей. Все на виду и всё на виду. Ты можешь быть убит и сам. Но в деле об этом не думалось. Обстановка обострилась до предела, передышки практически не было. Рабочий день с 6.00 до 23.00. Но потоки раненых в основном шли ночью. Банды вооружены самым современным оружием. Ранения тяжелые. Летальность при минно-взрывных ранах до 40 процентов. И если бы только это. Мы знаем сегодня о существовании в армии неуставных взаимоотношений. Это — одна из нерешенных проблем, возникшая не в один день и не в один год. Вытравить «неуставные» теперь, одним махом, одними приказами и директивами невозможно. Слишком далеко зашло заболевание. То, что раньше было небольшими гнойничками, сейчас сформировалось в мощный абсцесс. Он постоянно лихорадит нашу армию и требует самого радикального и серьезного лечения.

В Афганистане чрезвычайно высока инфекционная заболеваемость. К тому же чисто географические факторы, такие, как высокогорье, изнуряющая жара, эмоциональные стрессы, подавляют иммунную систему, снижают защитные силы, сопротивляемость.

В стране — комендантский час. Пустеет город, погружаясь во мрак. Патрульные бэтээры мощным ревом раскалывают пространство притихших улочек. Посты царандоя при малейшем подозрении простреливают перекрестки. С гор приглушенно доносится гул боя.

Радио Бахтар после молитвы передает очередную сводку о разгроме банды. В изголовье моей солдатской койки на расстоянии вытянутой руки стоит снятый с предохранителя автомат с двумя обоймами патронов, перемотанных синей липкой лентой…

Комендантский час, день остыл и осел,
умолкает уличный гул.
В темноте патрулем притаился Кабул,
звуки с тенями взяв на прицел.

Фронт проходит не по Гиндукушу,
он в сознанье племен и общин.
И летят врассыпную осколки от мин,
разрывая и тело и душу.

Прогремел в горах скоротечный бой,
вперемешку порох и пыль,
Не придумал ни слова, все это быль
самой честной легла строкой.

Раньше нравилось мне величье фраз,
глубина неизведанных сфер.
Здесь меня от излишних причуд и манер
отучил комендантский час.

Я уеду домой и в заботах своих
буду мирно работать и жить.
Но уже не получится, чтобы забыть
час, когда я писал этот стих.

Час, в котором нет тишины,
а удары сердца часты.
Я пишу, чтобы с ним не сверять часы,

с комендантским часом войны.

Кабул — Челябинск
1985—1986 гг.

Айвен Сиразитдинов
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЫСТОЯЛ
Документальная повесть

Добро потеряешь — немного потеряешь, честь потеряешь — много потеряешь, мужество потеряешь — все потеряешь.

Гете

Глава первая

Ключ от Долины Пяти Львов

Все выше, все круче узкая тропка. Бойцы, растянувшись в длинную колонну, упорно продвигаются вверх по горному склону. Туда, где в утреннем мареве колышется, будто мираж, заснеженная вершина, помеченная на топографической карте-двухверстке отметкой 3300. Это что… Приходилось капитану Буркову забираться по горным тропам и выше. Валерий вспомнил, как он, прибыв в Кабул, накануне своего первого похода получал оружие. Автомат, патроны — увесистый комплект. А когда взял в руки рацию — двадцать с лишним кило, — аж присвистнул: «А ведь с таким багажом придется лазить по горам…» «Что ж, будем крепчать, авиация», — не раз подбадривал себя Валерий: оно понятно, ведь авиаторы — народ, не очень приспособленный к пешему строю, а он — из штурманов, о которых говорят в шутку: «Воздушная интеллигенция — тяжелей карандаша ничего не подымают». Но ничего, обвыкся. На войне как на войне.

В боевых условиях год службы засчитывается за три. Это, конечно, верно, размышлял Валерий: немногим меньше года он здесь, на земле Афганистана, а прожита, кажется, целая жизнь. Совсем другая жизнь, далекая от мирных дней, жизнь, подчиненная неумолимым, жестоким законам войны.

Дальше путь проходил по седловине хребта. Справа, внизу, глазам открывалась долина. Вдали виднелись сады, строения. Но «зеленка» только казалась мирной. Где-то там затаился противник. Из долины, разветвленной узкими ущельями, отряды вооруженной оппозиции, предводительствуемые Ахмад Шахом Масудом, совершали набеги на окрестные кишлаки, держа в

страхе местное население, делали дерзкие вылазки на единственную автомобильную дорогу, связывающую Кабул с северными провинциями, с целью отсечь ее.

И вот теперь подразделениям афганской армии, совместно с советскими воинами-интернационалистами, предстояло выполнить важную операцию по вытеснению неприятельских формирований из долины, где масудовцы располагали своими базами, число которых доходило до ста. Разведроте, с которой шел авианаводчик Бурков, предстояло овладеть горой Хаваугар, высотой, которая господствовала над долиной. Кто овладел этой высотой, у того, считай, был ключ в руках от Долины Пяти Львов — так переводится название Панджшерской долины.

Панджшер… Недавно Валерий услышал стихи, автора он не знал, а написаны они про бои в этих местах:

Оставим же, мужчины,
Мы страхи про запас.
Панджшерские вершины
Пускай запомнят нас.
Нам совесть не позволит
Держаться в стороне.
Хоть на руках мозоли
И жутко на броне.

Немало стихов сложено нашими ребятами о Панджшере. Кто ходил там на «боевые», знает — операции в тех краях были самые тяжелые, особенно в том году. Немало парней наших полегло там, покалечено в «минной войне». Ведь именно в 1984 году 40-я армия понесла наибольшие потери за все время войны в Афганистане — 2343 человека убитых[3].

Где-то здесь, поблизости, проходит дорога, связывающая Баграм с Кабулом. Неподалеку от этой дороги, буквально в каких-то десяти километрах от тропы, по которой шел Валерий, погиб его отец, полковник Бурков Анатолий Иванович…

— За отца мстить хочешь? — вот такой вопрос в упор одним из первых задал Валерию командир части, в которой служил он год назад. Не он один, многие задавали ему этот вопрос.

— Нет, не мстить… Отец не мог поступить иначе, и я, наверное, — тоже…

Договаривать остальное, приготовленное накануне беседы, не стал: получилось бы, пожалуй, высокопарно, хотя он и не желал бы остаться понятым неверно. В блокноте, в котором Валерий еще с курсантских лет записывал стоящие, на его взгляд, мысли из прочитанных книг, можно было найти высказывание Олдингтона:

«Нельзя открывать другим то, что для тебя очень важно и значительно, потому что это значит утратить для тебя самое дорогое». «Зачем я хочу поехать в Афганистан? Это ведь трудно объяснить другим и даже самому себе… Веление души, что ли… Что еще сказать себе по совести?..» Разве один Валерий задавался таким вопросом? Ответ придет много позже, как приходит прозрение. А пока… Конечно, ему, как профессиональному военному, хотелось испытать себя в условиях, отличающихся от «приближенных к боевым». Да, кроме того, разве чужды его возрасту мечты «о подвигах, о славе…», хотя по натуре он никак не мог походить на тех, кого иронически называют «рыцарями удачи».

Голова колонны поравнялась со скалой, торчащей из горы, как выкрошившийся зуб какого-то допотопного чудовища. Валерий увидел, как от вершины скалы отделился орел и, взмахнув сильными крыльями, взмыл в небо. Набрав высоту, медленно парил, описывая большие круги. Валерий не без зависти проследил за полетом гордой птицы: «Значит, все в порядке — летаешь. А я… Скоро ли?..» Здесь, в Афганистане, он проходил службу в наземной должности, воевал на земле, а ведь он — штурман авиационный. Летал. Да вот незадача приключилась с ним: в прошлом году «срезался» на очередной медкомиссии — врачи обнаружили туберкулез легких. Но теперь, после всего испытанного здесь, Валерий знал, что дорогу в небо ему не перекроет ни одна медкомиссия. Закалка еще та, горный воздух, определенно, пошел на пользу. Так что полетает он еще. Мысли Буркова оборвал сухой треск близких выстрелов. Откуда-то спереди, из-за нагромождения камней, неожиданно открыли огонь душманы. Бойцы без команды ответили дружной стрельбой из автоматов. По душманам, прятавшимся в расщелинах, ударили пулеметы.

Валерий приготовил рацию к работе, чтобы в случае необходимости вызвать вертолеты огневой поддержки. Но такой надобности не возникло. Схватка закончилась быстро. «Духи» отступили, унося убитых и раненых. Видимо, это был малочисленный заслон.

Сколько уже таких операций на счету авианаводчика Буркова! А чаще других вспоминается самая первая, та, что стала его боевым крещением. Накануне операции Валерий разговаривал с бывалыми наводчиками, расспрашивал обо всем, но получил в ответ только несколько общих советов. Вообще, он заметил, что парни, уже побывавшие в деле, не больно охочи до наставлений: «Там сам разберешься, что к чему… Твое оружие не автомат, а

радиостанция. Смотри на старослужащих, что они делают — то и ты, у них можно многому поучиться. Стреляют — не высовывайся. Если стрельба началась неожиданно, падай за ближайший камень, осмотрись, потом принимай решение…»

Когда ехали на аэродром, он подумал про себя: «Ну вот и началось…» Ощущение, как перед первым прыжком с парашютом. Страха не было, но нельзя сказать, что не волновался, — было, конечно, состояние внутренней настороженности, впрочем, эмоции в той мере, насколько это удавалось, оставались зажаты. Одним словом, присутствие духа было при нем. Предполагалось, что на первую операцию Бурков пойдет с капитаном Володей Косухиным, наводчиком, имевшим боевой опыт, который должен был стажировать его. Но накануне, в самый последний момент, Косухина забрали на другую операцию, он ушел в Кундуз. Так что начинать Валерию пришлось без инструктора.

В первый же день операции батальон прибыл в район, где должны были завязать бой. Но противника там не застали: душманы разбежались при получении известия о том, что идут «шурави»[4]. Одна банда ушла на север, другая — на юг. Как потом выяснилось, до прихода батальона банды воевали между собой, не поделили чего-то. Такие междоусобицы среди них не редкость.

А настоящая схватка с врагом произошла на другое утро. Когда подошли к «зеленке», Бурков попросил комбата отправить его с той ротой, которая первой выдвинулась на прочесывание местности. Но комбат не отпустил наводчика: «Ты будешь при мне…»

Оставшийся в распоряжении комбата, Бурков, примостившись на броне бэтээра, прослушивал радиообмен через динамик: связь с наступающими ротами была выведена на громкоговорящую линию. Трудно новичку сразу разобраться в шквале докладов, врывающихся в эфир. Но все же Валерий догадывался, что обстановка быстро усложняется. Это было заметно и по поведению командира батальона: на лице его появилось выражение тревоги. Рота попала в засаду. По радио взывали о помощи: «Нас зажали! Головы не поднять… «Духи» кладут пули рядом…» Стало ясно, бойцы первой роты угодили в огневой мешок. Невмоготу слушать такое, тяжело сознавать свое бессилие, невозможность помочь ребятам, которые попали в беду. «Если б комбат отпустил меня с первой ротой, я вызвал бы вертолеты, навел… глядишь, помог бы ребятам, — соображал он в горячке переживаний. — Но отсюда роту не видать, где «духи» — тоже, куда наводить — неизвестно». И вдруг его осенило. Спросил у начальника связи, он был рядом:

— Не найдется у тебя еще одна радиостанция?

— Должна быть запасная, — ответил тот.

— Давай ее сюда!

Завладев запасной рацией, наводчик спросил у начсвязи:

— На какой частоте работает начальник штаба?

Начальник штаба батальона ушел с той самой ротой, которая попала в засаду. Установить с ним связь не составило труда и заняло немного времени — минуту, другую. Теперь, располагая двумя рациями, одной — для связи с землей, другой — с воздухом, Бурков знал, что делать, он быстро запросил у начштаба:

— Где находитесь, «Фиалка»? Где «духи»? Укажите место, вызываю вертолеты!

Увидев подлетающие вертолеты, Бурков ободрил себя: «Не боги горшки обжигают». Работать приходилось, считай, вслепую, не видя цели. Запросил начштаба:

— «Фиалка», обозначьте свое место!

Выслушав начштаба, Бурков выдал летчикам координаты своих и «духов»: «Цель — строение с башней наподобие колокольни. Оттуда душманы лупят из пулеметов». Вертолеты вышли на боевой курс.

— На месте разрывов наблюдаю оранжевые дымы![5] — услышал Валерий встревоженный голос летчика.

«Неужто по своим вдарили!» — Лоб покрылся холодной испариной. Быстро спросил осипшим голосом у начальника штаба:

— Как легли разрывы?

— Нормально… Неплохо для начала… А теперь давай метров пятьдесят левее.

Отлегло… Валерий передал летчикам:

— Отлично! Дымы чужие. Цель — относительно разрывов, по курсу, метров пятьдесят левее!

Потом по командам наводчика летчики обработали указанную площадь, поражая цели вокруг роты. К тому времени на выручку окруженным подоспели две соседние роты, посланные комбатом. Бой продолжался; наши бойцы при поддержке авиации продвигались вперед.

А Бурков уже был занят другим: заводил на посадку вертолеты — забрать раненых, их доставили оттуда, где рота вступала в бой.

Трое их было — саперы. Впереди роты шел командир саперного взвода старший лейтенант, с ним сержант и солдат. Двое душманов неожиданно выскочили из-за дувала, выпустили очереди из автоматов почти в упор. Старший лейтенант был

ранен двумя пулями в бедро, одна пуля, пробив бронежилет, вошла в грудь и застряла на вылете в бронежилете со спины. У сержанта — пулевое ранение в голову. Солдата убило сразу, наповал. Сержант, спасая командира, вынес его из-под огня на себе, дотащил до арыка, в безопасное место, и там умер. Старшего лейтенанта Валерий узнал: буквально перед операцией разговаривал с ним за ужином — симпатичный молоденький офицер. Когда раненого комвзвода переносили в вертолет, он оставался в беспамятстве, стонал, дважды с его обескровленных губ сорвалось чуть слышно, прошелестело: «Мама… мама…»

То боевое крещение закончилось для Валерия купелью… нет, не в переносном смысле, а в самом прямом. Во второй половине дня батальон продвинулся дальше, и тут Валерий угодил под такой шквальный обстрел, что пришлось вслед за комбатом укрыться в арыке. Арык оказался глубоким — погрузились в ледяную воду по шею. Зато потом, выбравшись оттуда, четко навел вертолеты на старую крепость, в которой укрылись душманы. Заводил «вертушки» «через себя», указывая цель буквально в нескольких десятках метров от своего наблюдательного поста. Первые разрывы легли всего в каких-то пятидесяти шагах. Было жутковато, но вот разрывы стали удаляться и вскоре точно накрыли цель.

…К полудню бойцы разведроты достигли вершины горы. «Привал!» — послышалась долгожданная команда. Но Валерий с бойцом, приданным ему в помощь для транспортировки рации, прошел дальше, отыскивая открытое возвышение, откуда удобнее было бы управлять при необходимости вертолетами. Выбрав площадку с хорошим обзором, Бурков снял с себя рюкзак, автомат. Осмотревшись еще раз, обнаружил неподалеку грот — по виду настоящий блиндаж. Грот вызывал подозрение: не прячутся ли там «духи»? А вдруг склад оружия? Можно было послать бойца, но офицер решил пойти сам: солдат молодой, с душманскими уловками еще не знаком. Взяв автомат, двинулся к гроту. Вход в него был невелик. Такому рослому, как Валерий, надо согнуться в три погибели, чтобы проникнуть в пещеру. Он присел, заглянул в лаз, затем, не раздумывая долго, пополз вовнутрь и в полутьме наткнулся на сваленные в углу гранаты английского производства, там же лежали ленты от зенитного пулемета ДШК. Прихватив с собой пару гранат и ленту, Бурков выбрался из грота. Но не успел сделать и шага, как услышал взрыв. Громыхнуло глухо, показалось, с правой стороны. «Кто-то из наших подорвался на мине?..» — Сперва он подумал именно так. Это уже в другое мгновенье, через доли секунды: «Нет, это я подорвался!» Потом на какой-то миг — темень в глазах. Короткая

мысль: «Ногам — хана!» — и ощущение падения с вращением в правую сторону. Удара о камни не почувствовал. Поднял голову и ощутил онемение в подбородке, подумал, выбило зубы, потрогал их языком — нет, целы, на месте. Но подбородок все-таки зацепило, определил он, нащупав на нем торчащие клочки кожи. «Ладно, это мелочи…» Он перевел взгляд на ноги, но ничего дальше колен не увидел: ноги перевесились за камни. Попытался поднять правую руку, но кисть не повиновалась. Увидел дырку с пятикопеечную монету в правом предплечье — оттуда медленно сочилась кровь. И только потом уже почувствовал непонятный, холодный зуд в ногах.

«Проклятый сон!» В ночь накануне операции снилось ему, что стоит он посреди улицы в Киеве, на Крещатике, а вместо одной ноги у него протез. Еще снились душманы, странное дело, в форме гитлеровцев.

Солдат, оставленный Бурковым на тропе, метнулся к нему. В округлившихся глазах — выражение растерянности. Валерий спросил:

— Что с ногами? Обе оторвало?

Солдат подавленно молчал.

«Надо что-то предпринимать», — торопливо отстукивало в мозгу. Вспомнил рассказ авианаводчика капитана Саши Кудрявцева, у него была перебита в бою артерия, он использовал взамен жгута на простреленное бедро провод от наушников рации. Валерий попросил бойца:

— Рви антенну рации — пойдет на жгуты…

— Счас… я мигом, — прошептал солдат, а у самого в глазах слезы. Он стал рвать голыми руками провод антенны. Уже потом Валерий удивлялся тому, как пареньку удалось справиться: руки-то не железные, а антенна прикреплена к ремню.

Солдат, как умел, наложил жгуты на ноги раненого. Вот тут-то боль сказалась в полную силу. Кряхтя, сдерживая стон, Валерий спросил у бойца: нет ли чего обезболивающего. Но требуемых таблеток не оказалось. Что ж, на нет и суда нет. Терпи…

Солдат потянулся со жгутом к правой руке, но Валерий отказался: «Не надо…» Кровь из раны сочилась понемногу, вот-вот остановится сама по себе. Впоследствии выяснилось, что наложи тогда они жгут на руку — спасти ее не удалось бы. Кружилась голова, но он понимал, что сознания терять нельзя ни в коем случае: ведь, кроме него самого, некому вызвать спасательный вертолет.

Бурков приказал бойцу придвинуть к нему рацию: «Поближе…» Сам включил ее в работу. Надо доложить… Вызвать

вертолет для эвакуации раненого… Но говорить ли кого? Было какое-то странное, неподходящее ощущение вины за то, что ранило именно его, Валерия. И еще сомнение: если вызывать, то как докладывать? Забрать «тяжелого» или легкораненого? Казалось, раз в сознании, значит, ранен не тяжело.

На счастье Буркова, в воздухе в это время находился самолет-ретранслятор.

— На связи «Диктор»! — послышался в эфире голос начальника группы управления.

— «Пчелку» в квадрат… Забрать раненого… — голос Валерия прозвучал в эфире с хрипотцой, слабея, замирая на последних словах.

— Повторите! Что произошло? — запросил «Диктор».

— Подрыв на мине… Оторвало правую ногу, левая раздроблена. Ранение правой руки и лица…

Тревожный доклад, которому уступали дорогу спешные команды, схваченный «Диктором» и переданный дальше, мчался, разрывая настороженный эфир, летел по проводам телефонной связи, достиг КП командующего ВВС армии.

По странному стечению обстоятельств именно в это время на КП командующий ВВС и представитель Главного штаба ВВС вели разговор о Буркове.

— Есть у меня один наводчик, капитан Бурков… Все время рвется на операции, — говорил генерал. — Отец его здесь погиб… Нельзя, чтобы и с сыном что-то случилось. Я ему предлагал еще раньше, в феврале, перейти в штаб… Он же — ни в какую: «Разрешите, пока здоровье есть, ходить авианаводчиком!» А вот совсем недавно узнал, что перенес он туберкулез легких… Думаю, хватит с него!

Доклад подошедшего оперативного дежурного прервал разговор:

— Товарищ командующий! Подорвался на мине «Визит»…

— Чей это позывной? — спросил командующий.

— «Визит» — позывной капитана Буркова, — уточнил находившийся на КП молодой офицер связи Саша Порошин.

…Летчики поисково-спасательных вертолетов, находившихся в воздухе, не сразу узнали голос командующего.

— Я, Сто Тридцатый, понял вас! — ответил ведущий пары, направляя вертолеты в указанный квадрат.

Капитан Бурков, оставаясь в сознании, установил по радио связь с Сто Тридцатым и доложил свое место:

— Гора Хаваугар, северная сторона. Высота — три триста.

Он дал команду солдату зажечь дымовую шашку, чтобы обозначить свое местонахождение.

Появления вертолетов ждали недолго. Когда они пошли на снижение, уже на, расстоянии визуального контакта Валерий сам, лежа на спине, пытался, как это он делал раньше, подавая условные сигналы, жестами руководить действиями летчиков при заходе на посадку.

Он не был уверен, что возможно забрать его в столь неподходящем месте: сесть вертолетам негде, острая вершина горы завалена глыбами камня, а брать раненого в режиме «висения», на такой высоте, в разреженном воздухе — хватит ли тяги двигателей?

Но вот вертолет завис над вершиной, переместился чуть ниже. В лицо ударила упругая струя воздуха. Гул двигателей напирал, сжимал воспаленный мозг. Двое солдат подняли Буркова с камней, подхватив за бедра и за спину. В тот момент он увидел свои ноги: левой тоже практически не существовало — раздробленная почти до колена, она болталась на одних жилах. «Уж оторвало бы сразу…» — подумал Валерии. Нога цеплялась за камни и причиняла ужасную боль. Тогда он вытянул вперед правую культю — прикрыть раны от ударов. Когда его поднесли к вертолету, Валерий отметил, что летчики мастерски справлялись с машиной. Ведь лопасти винта крутились над острой вершиной, склон которой обрывался в пропасть. Потоки воздуха, такого неспокойного здесь, в горах, могли легко опрокинуть вертолет.

В боковом люке показался борттехник. Он присел на корточки и, старательно удерживая равновесие — как ему это удавалось в открытом проеме? — нагнулся, чтобы перехватить руку раненого. Бойцы медленно приподняли Буркова, но в тот момент, когда он дотянулся до руки борттехника, упругий удар воздушной струи из-под вращающихся лопастей винта сбил неустойчивое равновесие поддерживающих его ребят. Рука Валерия разжалась, и он полетел вниз. От удара о камни на мгновенье потерял сознание. Открыл глаза, и, когда бойцы вновь подхватили его на руки, нашел в себе силы пошутить:

— Ребятушки-солдатушки! Пожалуйста, больше не роняйте! А то сбегу…

Борттехник сообразил опустить из люка металлическую лесенку. Валерий взялся было за нее здоровой рукой, но тут же получил сильный удар электрическим током: от вертолета исходили заряды статического электричества. Однако другого варианта не нашлось, и он снова ухватился за нее, немного подтянулся, борттехник поймал его за левую руку и втянул в грузоотсек. Левая нога больно ударилась о ступеньки лестницы, но самое трудное было позади.

Разместив раненого поудобнее, борттехник спросил его:

— Как же тебя так угораздило?

Бурков попросил воды.

— Тебе нельзя, наверное, — сказал бортач участливо, — вдруг станет хуже.

— Хуже не будет, — возразил Бурков, — некуда. Мы трое суток без воды. Снег ели… Мне только один глоток. И покурить не мешало бы…

Борттехник выполнил обе просьбы, он сам прикурил сигарету и подал ее раненому. Сделав несколько затяжек, Валерий немного успокоился, смежил веки: «Все, полетели…» Мыслей не было никаких.

Вертолет приземлился в Кабуле. На аэродроме ожидала машина «скорой помощи». Сделали обезболивающий укол, перенесли раненого в машину. В медсанбат воздушно-десантной дивизии добирались по ухабистой дороге; боль в ногах давала о себе знать при такой тряске, Валерий изрядно постанывал.

По дороге в операционную он потерял сознание. Во время операции его трижды выводили из шока. Трижды он возвращался к жизни после того, как уже казалось — все, по ту сторону.

Очнулся только утром следующего дня. В памяти осталось только одно. Темный-темный, сужающийся тоннель. Вдали, где-то в самом конце его, чуть брезжит свет и маячит расплывчатая фигура человека. Он повторял едва слышно: «Жить будет!» Потом, спустя много времени, снова донесся его голос, уже громкий: «Валера, ты меня слышишь? Открой глаза!» Этого человека Бурков на всю жизнь запомнит — хирурга Владимира Кузьмича Николенко.

Очнувшись, он с трудом размежил веки, но потом как-то сразу пришел в себя. Мозг работал четко, сознание — ясное. Он приподнялся на каталке, отбросил простыню, осмотрел забинтованные остатки ног, потом — руку. Пройдет время, и он вспомнит, о чем тогда подумал. «Глянул на свои ноги и махнул рукой (здоровой): а, черт с ними — новые сделают… Не я первый, не я последний… Появились ли какие сомнения насчет дальнейшей жизни? Были, но думалось и так: а чем я хуже Маресьева… И последнее… правда, может, кто улыбнется этому: одно только было неясно, как к такому ранению относятся женщины — ведь я был холостяком».

Утром того же дня в палату зашел хирург, спросил Буркова о самочувствии и объявил, что к нему приехали гости.

А приехали к Буркову в то утро полковник Иванов — начальник КП ВВС армии и капитан Витя Бяков. Присев возле кровати раненого, осторожно поинтересовались насчет

самочувствия, поговорили о последней операции в горах.

— Может, у тебя есть какие-то просьбы ко мне или к командирам, — спросил Иванов.

— Товарищ полковник, только две просьбы, — ответил Бурков. — Первая — матери ничего не сообщать и, если будут звонить от нее из УрВО, говорить: все в порядке. Вторая — помогите остаться в армии.

— Хорошо, Валерий… Все будет, как ты сказал. Между прочим, командующий хочет представить тебя к Герою.

— Не надо, товарищ полковник… Спасибо, но такой высокой награды я не заслужил. Что я потом людям скажу о своем геройстве? Сочинять еще придется… Обычный подрыв.

Гости у Валерия были недолго. Он почувствовал сильную усталость и заснул.

Отпустила боль. Временами что-то снилось. Странные причудливые обрывки прежней жизни. Виделось детство.

Изба лесника на кордоне возле реки. Днем лес был тих, спокоен, светились янтарем высокие стволы мачтовых сосен. По опушкам цвели ландыши, колокольчики. С дерева на дерево, распушив хвосты, перелетали белки. Лес будто переговаривался с малышом на разные голоса. Он любил бродить по этому лесу. Просто так, без всякой цели, и уходил надолго, за что его бабушка корила, но по-доброму.

А по вечерам лес таинственно шумел, и Валера любил, сидя на крылечке, слушать этот шум, разгадывал, навострившись, загадочные звуки.

Темнеющий лес пугал, чудилось в нем что-то непонятное, страшное. И уже совсем другим представлялся закордонный мир: с множеством диких и опасных зверей — волки там, медведи, небось… Потом в доме зажигались свечи, бабушка готовила ужин, напевала: «Ой мороз, мороз», а то затянет чалдонскую «Бродяга к Байкалу подходит…» А после ужина она разучивала с внуком пушкинскую сказку, ту, что про кота ученого, который «все ходит по цепи кругом».

Глава вторая

Подведение итогов

Военные авиаторы в шутку говорят: «Не столько служим, сколь итоги подводим». Чего-чего, а всевозможных «подведений итогов» хватает — это точно. Отлетали — подвели черту, отработали на учениях — опять итог, ну и соответственно за

результаты недели, месяца, года — это уже, как закон, «бабки подбиваются» неукоснительно. Хорошее, необходимое это дело. Разобрались: что сделано, чего не успели, все тут — и успехи и промахи. Подытожили, и становится ясно, как жить дальше.

О чем только не передумано в долгие часы госпитальной бессонницы… Всю жизнь можно вспомнить, прокрутить в памяти по дням, от самого начала. Валерий не просто вспоминал — он подводил итоги. По рубежам, как говорят в военной авиации. Пытался разобраться в прожитом и на что способен теперь. Выяснить это для себя представлялось очень важным.

В палату вошел солдат, которого все звали просто Славой-фельдшером. Он, держа шприц наготове, подошел к кровати Буркова. Сделал укол. Слава — добрый парень, аккуратно это делает.

— Ну как, помогает? — спросил он.

— Не очень… — ответил Валерий. — Притупляет, конечно, боль, но ненадолго.

— То-то, гляжу я, мучаетесь вы, товарищ капитан… Нормальные люди после такого укола сутками спят. А у вас — ни в одном глазу…

— Значит, Славик, я ненормальный, — пошутил Валерий. — Спасибо, авось полегчает.

Фельдшер ушел, но Валерию не спалось и после укола, хотя время перевалило далеко за полночь.

Разное вспоминалось. Мысли уносились в детство, в школьные годы. Не подозревал он в себе такого раньше — способности вызывать в памяти даже маленькие, вроде нестоящие события.

В первом классе учился… Сводили однажды ребятишек на фильм «Мальчиш-Кибальчиш». Маленький Валера плакал оттого, что убили храброго Мальчиша, ужасно ненавидел Плохиша и всех буржуинов. По окончании первого класса получил грамоту за отличную учебу. Очень гордился ею. Вообще учился хорошо. Только в девятом классе заленился: жил у бабушки, спросить за учебу построже было некому. Потом выправился.

Увлечений пережил много и разных. С пятого класса занимался гимнастикой, плаванием, футболом. На районных соревнованиях получил третий разряд по гимнастике и легкой атлетике. Тогда, на соревнованиях, он стеснялся своей худобы и, несмотря на просьбы товарищей по команде, так и не снял трико перед прыжком в высоту. Потом — третий разряд по плаванию: на соревнованиях дистанцию прошел первым, но как доплыл — не помнит. Говорили, что он задержался на старте и долго плыл под водой, но в конце всех обошел.

В футбольной команде Валерий играл в нападении, по центру. Вот дружок его Васька Гась, худой, черный, как грач, он и есть настоящий цыган, ловко переходит в сторону ворот противника, стремительно проносится по правому краю. Молодец, Цыган! Техника у него, что надо! Васька выводит Валеру на ударную позицию — на поле ребята понимали друг дружку без слов, — потом четко отдает пас. Как тут не забить гол!

В седьмом классе Валеру произвели во вратари, и стал он в гарнизоне лучшим школьным голкипером — чем не Лев Яшин. Брал одиннадцатиметровые, ребята завидовали его вратарской реакции, он умел выбрать правильную позицию и, за что больше всего ценили его в команде, не боялся выходить на мяч, самоотверженно бросался под ноги нападающего. Занимался он еще боксом…

…Бессонница сгоняет раненых из палаты в курилку. Там выздоравливающие потихоньку режутся в шахматы, в нарды, кто-то читает. До курилки Валерию не добраться. Лежит в палате, оставшись один на один со своей болью. Хотя, если быть точным, не совсем один. С ним — транзисторный приемник.

Девятого мая, в День Победы, навестили Буркова друзья. Было много ребят — авианаводчики, десантники. Натащили деликатесов, подарили тельняшку, часы. Приемник — это подарок от командования.

Валерий достает транзистор с тумбочки, подкручивает на нужную волну. Идет передача «Для тех, кто не спит». «В самую точку», — говорит он себе, невесело усмехнувшись. Исполняли 1-й концерт Чайковского.

Накатывались одна за другой светоносные, добрые волны музыки на берег утешительной надежды, на котором страждущая душа находит краткое отдохновение, где даруется ей облегчение, хоть на малый срок. Порой сознание раненого совсем растворялось в музыке, он забывал себя. Как он был благодарен теперь тем, кто в свое время привили ему любовь к музыке!

Начиная с третьего класса, Валерий учился в Москве (отец, поступив в академию, перевез семью в столицу). Здесь родители отдали его в музыкальную школу по классу баяна. Они хотели, чтобы сынишка учился на фортепьяно, но Валера расплакался и заявил, что не станет играть на «девчачьем» инструменте. На вступительном экзамене он должен был спеть под аккомпанемент. Слух у него оказался хорошим; спел песенку о юном барабанщике — экзаменаторы остались довольны. Четырнадцати лет он самостоятельно обучился игре на шестиструнной гитаре, на фортепьяно, выступал в школьном ансамбле.

Воспоминания чередовались порой без всякой последовательности.

Однажды, это было в шестилетнем возрасте, отец взял Валерку на стрельбище. Прежде чем дать стрельнуть, отец наставлял — никогда не надо целиться в людей.

В другой раз он «покатал» сынишку на самолете. Вовсю ревели двигатели, впечатление полета было полное. Валерий, сидевший в зашторенной кабине, конечно, не мог знать, что самолет стоит на месте.

Потом Валера спорил с соседским мальчишкой: чей папа лучше и сильней. Конечно, Валерин папа — он мог разбомбить что хочешь, не говоря уж о том, что у него есть пистолет.

Запомнился день, когда принимали в пионеры. Стояла солнечная майская погода. Мама отпустила Валерия в город. В автобусе, когда он хотел купить билет, кондукторша сказала ему, что в День пионерии ребятам можно ездить бесплатно. Он заключил из этого, что пионеров любят.

«Трудный» возраст — восьмой, девятый классы — Валерий миновал не сказать, чтобы очень благополучно, переболев тем же, что и многие его сверстники. Пробовал курить, но бросил. Не раз оказывался замешанным в драках, хотя, если честно, драться зря он не любил. Окружающим казалось, что растет хулиганистый парень, но все это прошло. Оканчивая школу, Валерий твердо знал, что будет поступать в летное училище.

Зачислен Валерий в училище 16 августа 1974 года. Попал в роту майора В. А. Каштанова. Хороший командир: требовательный и человечный. Остались о нем у Валерия самые лучшие воспоминания.

А вот с первым командиром взвода, кажется, не повезло. Он отчего-то сразу невзлюбил Валерия: так ему во всяком случае показалось. Непонятно, чем ему не пришелся по нраву новобранец, но он огорошил курсанта при первом же знакомстве: «Вы будете первым, кого я посажу на гауптвахту». Выходит, не только любовь бывает «с первого взгляда».

Так оно и случилось. Однажды молодого взводного оставили за командира роты. На утреннем построении он громко поздоровался с курсантами, но в ответ, вместо положенного приветствия, курсанты дружно набрали полную грудь воздуха и так же дружно выдохнули молча, без ритуального «здравия желаем!». Рассерженный старлей, задавшись целью выявить и наказать зачинщика столь неслыханной дерзости, нашарил глазами приметную физиономию Буркова, которая, как он внушил себе, могла принадлежать заведомому нарушителю воинского порядка, и вывел его из строя: «Курсант Бурков,

объявляю вам пять суток ареста!»

Спустя несколько дней Валерий успел «схлопотать» еще трое суток отсидки, но, к счастью, его вскоре перевели в другой взвод.

Слегка подтрунивая над Бурковым-курсантом, Валерий писал в своем дневнике, который он вел от случая к случаю:

> *«В училище, если быть честным, Валера вел себя средне. Не был чересчур дисциплинированным, но и не был «грубым нарушителем». В «самоходы» не ходил. Учился периодами хорошо, иногда — не очень. Много занимался музыкой. На четвертом курсе, когда приступили к настоящему делу, к серьезным полетам, проявил себя с хорошей стороны. Летал с удовольствием, вовсю грыз гранит науки и, в конечном счете, стал передовиком. О чем упоминалось в окружной газете дважды, участвовал в съемках фильма об училище и был показан по телевидению. В общем, о своей репутации будущего штурмана очень беспокоился».*

Был на третьем курсе случай, который надолго омрачил курсантскую жизнь Валерия. Из чувства товарищества, которое в таких случаях почему-то называют «ложным», Валерий взялся выручить своего приятеля Андрея, к которому неожиданно издалека приехала невеста. Дело было поздним вечером, после команды «отбой!». Валерий, которому по уставу положено было уже «отходить ко сну», поднялся, оделся и ушел из казармы, чтобы помочь однокурснику устроить на первое время невесту. А когда пришло время держать ответ за содеянное, за нарушение распорядка, Валерий взял всю вину на себя. В провинившихся числился немалый срок.

Больше всего в ученье Валерию пришлась по душе летная практика. Любил летать. Старания же хватало с избытком. На инструкторов ему везло. На всю жизнь запомнил он своего первого инструктора капитана Григория Юшкова. Спокойный, не терявший выдержки на земле и в воздухе, Юшков готовил будущих штурманов умно, обстоятельно, толково. Умел, когда надо, прощать ошибки, а когда и спросить строго.

На выпускном курсе Буркова учил капитан Александр Боровиков. Валерию нравилось, что он не стеснял самостоятельности курсантов, доверял им, а доверие, известно, окрыляет. В воздухе он на свой манер учил курсантов «думать по-штурмански». Перед выпуском проводилось ученье с посадкой на другом аэродроме. Едва реактивный бомбардировщик оторвался от земли, как Боровиков скомандовал: «Давай сам! От взлета и до посадки… Считай, меня в кабине нет».

Схему полета Валерий знал назубок, с заданием справился отлично.

Полеты запоминаются самые трудные. Это было на четвертом курсе. В одном из учебных полетов попали в сложные условия. На маршруте путь самолету преграждала грозовая облачность. Экипаж принял решение обойти атмосферный фронт, но сильно уклонился от линии заданного пути.

В облаках самолет попал в зону сильной болтанки: отказала часть навигационных приборов. Даже сам командир экипажа, летчик с писательской фамилией — Тургенев, не терявший умения владеть собой в любой обстановке, заволновался.

На первом сиденье за штурмана-навигатора сидел сокурсник Буркова курсант Толик Чурилов; его, кажется, укачало, он явно растерялся. Валерий пытался, сколь позволял куцый обзор сквозь блистер в борту фюзеляжа, сориентироваться визуально. Это ему удалось: увидел на мгновенье, в разрывах облаков, знакомые контуры деревеньки, предложил командиру довернуть вправо почти на 90 градусов. Потом еще довернули. Командир сперва сомневался — надо ли? Но Валерий его убедил.

Когда вышли на боевой курс, на дальности двадцать километров от цели, Бурков перебрался в переднюю кабину, к Толику. Тот и в самом деле выглядел неважно, лицо бледное. Валерий стал отчетливо диктовать ему, что надо делать. К Толику вернулась способность соображать. Он включил бомбовое оборудование. Долго не мог отыскать цель. Валерий и тут вовремя пришел на помощь: определил угол визирования по рискам на остеклении кабины, которые он нанес накануне. Толик нажал на кнопку сброса. Бомбы пошли вниз. В экипаже стояла тишина. А вдруг мимо? После заруливания, когда узнали результаты, разрядились: хлопали друг друга по плечам, весело обсуждали недавние злоключения.

Не один Валерий, многие считали Боровикова талантливым инструктором и воспитателем. Уважал его Бурков беспредельно за доверие, за терпение, за «ненавязчивый» подход к курсантам. Боровиков учил ребят думать. Если видел, что курсант в чем-то ошибается, не опровергал сразу, а выводил на истину по-своему: подбрасывал тому задачку, уточняющие вопросы. В конечном итоге курсант сам начинал сознавать, что аргументов у него маловато, чтобы упорствовать в своем заблуждении; на другой день он приходил к инструктору с видом человека, сделавшего открытие — как же, понял, где собака зарыта.

Сокурсники называли Буркова экспериментатором. С Боровиковым Валерию удавалось проводить свои штурманские эксперименты даже в полете. Инструктор разрешал курсанту

самостоятельно отрабатывать изобретенные им приемы, хотя не позволял делать это авантюрно — предел не переходили. Валерий ни разу не подвел инструктора.

Когда Бурков удачно выполнил экзаменационный полет, Боровиков на радостях крепко обнял своего питомца. Валерий любил Боровикова. На прощанье он подарил инструктору штурманские часы старинного образца, доставшиеся ему от деда.

Еще в училище Буркову присвоили квалификацию «Военный штурман третьего класса».

…На днях в палату поселили новичка. Валерий уже успел познакомиться с раненым солдатом, назвавшимся Андреем Бурловым; парню оторвало ногу во время боев в той же Панджшерской операции. Андрей рассказывал, что их роту всю перебили, в живых осталось только двое — он и командир. Они прорывались из кишлака, в котором их окружили моджахетдины. Солдат уцелел лишь благодаря тому, что бегал за подмогой. Андрей держался молодцом, не терял присутствия духа. Хотя сильно переживал.

После этого разговора Валерий сильно расстроился. Впервые по-настоящему почувствовал, как угнетает его мысль о том, что теперь он не боец. Как там на Панджшере? Ведь нынче кому-то вместо него идти на задание, туда, в горы…

Его снова навестили друзья. Приехали проститься с Бурковым его школьные товарищи капитаны Саша Кудрявцев и Толя Романов — земляки, учились вместе с восьмого по десятый классы. Они уезжали по замене в Союз. Поговорили, вспомнили школьные годы, родной Челябинск. Валерий еще раз напомнил им про свой наказ: там, на Урале, всячески опровергать слухи о его ранении, чтобы не дошли до матери. Ребята обещали исполнить это. Прощаясь, они подбадривали Валерия, пытались острить, но лица у них все равно были грустными — друзья понимали, каково ему…

Последние дни в Кабуле… Об этих днях Валерий поведал в своем дневнике.

«23 мая

Утром проснулся от сильной боли в правой руке. Боль — как при сильном ожоге, ладонь огнем горит. Не открывая глаз, попросил: «Воды!» Миша (товарищ по палате) принес, полил на руку. Стало чуть легче. К обеду рука разболелась сильнее, меня начало трясти. В течение

полутора часов мне сделали три укола, потом еще один, и только тогда чуть полегчало.

А вообще-то, рука у меня начала болеть как-то незаметно. Один раз почувствовал сильное нытье в ладони, и с тех пор не проходит. Боль становится сильнее, ладонь буквально горит изнутри, будто углей кто-то в горсть насыпал. Пожаловался хирургу. Он сказал, что отходит поврежденный нерв, что надо потерпеть, дальше может быть хуже. Раз Николенко сказал, надо терпеть, значит, терпи.

О нем следует рассказать особо, о Владимире Кузьмиче, любимом докторе нашем. Это вообще замечательный человек. Ребята, которых он оперировал, говорят: «Если Кузьмич скажет: надо отрезать голову и снова пришить, то я спокойно лягу под нож Кузьмича». Я присоединяюсь к этому. В первое утро после операции, когда меня навестил начальник КП ВВС, наш Кузьмич, рассказывал ему, показывая на меня: «Сохранили ему сустав на левой ноге и руку». Я удивился этому и спросил: «А что, и руку могли отнять?» Кузьмич на это ответил: «Я с твоей рукой провозился больше, чем две бригады врачей с твоими ногами. Уже думали ампутировать, но все-таки удалось спасти».

Я, оказывается, за последний месяц у него самый тяжелый пациент. Всю операцию Кузьмича засняли на слайды. Он мне их показывал. Да… Со стороны видок у меня после подрыва был неважнецким: лицо в крови, рука и грудь тоже, правая нога оторвана, левая — до колена, как месиво, и вывернута вовнутрь; сам весь серо-зеленый, небритый, грязный, взлохмаченный. Это Кузьмич распорядился потом: вызвал парикмахера, меня побрили, постригли, помыли, привели в четкий порядок. Вообще, он очень заботливый человек и настоящий врач.

Как-то меня привезли на перевязку. Кузьмич взялся пальцами за левый сустав и слегка нажал. Нога у меня непроизвольно дернулась. В этот момент мне запомнилось его лицо. Примерно, как у ребенка, который увидел что-то неожиданно-интересное. Он нажал еще и еще раз, с удивлением поглядывая на подпрыгивающий остаток ноги. После чего я сказал ему: «Владимир Кузьмич, ну больно же!» На что он: «Да? Ну, извини, тогда больше не буду».

Рядом со мной лежал в реанимации один старший лейтенант. Их колонну пожгли «духи», и, когда они

отбегали от машины, солдат, бежавший впереди старшего лейтенанта, наткнулся на растяжку от мины. Раздался взрыв, и осколок вошел старлею в живот. Сейчас парень сильно мучается. Очень жаль его. Он за себя борется, хотя мы уже знаем, что он не выживет. Так сказал хирург. А вчера ночью у нас умер солдат: тяжелое ранение, остановилось сердце после операции. Ну а меня от боли спасает только вода, да и то пока тоже не очень. Лежу все время в воде, вернее, руки в тазах, плечи поливают. Постель намокает, сплю то на одной кровати, то на другой. «Огонь, вода и медные трубы…» Огонь — это было, теперь добрался и до воды. И все-таки это еще не самое худшее…»

«1 июня

Позавчера я вновь пересек границу СССР и теперь нахожусь на Родине. Командующий выделил мне место на борту Ан-26 для доставки в Союз. Пришли проводить меня из Кабула все, кто мог. Медсестра Мария Ивановна Иванкович, дорогая наша Санта-Мария, всплакнула. Полковник Василий Иванович Бокин, начальник одной из наших служб, человек, у которого ни при каких обстоятельствах не дрогнет ни один мускул на лице, и тот не удержался — такая получилась минута: на глазах его навернулись слезы, он обнял меня и сказал, что верит в то, что я встану на ноги и вернусь в армейский строй.

Залетали в Баграм, взяли на борт гроб с погибшим летчиком. Увидел, как вносили его в салон, сильно расстроился. Вот так… Я еще жив, а для этого парня — последний полет, и борт «Аннушки» для него — «черный тюльпан», так у нас называют военно-транспортный самолет, предназначенный для перевозки на Родину останков наших парней, сложивших голову в Афгане. Есть о таких стихи, там сказано: «В «черном тюльпане» те, кто с заданий едут на Родину в милую землю залечь…»

Потом был Ташкент. Лететь тяжело. При подъеме и спуске всю руку простреливало. В тот же день добрались до Саратова. Чувствовал себя неважно. Но что в Саратове ударило в голову, так это воздух. Ночью я спал, как убитый. Так хорошо мне не спалось, пожалуй, вечность.

На следующий день долетели до Чкаловска, выгрузили гроб и приземлились снова уже в Ленинграде. Вот здесь до меня полностью дошло, что я на Родине. Трудно передать это состояние… Когда открыли люк, я попросил вынести носилки и положить их на землю. Когда носилки опустили, я забыл про все свои болячки: я действительно наслаждался тем, что лежу на родной земле, дышу нашим воздухом; любовался цветущей зеленью, трогал руками траву.

Потом я увидел подъехавшую машину «скорой помощи». Из нее выбежала молоденькая симпатичная медсестра в легкой блузке, коротенькой юбке, подбежала ко мне со шприцем в руке, чтобы сделать укол. Я в этот момент смотрел на нее такими счастливыми глазами, так улыбался, что когда она присела на корточки, то уронила и сломала шприц. Может, с испугу — приняла за сумасшедшего.

Потом, когда ехали по городу, я смотрел на улицы и вспоминал о своей последней поездке в Питер — было это в 1980-м году, во время Олимпиады. Вот и теперь, снова вернулся в этот город. Как все-таки изменчива судьба!..»

Глава третья

Значит, день приходит новый…

Чем можно измерить мужество человека? И есть ли такая мера? Но если она все-таки существует, это, наверное, мера испытаний, которые вынес человек, выдержал с честью, выстоял, победил.

Ранение, операции в Кабульском госпитале — это были первые беды, но оказалось, они означали только начало. В Ленинграде Валерия Буркова ожидали новые испытания, гораздо труднее прежних.

В окружном госпитале ему пришлось на себе убедиться в том, что здесь отношение медперсонала к раненым совсем иное, чем в Афганистане. Почему? Наверное, оттого, что далекой войны отсюда не видать и не слыхать: газеты в то время ведь почти ничего не писали о том, что там воюют и гибнут наши ребята. Так что контраст с Кабульским госпиталем показался разительным.

В первый же день Валерий получил нагоняй. Задержался на улице, куда его выкатили на коляске. Да как было не «тормознуться», он умышленно оттягивал время возвращения в

пропитанную лекарственным духом палату: истосковался все-таки по дорогим сердцу картинам нашенской стороны. Когда его стали отчитывать, Валерий оправдывался:

— А вот в Кабульском госпитале из этого проблемы не делали.

— Здесь мы вам не Афган, а Союз, — услышал он. И еще кое-что в том же духе.

«Бог с ними, с ихними порядками, — уныло размышлял Валерий. — Пусть, лечили б только скорей…» Но вот уже три дня прошло, а к нему никто из врачей так и не подходил, черед не дошел, что ли. Заходил однажды врач в палату, но к другому больному; Бурков окликнул его и спросил:

— Будут ли меня осматривать и лечить?

— А что вас смотреть? Мы и так из истории болезни все знаем, — невозмутимым тоном ответил медик.

— Но говорят, лучше раз посмотреть, чем…

— Мы сами знаем, что делать, — оборвал разговор врач.

Через день палату посетил другой врач, Виктор Палий, подошедши к Буркову, он вяло поинтересовался:

— Что беспокоит?

— Рука горит, спасу нет… Еще — душа. Хватит мне валяться! Лечиться надо. Сколько можно тянуть? Мне на службу пора.

— Шутить изволите? — доктор, из гражданских, в глазах которого доселе дремало выражение явно скучающего человека, глянул на Буркова с любопытством. — Ну, любезный, об этом забудьте. Все, отслужились…

— Напрасно вы так говорите, — возразил Бурков. — Я останусь в армии.

— Я вам сочувствую… И другие будут сочувствовать, но никто из нас, медиков, на это не пойдет — не допустят вас, такого, к службе в армии.

Впрочем, и после этого разговора руку не лечили.

Пятого июня к Валерию приехала сестра, а на другой день — мать. Для него это оказалось полной неожиданностью. Ведь он был твердо уверен, что им ничего не известно о его ранении. Но, знать, так устроено материнское сердце, почуяло беду, а потом и слухи стали доходить, а как она разыскала сына — это уж одной ей ведомо.

В тонких чертах моложавого, аккуратного рисунка лица, с которого теперь уже не сотрутся следы тяжелых переживаний, в прямой, стройной и хрупкой с виду фигуре Александры Тимофеевны, матери Валерия, угадывалась какая-то особая, невесть откуда берущаяся сила, которая поддерживала в невзгодах, выпавших на ее долю. Да и не только ее одну: ведь она

ехала к сыну, чтобы отдать по-матерински ему часть этой силы, да хоть всю, кабы могла. Летела мать к сыну, готовила себя в мыслях к самому худшему. Но все оказалось куда как иначе. Валерий казался бодрым, старался утешить мать, поддерживал ее, ни при каких обстоятельствах не сбиваясь с оптимистической ноты. Он строго-настрого запретил ей ходить куда-либо и просить за него о чем бы то ни было. Отказался от перевода в другую, лучшую, по мнению матери, клинику — лишние хлопоты для нее.

Валерий рад был встрече с матерью, но переживал, как это все на нее подействует. Он считал, что чем позже увидит его мать — тем в более приличном состоянии, а значит, ей легче будет пережить случившееся с ним.

В Кабуле, в госпитале, раненые завели однажды разговор: какие письма они писали домой, матерям. Валерий рассказывал им Про авианаводчика Сашу Липко. Тот писал своей матери из Афганистана: «…Загораем, покупаем на базаре бананы, апельсины. В общем, курорт…» Мать отвечала ему: «Сыночек, ты не покупал бы ничего на базаре… Ведь апельсины могут быть отравлены…» Сам Валерий сочинял письма примерно на тот же манер: «По здоровью мне на операции ходить не положено. Сижу в штабе. По вечерам играю с ребятами в ансамбле, в кафе. Ездим с концертами…»

«12 июня. Окружной госпиталь

…5 июня я увидел, как в палату вошла моя сестра Наташа. Она выглядела какой-то растерянной. Искала глазами меня. Потом увидела… Ну, а дальше, как полагается у женщин — заплакала. Рассказала, что обо всем ей сообщила мама — она приезжает завтра.

Мама моя молодец. Она вошла в палату, робко так ступала; на лице ни кровинки; увидев меня, попыталась улыбнуться, сквозь слезы, чуть не заплакала, но все-таки сдержала себя. Ведь она знает мой характер, знает, что если увижу ее слезы, жалость ко мне, то стану сердиться.

Мы с ней договорились, что они с Наташей будут заходить ко мне каждый день с билетами на какие-нибудь культурные мероприятия. Насчет билетов придумано — это чтобы у них меньше времени оставалось на неприятные впечатления. А почему на полчаса, так это время действия укола. Без билетов, я сказал, не

приходить. Так мы и делали. Перед их приходом мне ставили укол, чтобы я был более или менее в форме. Я спрашивал у мамы, есть ли у них билеты, она мне показывала их, и потом мы беседовали. А когда они собрались уезжать из Ленинграда, прощаясь, я сказал маме, чтобы больше ко мне не ездила — чего изводить себя. Пообещал, что скоро приеду, в лучшем виде…»

После двадцатого июня Валерий снова напомнил Палию о руке. Тот сказал:

— А что ты здесь лежишь? Езжай и договаривайся с нейрохирургами. Пусть они тебя лечат.

— Но это ведь ваша обязанность… Направили бы туда хоть, что ли…

После такого разговора он понял, что если сам не проявит настойчивость, лежать ему здесь до второго пришествия. Пришлось Буркову самолично ехать в отделение нейрохирургии, рассказывать про свою руку, договариваться о лечении.

Нейрохирурги взялись лечить, назначили таблетки, но они не помогали. Тамошние врачи тоже вначале не могли понять, что творится с рукой.

«15 сентября. Клиника Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова

…Был еще такой случай… Это все в том же госпитале. Меня повезли на завод протезирования заказать протезы. Там у меня рука так разболелась, что я то бледнел, то кровь бросалась в лицо, меня стало трясти, ноги непроизвольно дергались в коляске. Мне было страшно неудобно за это перед публикой. Проглотил штук шесть таблеток, не помогло. Когда вернулись назад, сделали укол. Я стал, как пьяный: координация полностью нарушена, не мог внятно произнести ни одного слова. Меня отвезли на кровать, приложили к батарее отопления подушки, чтобы я не разбил об нее остатки ног.

Через некоторое время пришел дежурный врач. Я, услышав его голос, повернулся, хотел сесть и сказать ему о своем состоянии. Но, увидев меня, он сказал, что я пьян. В общем, влепили в мою историю болезни, будто я неоднократно употреблял спиртные напитки и бывал замечен в крайней степени опьянения. Мои объяснения, с которыми я поехал (в коляске) к начальнику отделения на следующий день, он не стал слушать. Тогда я сказал, что напишу об этом случае в «Красную звезду», и не только о себе, но и вообще об отношении персонала отделения к раненым.

В другой раз доктор В. Палий сказал, что мне надо делать реампутацию на обоих ногах, иначе, мол, их нельзя будет отпротезировать. В то время я ему уже не доверял и не согласился: «Когда мной займутся протезисты, тогда пусть они и решат». Потом оказалось — резать не надо, а если бы согласился, от левой ноги у меня ничего б не осталось. С тех пор наши доктора-травматологи оставили меня в покое и занимались мной только нейрохирурги.

О нейрохирургах… Врачи настоящие. Один из них, начальник отделения, оперирует с 40-х годов, другой, зам, чуть моложе. «Каузалгический синдром» — такой диагноз поставили нейрохирурги — явление очень редкое. Бывает при огнестрельных ранениях с повреждением срединного нерва.

В середине июля они сделали мне первую операцию на руке Она результата не дала, боль осталась.

Через две недели сделали вторую операцию. Очнулся ночью в реанимации. Боль в руке почувствовал сразу — все осталось, как было. Тут мне стало так обидно… Операция была тяжелая: разрезали спину, добирались до центрального нерва. Неделю не мог подняться. Судьба как будто решила испытать меня на прочность до конца. После этой операции хирург мне сказал: «Ты уж извини, Валера. Я сделал все, что в моих силах. Будем передавать тебя в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова, может, там тебе помогут…»

Еще кое-что из неприятных воспоминаний того периода, когда к находился в окружном госпитале. Лежал с нами в палате солдат-десантник из Афгана. Как другие ходячие, он за мной тоже ухаживал. Но когда уезжал, «прихватил» с собой подаренные мне боевыми друзьями на день рождения золотые часы, тельняшку, ту, что подарили в Кабуле, значок парашютиста, нож десантный и приемник. Меня этот поступок очень поразил и навел на тягостные размышления: наверное, трудно предсказать, в какой точке находится человек на пути между добром и злом — в общем, на философию потянуло.

И еще один случай на эту же тему.. Некто В. Д., с которым мы вместе служили в Афгане, сопровождал меня в Союз. Когда он навестил меня в госпитале — пришел вместе с женой, — я спел им одну афганскую песню. Они оба плакали. А потом… вот эта история с моим магнитофоном. Этот маг мне ребята привезли перед отлетом из Кабула. Ребята сбросились, добавили к моим и купили. В. Д. попросил у меня этот маг на время (он жил под Питером). Больше я своего мага не увидел: В. Д. продал его, а деньги, естественно, оставил себе…

Впрочем, не буду делать обобщений. Таких в Афгане все равно распознавали. Что на «боевых», что в жизни — порядочный человек везде одинаков, и на таких мне везло больше…

В начале сентября приехал профессор Булгаков посмотреть на меня. Увидев мои руки в тазу с водой — моя обычная поза, — он сразу определил — каузалгия! — и сказал, что берется меня оперировать. Таким образом, я оказался в клинике ВМА им. Кирова, в отделении нейрохирургии».

Будучи еще в окружном госпитале, Бурков написал письмо в Министерство обороны; в приложенном к письму рапорте он настойчиво просил, чтобы его оставили в армии. Ответ пришел, но не был он ни положительным, ни отрицательным. Валерия лишь уведомили о том, что его вопрос будет рассматриваться после окончания лечения. Обнадежило молодого офицера то, что по его письму приехали два полковника из медслужбы округа. Отнеслись они к Буркову доброжелательно. Сказали, что служить с такими ногами, наверное, можно, но, разумеется, если будет разрешение, что все, мол, зависит от того, как пойдет лечение руки.

И вот в сентябре Буркова вновь готовят к операции. Ее отложили до 15-го числа. Отсрочку дали по вполне резонной причине: после столь сложных хирургических вмешательств резервы организма Валерия сильно поубавились. Да он и сам это чувствовал — следовало восстановить силы. Он заметил перемену и в своем настроении, надо было разобраться, что стало с запасом душевных сил. О чем он размышлял в тот период, записано в дневнике:

«Вообще, насчет мужества, силы воли и героизма у нас в палате часто разгорались споры. Иногда ребята ставят в пример мою силу воли. Я же считаю, что никакой особой воли я не старался проявлять. В том числе и в отношении к тем неприятностям, которые доставляла мне рука. Куда денешься, раз она болит… Не умирать же. Значит, терпеть надо, сама жизнь заставляет…

Я искал для себя ответ, достаточно вразумительный, на вопрос: что же это такое — мужество? Хотя другие скажут, а что тут неясного? Кажется, нашел: «Мужество делает ничтожными удары судьбы», — это сказал кто-то из древних, в книге вычитал. В той же книге мне понравились еще два изречения: «Поведение — это зеркало, в котором каждый показывает свое лицо» и «Жизнь человеческая подобна железу. Если его употреблять в дело, оно постепенно истирается. Если не употреблять, ржавчина его съедает».

Насчет Маресьева (повесть мы слушали всей палатой по радио) я говорил, что его достоинство не в том, что он встал на ноги, а в том, что поставил перед собой цель и достиг ее. С автором повести я не согласен в одном. Уж больно он разрисовал переживания героя после ампутации: мол, как жить дальше? Если передо мной такой вопрос и

возникал, я знал, как на него ответить…»

Валерий рассказывал раненым, собравшимся в палате, о летчике, по-настоящему мужественном парне, с которым он оказался вместе в реанимационном отделении Кабульского госпиталя.

Тогда, вторично очнувшись после операции, Валерий услышал, что его окликает кто-то. Оказалось, раненый с соседней койки увидел, что Бурков открыл глаза.

— Живем, значит…

«Где же мы встречались?» — силился вспомнить Бурков.

— Ты что, Валер, не узнаешь, что ли? Вспомни Кандагар…

— А, теперь ясно, ты на «грачах» летал, — ответил Валерий слабым голосом. Вспомнил он, что встречался с этим летчиком, капитаном Серегой Соколовым, когда бывал в эскадрильи «Сухих» (Су-17) в Кандагаре.

— Ты как сюда попал? — спросил Валерий.

— Сбили под Кабулом…

Впоследствии Валерий узнал подробности того, что произошло с Соколовым.

Летчик, катапультировавшись из подбитого самолета, приземлился по несчастью на территории, занятой противником. В расположении душманов, обнаруживших нашего авиатора, опускавшегося на парашюте, ликовали: прямо в руки шла богатая добыча, ведь за голову советского летчика платили большие деньги. Еще не погас купол парашюта, как летчика стали окружать «духи», спешившие взять его живым. Сергей отстреливался около часа, но кольцо душманов сжималось, они подползали все ближе. Летчик был ранен в область таза и в ногу несколькими пулями. Боеприпасы иссякли, оставалась последняя граната. Чувствуя, что сознание покидает его, Соколов, выдернув чеку, положил гранату под грудь: знал, что «духи» захотят проверить — жив или нет, перевернут его, и тогда граната сработает наверняка, даже если он будет без сознания.

К счастью, в последнюю минуту подоспели наши вертолеты, отогнали моджахедов. А гранату, зажатую в Валериной ладони, еле отняли у раненого авиатора, находившегося в беспамятстве, и уже в воздухе бортмеханик выбросил ее через кабинную форточку.

Конечно, сильно сказано: «Человек все может», — это Валерий недавно вычитал в книжке, но ведь известно и другое: «Один в поле не воин». В своем противоборстве с обрушившимися на него бедами Бурков никогда не оставался в одиночестве.

Его навещали однокашники по штурманскому училищу,

офицеры-авиаторы Ленинградского военного округа. Приехал Володя Загвоздкин — капитан, с ним еще ребята.

Пришло письмо от комсомольской организации, где Бурков проходил службу до командировки в Афганистан, — письмо душевное, в нем было все, чтобы Валерий ощутил настоящее товарищеское участие в своей судьбе.

И, что было для него особенно дорого, писали ему боевые друзья из Афганистана. Первой весточкой оттуда пришло письмо старшего лейтенанта Саши Липко, авианаводчика из той же группы, в которой служил Бурков. Видно было, что писал во время передышки между «боевыми»: почерк торопливый, строчки бегут, буквы стелются по бумаге, еле разобрать.

«Пишу письмо тебе я, потому что, кроме меня, писать тебе из кандагарцев некому.

Буквально несколько дней назад из Кандагара сообщили, что там ранили капитана Рената Гильфанова, но говорят, что не тяжело: он попал под минометный обстрел, осколками мины ранило в ноги и в спину.

Загир тебе тоже написать из Афгана уже не может, т. к. с ним случилось несчастье, аналогичное твоему, — он подорвался на мине, на Панджшере. Ему ампутировали одну ногу, но у него вдобавок ко всему плохо со зрением: один глаз выбило. Я тебе дам адрес, где он лежит; если будет желание, то напишешь ему, лежит он под Москвой.

Про Кандагар я тебе больше написать не могу, т. к. с тех пор, как начался Панджшер, я был там всего один раз и очень непродолжительное время, а остальное время я ходил на другие операции. Когда вернулся в Кабул, тут же попал в десант, и опять на Панджшер, и затем «ходил» без перерыве по разным местам, там не до писем.

А сейчас опять собрали всех вместе, и опять идем на Панджшер, так что, как видишь, он до сих пор не кончился…

Сейчас как раз начался период замены у летчиков, поэтому работать становится сложнее, так как много подбитых экипажей. Постепенно приезжают «заменщики», но все равно людей не хватает.

Такие вот дела у нас… Ну, что еще? С обмундированием такие же трудности, как и раньше, — просто никто этим не занимается. Короче, система та же: давай-давай на операцию, а остальное — как получится.

Я рад, что ты не падаешь духом и даже собираешься

вернуться в армейский строй. И вообще, честно признаться, я все больше убеждаюсь, что именно такие, как ты, нужны для дела… Слишком много у нас равнодушных.

И даже, если тебе не удастся снова занять место в военном строю, то, я думаю, в любой деятельности ты сможешь проявить свои организаторские способности. Короче, главное — не падай духом».

Капитан Загир Шайхуллин сам, первым подал весть о себе, писал из подмосковного госпиталя:

«…Я после тебя еще до 28 июня лазил по горам, спал на этих заснеженных вершинах…

Я был переброшен вместо погибшего авианаводчика Игоря Блинова в его батальон, а потом находился при командире полка. Тоже не повезло; короче, я тоже подорвался на мине. Ампутация левой ноги выше колена и полностью потеря зрения левого глаза…»

Далее Загир писал о своей госпитальной жизни, о том, что он тоже пишет рапорты, надеется еще остаться на военной службе.

«Валерий, что у тебя нового у самого? Действительно, замучили тебя операциями. Держись, мой «длинный» брат. Я знаю, что ты парень упорный и добьешься своего…»

Долго ныло сердце Валерия после этого письма. Жаль было Загира, хорошего парня, с душой, открытой настежь, и оттого, может быть, в чем-то незащищенного в обычных житейских обстоятельствах. Трудно ему придется теперь, хватит лиха… Но вместе с тем Валерий после получения письма особенно остро сознавал: он не одинок, на него смотрят друзья, верят в него. Все вместе они как бы в круговой обороне. И если он дрогнет, подведет остальных. Отступать ему нельзя.

Последняя операция, едва не ставшая роковой, оказалась одним из самых тяжелых испытаний, выпавших на долю Буркова. Исход ее зависел не только от искусства замечательных врачей клиники, душевно щедрых людей, но и от воли к жизни самого Валерия. Судьба бросила ему вызов, не покориться ей — вот что значила для него эта операция.

«15 ноября

Итак, 15 октября меня повезли на операцию. К этому времени я уже был, как затравленный зверь (как в песне Высоцкого про охоту на волков). Медсестра рассказывала про то, как у них лежал два года назад вертолетчик с подобным диагнозом. Симптомы, как у меня. Жена, увидев его в таком состоянии, бросила.

Каузалгия — это поражение симпатической нервной системы. Боль огненная вспыхивает в руке, а потом и во всем теле от малейших внешних раздражителей: от яркого света, теплой пищи, когда что-то мельтешит перед глазами (кино не посмотришь), когда кто-то приближается к тебе, нельзя даже дотрагиваться до себя, переворачиваться в постели и т. д. Выход один: неподвижно лежи в темноте, в холодной воде.

Я к моменту операции настолько свыкся с болью, что мне казалось, по-другому быть не может. Я чувствовал, что если и эта операция не поможет, на другую меня не хватит. После двух неудач я уже как-то мало верил, что очередной визит под нож хирурга что-то изменит, вернее, морально готовил себя к худшему и, в принципе, готов был к тому, что боль останется.

Когда меня увозили из операционной, я помню, врач спросил, есть ли боль. Я ощупал себя — вроде бы не чувствую. Затем я ушел в аут. Вообще, эта ходка на операционный стол была для меня самой тяжелой. Пролежал без сознания почти сутки.

Утром, когда очнулся, пришли врачи с аппаратом — делать снимки легкого: резали рядом, могли задеть, так что им это надо было проверить. Когда меня стали приподнимать, я почувствовал резкую боль в области почек. От неожиданности я даже крякнул и упал навзничь. Попробовали снова, опять дикая боль — легче два раза подорваться на мине. Кроме того, мне стало трудно дышать. Из груди стал вырываться хрип, потом какое-то клокотанье. В общем, стал задыхаться. Я чувствовал, как при попытке вдохнуть от боли у меня расширяются глаза (в таких случаях говорят «вылазят из орбит»). Я стал уходить в аут. Тут, я помню, мне стало так обидно… И руку, наконец, вылечили, и вот теперь опять что-то… Стало мутиться сознание, я почувствовал, что теперь, кажется, действительно близок к смерти. Последнее, что помню, это топот ног и

голос, кто-то спрашивал: «Давление?» — «От 70 до 0!»

Очнулся я опять в операционной. Приподнялся, увидел врачей, снующих туда-сюда, и профессора Булгакова. Он спросил меня о самочувствии. Я ответил: вроде бы ничего. Профессор сказал: «Ну и напугал ты нас, думали — уже все! Мне позвонили, и, представь себе, бежал так скоро, что у трамвая упал и разбил себе колено». Он задрал штанину и показал ссадину. Профессор сказал, что у меня произошел пневмогемоторакс, то есть кровоизлияние в легкое и попадание воздуха.

Потом я опять потерял сознание и очнулся только вечером. Когда открыл глаза, снова увидел профессора. На его тревожный вопрос о самочувствии я ответил: «Такого красавца, орла и героя не должно убить ничего…» Я эту песенку частенько напевал. Булгаков сказал: «И в самом деле, героя…» Я возразил ему: «Какой же герой, чуть не заплакал сегодня утром…» Было дело, одна слезинка прокатилась по щеке, может, от натуги — сдерживал крик.

Описывать дальше мои злоключения — вот уж точно, беда не приходит одна — долгая история. После реанимации меня перевели в легочное отделение, откачивали кровь — процедура не из приятных…»

Восемнадцатого ноября, через месяц после операции, Валерий благополучно перенес последнюю процедуру — откачку крови из легкого. Температура, подскакивавшая на дню по несколько раз, подчас до сорока градусов, наконец, спала.

Но после всего пережитого он на целых три дня впал в состояние полной депрессии. Подолгу лежал без движения, не притрагивался к еде. Не хотелось ни с кем говорить, а ведь прежде, как бы худо не было, он не оставался в стороне от палатного «трепа». Товарищи забеспокоились:

— Ты, Валера, подвигался бы хоть чуток. Физо поделай…

Но Бурков не реагировал…

Привыкший постоянно анализировать свои ощущения, он попытался разобраться в том, что называется внутренним состоянием. Представилась его взгляду, обращенному внутрь себя, довольно неожиданная картина, как обрывок странного сновидения.

«Вот гора… Человек знает, ему сказали, что если он взберется на нее, то станет счастливым. И он ползет, лезет в гору, ломая ногти о камни, сдирая кожу на коленях, голодает, страдает от холода. Вот осталось

несколько метров — рукой можно дотянуться до макушки горы. Всего несколько шагов… И вдруг он срывается и падает вниз, набивая себе шишки, ссадины.

Человек ожесточается и снова лезет в гору, и снова срывается вниз, рискуя разбиться. Лезет в третий раз, и снова неудача. Лезет в который раз. И казалось бы, ничего, камня на камне не должно остаться от веры, которая была в нем вначале, в то, что он доберется до вершины, но все равно какая-то сила заставляет его ползти вверх.

В конце концов он побеждает все-таки и оказывается на вершине. Но ощущения счастья нет. Есть только страшная усталость, одно безмерное желание: просто лечь и чтобы тебя оставили в покое».

Но не с руки было Валерию довольствоваться покоем. Да и покой этот был, можно сказать, больше наружным, на взгляд со стороны. Главная вершина была впереди, и нельзя было ослаблять волю.

Однажды, когда, как обычно, за десять минут до отбоя к раненому подошла медсестра и предложила сделать обезболивающий укол, Валерий отказался:

— Не надо, Лена.

— С чего это вдруг? — удивилась сестра.

— Я знаю, ты очень добрая… Но самое худшее позади, и пришла пора отвыкать от наркотиков.

— Хорошо, Валера, я скажу врачу, пусть отменит…

Пришел врач, которого позвала медсестра.

— Не было еще случая, чтобы раненые сами отказывались от обезболивающего. У тебя, Валерий, сильная воля.

— Рука уже не болит. Остальное — терпимо. А у меня просто нет предрасположения ни к алкоголю, ни к наркотикам.

Ночью Валерий не раз пожалел, что отказался от укола. Но надо было крепиться. Ведь не только он сам, но и врачи опасались привыкания к наркотикам: его кололи с 23 апреля, до пяти уколов в день с кратковременными перерывами.

Через несколько дней появились первые признаки возвращения жизненных сил. Лучше стал аппетит.

И вот в одно прекрасное утро Валерий запел, громко, на всю палату:

Над Кабулом солнце встало,
Значит, день приходит новый…

Песня всем пришлась по душе. Не раз больные просили:

— Валера, давай нашу любимую: «Над Кабулом солнце всходит».

— «Встало», — поправлял Валерий.

— Ну, да все равно, давай «Над Кабулом»!

В конце ноября его вновь перевели в нейрохирургическое отделение, для окончательного обследования. Силы возвращались быстро.

А через неделю, пятого декабря, к нему нежданно-негаданно нагрянул гость издалека.

Дверь палаты широко распахнулась, на пороге появилась высокая, статная фигура старика, крепкого еще для своих лет, в просторной, деревенского покроя, дубленке, большой шапке-ушанке, в валенках.

— Здравия желаю больным и ранетым! Будем знакомы — Иван Сергеевич Бурков. А где ж тут мой внук? — пробасил дед с порога. — Ну, здравствуй, внучок!

— Здравствуй, дед! — радостно воскликнул Валерий, подпрыгнув на кровати. — Как тебя пропустили-то в таком виде!

— Сибиряки везде пройдут, — отшутился Иван Сергеевич. — Ну, показывай, боец, свои раны! — Дед подошел к кровати Валерия, сдернул с него одеяло. — Та-ак… Повернись! Та-ак… Ручка, бумага найдется? Есть… А теперь садись и напиши: «Здравствуй, дорогой дедушка! Во первых строках…» Чего не писал-то? Аль боялся, что деда разжалобишь? Нет, брат, перевидал и не таких. Никак, забыл, что дед твой прошел Хасан, Халхин-Гол, Отечественную и япошек-самураев драпать заставил… А ты у меня — хоть куда. Плясать будем! Эх, где наша не пропадала… Пойдем покурим, — позвал внука Иван Сергеевич, хотя сам курить бросил давно. — Давай вдевай свои протезы: я посмотрю, как ты топаешь в них.

Валерий с готовностью пристегнул протезы, прошелся с дедом в курилку.

— А без палочки могешь?

— Могу… — Валерий артистическим движением перекинул трость под мышку и прошелся перед дедом.

— Ишь, каким фертом! Молодец! — похвалил дед. — Ну что ж, вижу, ты хорошо себя чувствуешь, ходишь. Обрадовал. Привез тебе соленых груздочков и сала… А я-то, старый, думал, что вроде ты без ножек и ручек лежишь. Дай, думаю, заберу к себе внучека и буду кормить его из ложечки. А теперь, вижу, ты сам скоро в гости приедешь. Полечу на Урал, родне скажу, что к тебе не надо приезжать, сам скоро будешь…

Иван Сергеевич улетел в тот же день. Его приезд по-

настоящему обрадовал Валерия. Без лишних сантиментов, без причитаний, по-мужски — а как обласкал! И как посветлело на душе! Будто дед снова забрал его к себе на кордон, в счастливую страну детства, где он, целый и невредимый, носился по лесу.

Глава четвертая

…И медные трубы. Уроки хождения

Тяжело опираясь на трость, он дошел, доковылял до скамейки в дальнем углу сквера. «На сегодня достаточно, — решил про себя, — «полет» по «большой коробочке» завершен. «Большой коробочкой» он на авиационный манер называл свой тренировочный маршрут вокруг территории госпиталя. «Полет» был рассчитан на определенное количество шагов, которое он увеличивал с каждым днем. Саднила боль в руке, не унять было дрожь в коленках, но на лице его, в бисеринках пота, играла довольная улыбка. Если честно, пять месяцев назад он не смел и мечтать о таком. А теперь он шел. Шагал вперед к своей цели! Он сотрет не одну пару протезов, но дошагает до нее.

Мечтательный по натуре, даже немного фантазер, тут, однако, он научился обращаться со своей главной, заветной мечтой осторожно, — не давая залететь ей до тех высот, до которых он, как ни стремись, не смог бы дотянуться. Придерживал…

Да, он мечтал вернуться в армейский строй. Оказаться вне армии для него было бы все равно, как выброситься на полном ходу из вагона поезда, пассажиры которого не просто попутчики, а друзья, единомышленники, и оказаться одному в безлюдном поле. Но кто разрешит ему, безногому, служить в авиации? Что, у нас здоровых не хватает. Обойдутся и без него… Конечно, многое зависело от высокого начальства. Но какая-то часть шансов, пусть самая малая — в своих руках.

Первые протезы, учебные, Валерий получил еще в Ленинграде, в сентябре. Тогда мучили боли в раненой руке, еще только предстояла решающая операция, но он сознавал, что время не ждет, с нетерпением готовился к тому, чтобы встать на ноги.

Как трогательно бывает видеть малыша, делавшего первые шаги! И как трудно бывает сделать эти шаги во второй раз!

«16 сентября

И вот привезли меня на завод, где делают протезы, принесли мои новые «ноги». Я надел их. Сказали: теперь вставай. Как Христос Лазарю: «Встань и иди!» Подумалось: а как вставать? В это время, когда я раньше вставал с постели на колени, меня трясло от слабости. К тому же у меня была приличная контрактура — левая нога разгибалась только наполовину. Попросил двух наших ребят подойти и встать по бокам. Оперся о них руками и встал. Ноги тряслись, кровь ударила в голову (это от смены положения, ведь я пролежал пять месяцев), но не закружилась. Передо мной была дорожка, по сторонам ее — поручни (специально для ходьбы). Постоял чуток, освоился. Убрал одну руку с плеча товарища, затем другую. Зашатался. Но тут же схватился за поручни. Сделал первый шаг. Ноги шли куда попало, казалось, будто я встал на высокие ходули. В общем, потешной походкой я дошел до противоположной стены комнаты. На обратном пути попробовал убрать с поручней одну руки, затем другую, но стал терять равновесие. Опять ухватился за поручни и дошел до конца. Сел. Сердце бешено колотилось. Но настроение было хорошее.

В коляске меня вывезли к санитарной машине. Кстати, когда ходил, даже забыл, что у меня болит рука. В госпитале, когда привезли в палату, сделали еще один укол (первый — перед надеванием протезов). После той поездки на завод на примерку мы были уже «ученые», поэтому мне выписали брать с собой обезболивающие уколы. Воодушевление у меня было приличное, и я решил пройти путь до нейрохирургического отделения. Посадил на свою коляску бойца, встал и, держась за коляску и толкая ее, повез его по маршруту. Над нами подшучивали: «Битый небитого везет». Но я был доволен до обалдения: ноги уже слушались.

Затем вернулись обратно в палату. Я решил протезы не снимать, попробовать, сколько смогу, в них просидеть. Минут через тридцать такого сидения сильно заныли бедра. Сосуды были еще непривычны к тому, что их пережимают. Еще через полчасика я уже не мог так сидеть, да и рука разболелась, снял протезы…»

Нелегко давались первые шаги. Это все равно, как заново родиться. Мучили боли в руке, тренироваться можно было только после обезболивающего укола. Однако на каждый день он ставил

перед собой новую цель, и каждый день приносил ему пусть небольшую, но все-таки победу.

На третий день таких тренировок Бурков передвигался уже самостоятельно, но пока пользовался тростью. Костыли ему не понадобились ни разу. Одну ночь он даже пробовал спать в протезах — экспериментировал, но, проворочавшись часа три без сна, вынужден был снять их. Одним словом, дело ладилось. На радостях, Валерий сфотографировался «на ногах» и послал этот снимок матери.

Тренировался в ходьбе Валерий чаще по вечерам, когда меньше донимали боли. После одной из таких тренировок его пригласили на чаек дежурные медсестры, собравшиеся в ординаторской. Валерий, уставший порядком, пребывал в хорошем настроении, балагурил, спел медсестрам сочиненный им самим шутливый куплет: «Я помню глаз твоих цветенье, когда осенним теплым днем явилась ты, и я в мгновенье в тебя стал чуточку влюблен…» Девушки весело смеялись:

— А почему только «чуточку»?

— На большее пока сил нету, — ответил Валерий. — Вот научусь ходить по-настоящему, тогда посмотрим…

Валерий даже не подозревал, сколько, кроме медсестер, у него болельщиков. Пример, когда человек являет собой такую силу духа, которую мог проявить только по-настоящему стойкий человек, наверное, все-таки очень нужен людям. За Буркова переживали, болели, радовались его успехам все раненые в отделении. А один из них, товарищ Валерия по палате, майор Козлов, внешне бесстрастный человек, молча наблюдавший за «эволюциями» Валерия на уроках хождения, восхищенный упорством молодого офицера, даже письмо написал о нем командованию Челябинского штурманского училища: «Мужественный человек он…», — чтоб знали про своего питомца.

Пример Буркова, наверное, нужен был раненым солдатам, он ведь тоже помогал ребятам, вчерашним пацанам, держаться, выстоять каждому в своей беде.

Когда Валерий находился на излечении в клинике Военно-медицинской академии, был у них в палате один солдат, тезка Буркова, призванный из Киева. Пулей, прошедшей рикошетом, ему попортило лицо и повредило глаз. Парень казался угрюмым, держался замкнуто — в общем, ушел в себя. Валерий все пытался понять: что же так гложет раненого бойца? Потом узнал от ребят: парень решал для себя вопрос очень деликатный и, конечно, насущный: как примет его на «гражданке» девушка, с которой он подружился до призыва. Этот вопрос «больной» для всех ребят, покалеченных в Афганистане; здесь, в госпитале, хоть ты без

руки, хоть без ноги — все на одинаковом положении, но вот когда они выпишутся, придется им по-настоящему трудно. Непростой это вопрос для таких ребят — найти свое место в обычной, нормальной жизни.

Бурков попытался как можно осторожнее вызвать тезку на разговор, на откровенность. Начал с того, что изложил ему свою точку зрения:

— Пойми, Валера, я это уже проверил на себе… Я понял, главное — чтоб ты был для них… как тебе сказать… с душой, что ли… и просто хорошим парнем…

Товарищи, присутствовавшие при этом разговоре, поняли замысел Буркова, поддержали его «партполитработу».

— Правильно он говорит. Перво-наперво — чтобы человеком был, понял, и тогда никто не обратит внимания на твои болячки. Обязательно найдется, и именно хорошая девушка, которая пойдет за тебя замуж…

Постепенно «партполитработа» сделала свое дело: парень повеселел, заметно было, что появился у него интерес к жизни. А как-то раз, в хорошем настроении, он признался Буркову:

— Вы знаете, товарищ капитан, я при вас стал даже улыбаться…

…С каждым днем он увеличивал продолжительность пеших прогулок. А когда подошло время переезда в подмосковный госпиталь (сюда Буркова перевели по его просьбе: он хотел оказаться ближе к Министерству обороны, чтобы все-таки решить свой вопрос), он не сомневался уже в том, что сдюжит и на большей дистанции. Путешествие от Ленинграда до Подольска заняло более двенадцати часов. Все это время Валерий пробыл в протезах. Приехав в Подольский госпиталь, еле-еле доковылял до палаты, которую ему указали. Однако, когда стал раздеваться, его новые знакомые сказали, что думали, у него только одна нога на протезе. Это обрадовало его, значит, не так уж плох, коль заслужил такой комплимент.

В подмосковном госпитале Валерий старательно тренировался каждый день, «отрабатывал» походку. Насчет походки… Этот вопрос не на шутку волновал его. Был случай, проходил мимо песочницы, в которой возились малыши, один из них пропищал: «Смотри, мама, дяденька, как дедушка старенький, идет, с палочкой». И он поставил перед собой цель — ходить так, чтобы окружающим и в голову не пришло, что он не на своих ногах. Вот добьется этой цели и тогда оденет военную форму.

Протезы по-прежнему причиняли большое неудобство,

находиться в них подолгу было еще трудно, но все же Валерий принял решение ехать в отпуск самостоятельно. Ему предлагали, как это и положено, провожатого, но он отказался: «Обойдусь: жизнь заставит и научит…»

Вот что писал он о своих планах на отпуск и на то время вообще:

> *«Цель — ходить так, чтобы меня оставили в армии. Ходить без палочки.*
>
> *Второе — снять диагноз по легкому, по туберкулезу, чтобы не было лишней заминки при решении моего вопроса.*
>
> *Третье — заручиться поддержкой (то есть в том, что меня берут в такую-то часть для прохождения службы) перед тем, как начать решать свой вопрос в Москве.*
>
> *Что надо сделать для достижения этих целей:*
>
> *Первое — уяснить, надо ли удлинять левую ногу для того, чтобы хорошо ходить, и, если надо, где оперироваться: в Ленинграде, Кургане или в ЦИТО?*[6]
>
> *Второе — договориться с Ленинградским институтом ЛНИИП*[7] *о том, чтобы они положили меня к себе на протезирование.*
>
> *Третье — попасть в Киевский туберкулезный санаторий (путевка у меня в Полтавский).*
>
> *Итак, маршрут отпуска:*
>
> *Ленинград — проконсультироваться насчет ноги и договориться о протезировании.*
>
> *Киев — в медотделе округа переоформить путевку, пытаться заручиться в штабе ВВС округа вакансией в зональном центре, подлечить легкое, проконсультироваться насчет левой ноги и протезирования.*
>
> *Москва — заехать в десятых числах февраля на примерку протезов.*
>
> *Курган — попасть на консультацию к Илизарову.*
>
> *Челябинск — проведать маму и заручиться насчет моей прежней должности — как один из вариантов, это тоже «на предмет» будущей службы.*
>
> *Москва — Подольск, возвращение».*

Маршрут себе он наметил такой, что не каждому здоровому под силу. Но он понимал, что должен пройти через это, через любые мытарства, чтобы добиться своей цели.

И вот Буркова привезли на Ленинградский вокзал и оставили

его там одного, как он и просил. Ждать, пока подадут поезд, оставалось минут сорок. Присесть было негде, и в ожидании посадки он почувствовал сильную усталость. Даже, был момент, пожалел о своем решении, показалось опрометчивым остаться без провожатых. Много хлопот причиняла дорожная сумка; она не была тяжелой, но левой рукой он ее поднять не мог — сна была занята тростью, а правая еще не восстановилась толком после операции, пальцы слушались плохо. Добро, мимо проходил прапорщик, Валерий попросил его донести сумку.

В купе спал, не раздеваясь: постеснялся пассажиров, не стал при них снимать протезы. Зато утром, как доехали до Ленинграда, выйдя на перрон, почувствовал себя неважно: ноги-то не отдыхали — с большим трудом дотащился до стоянки такси. Очередь, как на всех вокзалах, длиной не меньше, чем на час терпения. Бурков пристроился было в хвост очереди, но тут водитель подъехавшей машины — женщина, заметив, что с парнем что-то неладно, окликнула его и, открыв дверцу, пригласила в кабину. Понятно было, отчего ему оказывают предпочтение, стало стыдно за свою дрянную походку — значит, всем бросается в глаза, что он на протезах. Но делать нечего, извинившись перед пассажирами, он пошел на посадку без очереди.

Время не ждало, с ходу принялся за осуществление намеченного: консультировался у врачей, договаривался в институте насчет новых, более приличных протезов. Хлопот было много; в общем, пришлось походить. В первые дни ноги так уставали, что впору остановиться и лечь посреди улицы. Но через неделю расходился и уже удивлялся самому себе: «Надо же! Еще и хожу…»

Здесь, в Ленинграде, Валерий встретил Новый год — 1985-й. Праздник отмечал с друзьями. А накануне почта принесла радостную весть: звонили из Кабула, сообщили о присвоении Буркову внеочередного воинского звания — «майор» и награждении орденом боевого Красного Знамени.

Представлен он был к ордену за боевую работу «по совокупности», а главным образом, за бои под Кандагаром.

В этом районе оперативная обстановка считалась особо сложной. «Зеленка» располагалась вдоль трансазиатской магистрали, проходящей через Кандагар. На некоторых участках моджахеды здорово допекали, не пускали вглубь, туда, где были упрятаны их базы, склады оружия.

Когда углубились в «зеленку», противник открыл огонь. Передовые подразделения вступили в бой. Стрельба усиливалась. Огонь был столь интенсивным, что бойцы батальона, выйдя на

открытое место, вынуждены были залечь.

Впоследствии Валерий так вспоминал бой:

«Я, когда падал на землю, увидел совсем рядом фонтанчики пыли от пуль. Раньше я не умел отличать, когда бьют по тебе, а когда пули летят в сторону, хотя различие есть и ощущается оно здорово. Когда бьют по тебе, то слышишь сухие колючие щелчки, будто огонь пробежал по хворосту, а когда бьют в сторону — выстрелы гулкие. Так вот тут я слышал тот самый сухой треск. Стреляли слева и спереди. Понял, что пора сматываться с этого места, пока не подстрелили. Автомат — через руку, и по-пластунски пополз к арыку. По этому же арыку перебежали все бойцы батальона и укрылись за дувалом.

Потеряли мы за этим дувалом часа полтора. Комбат медлил принимать решение на продвижение вперед. Мы с артиллерийским офицером подошли к нему и предложили:

— Давайте вызовем вертолеты. Одновременно скорректируем огонь артиллерии и под его прикрытием проскочим открытое место.

Но комбат отчего-то не отреагировал на это: очевидно, у него были другие соображения. Тем временем по нам уже хорошо пристрелялись. За дувалом выстрелы не доставали, но фланги простреливались густо. Высовываться было небезопасно. Пробовали выставить панаму на палке, в нее тут же входили пули. На той стороне сидели снайперы.

Я решил засечь откуда бьют. Но как? Делать нечего, сначала выставил автомат, нажимаю курок, поливаю перед собой, потом осторожно высовываю голову. Не глядел, куда бьет мой автомат, главное было — уловить откуда стреляют «духи». В общем, вычислил. Вызвал вертолеты. Предварительно договорился с корректировщиком, как он будет наводить свою артиллерию.

Я поставил вертолеты по ходу нашего движения, а он наводил огонь артиллерии через нас, по левому краю. Отработали четко. Добились такого взаимодействия, что и артиллерия и авиация нанесли удар одновременно.

Отработали. Но комбат опять мешкал и действий не предпринимал. Раньше я сказал бы о нем — не назовешь человеком смелых решений, но теперь понимаю: он жалел своих ребят. Потом я услышал его команду: он одну роту

отправлял назад.

Надо обрисовать местность, в которой в тот момент оказался наш батальон. Впереди — «зеленка», дальше — открытое место. Справа — тоже открытая поляна. Слева — дувалы. Сзади — открытое пространство, и в метрах пятистах от нас — отдельно стоящая крепость.

Комбат принял решение отходить. Роты начали передвигаться назад. Но «духи» к тому времени обошли нас и окружили со всех сторон. Это можно было узнать и по свисту пуль — он доносился и справа и сзади.

Дувал уже не спасал. Отход оказался довольно-таки беспорядочным. Я оказался рядом с Игорем Хотиным, моим земляком — он из Свердловска. Уходили с последней группой бойцов. Я заметил, что, когда солдаты поднимаются кучно, по группе открывается сильнейший огонь. Тогда мы с Игорем решили чуток приотстать, схитрили вроде. Стали перебегать по очереди. Только пули просвистели, вскакиваешь и — рывок. Бежишь, рванул, а ухом ловишь сухие щелчки выстрелов, только затрещало — падаешь, а потом слышишь над собой: фьюйть, фьюйть, фьюйть — просвистели пули. Опять вскакиваешь — рывок. Осталось совсем немного до арыка. Игореша решил эти последние пятнадцать метров скостить. Только вскочил в сторону от выемки, которая нас хоть чуть прикрывала, и тотчас за ним заплясали фонтанчики пуль. Вижу — очередь его догоняет, догоняет, догоняет. Только свалился он в арык, и прямо над ним пули просвистели. Я подумал: нет, его примеру я не последую. Меня уж точно срежут — пристрелялись. Держался спасительной ложбинки, потом сделал две пробежки.

Добравшись до арыка, развернул радиостанцию, стал настраивать свой «ящик». Бойцам, находившимся при мне, приказал вести наблюдение: «духи» могли нас преследовать. Но, к счастью, мимо нас пробежали только свои, вернее, афганские воины. Чуть не затоптали. Включил рацию, вызвал вертолеты. Бойцов отправил, остался, таким образом, один. Батальон ушел, а мне надо было обождать, убедиться, что сзади не осталось никого из наших, чтобы вертолеты не накрыли своих.

Появились вертолеты. Я их вывел на боевой путь и стал наводить. Переключился на канал командира первой роты, дал команду обозначить голову колонны. Оттуда

выбросили дым. Командир вертолетчиков запросил:

— Обозначьте себя. Будем работать.

Я ответил:

— Подождите, ребята. Если я себя обозначу, вам не с кем будет работать. Вот переберусь в арык поглубже, тогда дам сигнал.

И в самом деле, стоило мне уже из более глубокого места арыка выбросить дым, как по мне открыли шквальный огонь. «Духи» соображают: здесь наводчик. Стоило мне приподняться, как из меня сделали бы натуральное решето.

Дал команду вертолетам работать в радиусе ста метров. Четверка вертолетов здорово выручила нас. Они, прикрывая огнем отход подразделений, ходили по кругу до тех пор, пока батальон не укрылся в крепости. На пути к ней, в развилке арыков, бойцы наткнулись на передовой отряд душманов и уничтожили их. Кабы не вертолеты, успели бы полностью перекрыть эту развилку. И тогда — последствия предугадать трудно — батальону пришлось бы прорываться с большими потерями».

…В санаторий, что под Киевом, Валерий приехал поздно вечером. Встретила его дежурная сестра и, забрав документы, направила в палату. Она, видимо, заметила нечто странное в усталой походке молодого офицера и обронила рассеянно:

— А чего это вы хромаете? Ногу зашибли, что ли?

— Да, было дело, — ответил Валерий и пошел размещаться.

Палата ему досталась людная. Шесть человек, все молодые. Поставив сумку, Бурков пошел в курилку. Закуривая, подумал не без досады, что в такой компании, среди здоровых ребят, он будет, пожалуй, чувствовать себя неловко. Но тут в курилку влетел дежурный врач, явно возбужденный. Спросил с обескураженным видом:

— Кто тут Бурков?

Валерий отозвался.

— Что же не сказали нам, что вы без… что после ранения. Извините нас неувязка вышла…

Оказалось, врач, заглянув в историю болезни, узнал, что к ним поступил безногий летчик, отругал медсестру и приказал перевести раненого в другую палату, ниже этажом, двухместную. Там было спокойнее, сосед, пожилой человек, оказался бывшим военным.

На третий день пребывания в санатории в столовой к Валерию подошел старший лейтенант, лицо которого показалось

ему знакомым.

— Здравствуй, Валера! Не узнаешь?

— Толик! Какими судьбами?

— Ну вот, а я уж думал, не признаешь. Помнишь, мы с тобой отдыхали тут в восемьдесят первом? Да, ты сильно изменился… Ну, ничего. Идем к нам, познакомлю со своим приятелем — Андрей, на гитаре играет, как и ты, а поет лучше Юрия Антонова.

В новой компании жизнь пошла веселей. Друзья пригласили Валерия в ресторан.

— Согласен. Но только днем, когда меньше народа.

Поехали днем, но засиделись за разговорами до вечера. Народ все прибывал, начались танцы. Друзья пошли танцевать, пригласили девушек. Валерий, оставшийся за столом в одиночестве, посидел-посидел, поскучал, потом решительно махнул рукой: «А, надо же когда-то начинать!» — и, отставив трость в сторону, присоединился к танцующим.

Девушка, бойкая, смуглая южанка, с синими-пресиними глазами, с которой он танцевал, заметила:

— Вы, кажется, прихрамываете…

— Бандитская пуля, — отшутился Валерий, он уже чувствовал себя в настроении, свойственном его натуре, — веселом, чуточку озорном.

Девушки и ребята, с которыми познакомились молодые офицеры, были, как выяснилось, приезжими спортсменами. Из ресторана вышли одной компанией. Толик, оказывается, успел кое-что рассказать девчатам о Буркове, и скоро тот стал у них лучшим другом. А та девушка, с которой он танцевал, синеглазая, потом, уже в гостях, куда они пошли все вместе, говорила ему:

— Мне кажется, что вы играете. Храбритесь… Боитесь, а вдруг кто-то пожалеет вас.

— А почему, собственно, я должен казаться другим? — Валерий весело рассмеялся. — В конце концов меня ведь не в голову ранило…

— Ну, знаете… Все равно меня удивляет это: как могут сочетаться в вас такая веселость и абсолютная серьезность вашей, скажем, судьбы.

— Ага, значит, вы хотели бы видеть меня угрюмым, пережившим бог знает что страдальцем, — подначивал Валерий собеседницу. — А я вот, наверное, парень с юмором — не гожусь на роль Грушницкого.

Танцы, длительные прогулки, хожденье по делам не прошли даром. Ноги разболелись не на шутку; раздеваясь, Валерий обнаружил причину: «Вот, добегался…» — кожа на культях оказалась содранной. Пришлось отлеживаться в палате. Чтобы не

маяться бездельем, не тратить попусту времени, Валерий попросил ребят принести из клуба баян и стал заниматься музыкой. Разрабатывал пальцы правой руки: к ним еще не вполне вернулась утраченная подвижность. Десятого февраля Валерий улетел в Москву. Там он за день управился со всеми делами — ездил на протезный завод, на примерку. К вечеру вернулся в аэропорт, а ночью вылетел в Курган.

В клинике Илизарова, на которую он возлагал столько надежд, с трудом добился приема на консультацию. Пришлось дойти до обкома. Все же приняли. Предложили положить его в клинику. Но пока было не ко времени.

Вскоре Валерий уехал в Челябинск. Мать ждала его, сказала: было предчувствие — скоро приедешь. Конечно, в ее глазах Валерий переменился. Радовало ее, что сын стал ходить. Только ростом будто стал пониже. Иногда казался старше своих лет, а когда — прежним. Дома, с друзьями он праздновал День Советской Армии и в тот же день, 23 февраля, вновь собрался в дорогу — в Москву.

Вернувшись в госпиталь, Бурков доложил начальнику отделения о том, что ему показаны две операции, насчет которых он договорился в Киеве и Кургане. Тот не сказал в ответ ничего определенного: посмотрим… Но, когда Валерий в марте стал настаивать, чтобы его направили в Курган, к Илизарову, ему ответили вполне однозначно: вы у нас лечение закончили, протезы получили; мы вас направляем на комиссию, а дальше, после увольнения в запас, можете ехать куда угодно, хоть оперироваться.

Бывает, в нашей жизни это не ново, на ровном месте вдруг возникает препятствие — названо оно у нас «стеной равнодушия». Биться об нее — только лоб расшибешь и время дорогое потеряешь. Поэтому теперь Бурков продолжает настаивать лишь на одном — чтобы ему дали время решить вопросы в Москве по своему ходатайству об оставлении на военной службе. Но и в этом ему было отказано.

Замполит госпиталя, к которому Бурков обратился в надежде, что тот поможет — к кому же еще идти? — принял его, выслушал как будто с вниманием, но ответ его не обрадовал молодого офицера:

— Увы, я могу лишь сказать то же самое. Есть существующий порядок. Ожидайте комиссии…

По всему видно было, что ему не хотелось вникать в это канительное дело.

— Для вас это — дело десяти минут. А для меня — всей жизни. — Валерия охватило чувство гнева, да и как тут было не

вспылить: — В таком случае вы меня больше в госпитале не увидите, пока я не решу свои вопросы в Москве.

У Буркова оставался один выход: уехать в Москву самовольно и попытаться до комиссии сдвинуть с места вопрос об оставлении его в армии. «После комиссии скажут: все, поезд ушел. А там — маши, не маши…» — рассуждал он невесело.

Не зря, видать, слова «ходатайство» и «хождение» — одного корня, в этом он убедился на своем опыте. Чего там греха таить, помытарствовал он в Москве со своим ходатайством — то были самые трудные уроки хождения.

Пробыл Бурков в Москве три дня. Заехал в отдел кадров ВВС. Там ему предложили написать рапорт «по команде» своему начальству, которое осталось в Афганистане. К счастью, нашли ходатайство командующего ВВС об оставлении Буркова в кадрах армии. Это было уже нечто существенное, зацепка, за которую следовало ухватиться обеими руками. Забрезжил слабый свет надежды. Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки, но со скрипом. Кадровики вежливо отсылали молодого офицера, настойчивого до настырности, из кабинета в кабинет, пока он не вышел, наконец, на того, кто мог конкретно заняться его вопросом, но он, оказалось, срочно убыл в командировку и вернуться должен был не раньше, чем через десять дней.

«Да… «Москва бьет с носка», — вспомнил Валерий услышанное им однажды в вагоне электрички присловье. Возвращался он, можно сказать, ни с чем, но не позволял себе поддаться чувству уныния.

Вернувшись в госпиталь, Бурков получил нагоняй, могло быть и хуже, но выручил случай. Как раз в тот день в госпитале работала комиссия ЦК ВЛКСМ. Когда Валерий вошел в свою палату, члены комиссии были уже там. Он поздоровался, представился. Оказывается, гости были уже о нем наслышаны, они стали наперебой усаживать раненого офицера:

— Вам, наверное, трудно… на ногах…

— Небось, целый день…

Однако от предложенного стула, который ему предупредительно уступили молодые женщины, он галантно отказался:

— Я все-таки какой-никакой мужчина… Не по-джентльменски это — сидеть в присутствии дам.

Только усадив гостей, Валерий взял стул.

Женщины не скрывали своего удивления, ахали, восхищались: трудно было поверить в то, что молодой человек, с которым они беседовали, лишен ног. Наталья Васильевна Янина, та, что была у них в комиссии за главную, начальник отдела

кадров ЦК ВЛКСМ, много расспрашивала Буркова.

— Вам не трудно так помногу ходить? Наверное, ноги в кровь разбиваете… Очень больно? — спросила она с участием.

Валерий рассмеялся в ответ:

— Охота вам верить всяким выдумкам… Чего только не напишут про нашего брата…

— Скажите, чем мы можем зам помочь? — спросила Янина. — У вас, наверное, есть свои проблемы…

— Проблемы есть, — сказал Бурков, перейдя на серьезный тон. — Дело в том, что я бьюсь, чтобы меня оставили в армии… Поймите, это очень важно. Но руководство госпиталя направляет меня на комиссию, не дожидаясь решения этого вопроса. А значит, сразу после освидетельствования я буду уволен в запас.

— Вот как… — протянула Наталья Васильевна, задумавшись. — Простите я не совсем точно представляю, что можно предпринять — конкретное.

— Конкретно, чтобы не представляли меня на комиссию до тех пор, пока я не получу ответа на свой рапорт.

— Хорошо, теперь понятно. Думаю, что эта проблема разрешима, — пообещала Янина. — Что ж, желаю успеха! — сказала она, пожимая руку на прощание. — Рассчитывайте на нашу поддержку.

Госпитальное начальство оставило Валерия в покое. На его поездки в Москву смотрели косо, но не трогали. Итак, он мог вплотную заняться самым насущным.

В первых числах марта Валерий получил в Москве новые протезы. Старые к тому времени совсем развалились. Но и с новыми пришлось повозиться. Они ломались дважды, не выдерживали нагрузки, не были рассчитаны на такого активного ходока. Но потом на заводе их все-таки довели до ума, усилили конструкцию. И вот в один прекрасный день Валерий надел их, встал, сделал несколько шагов, потом взял трость под мышку и, пройдя еще немного, убедился, что вполне может обходиться без палочки. Трость забросил подальше и больше с собой не носил.

Валерий торжествовал: это — победа! Теперь можно было готовить военную форму.

Глава пятая

Самое заветное. Отцовские письма

Мыслителей всех времен занимал вопрос о бренности человека: увы, не бесконечен его земной путь, он отмеряй — от

рождения и до небытия.

Но утверждалась в праве на истину и другая мысль: о том, что все-таки каждый человек по-своему бессмертен, «но вечно то, что человечно», ведь каждая отдельная личность — звено, соединяющее бесконечную цепь поколений. По-своему бессмертен каждый человек: ведь через него обретает бессмертие род человеческий. Но это право — на непреходящее значение своего бытия — дается лишь тем, кто утверждается в нем всем смыслом своего существования. Есть такой род людей, которых можно назвать н у ж н ы м и для жизни. Без таких не ставится ни одно дело, не складывается жизнь.

В роду Бурковых звенья человеческие — прочные. Они крепко держат связь времен: от прадеда к деду, от отца к сыну. Бурковы первыми идут туда, где опасность, где риск, на что не каждый вызовется.

В одном из своих писем отец Валерия полковник Бурков Анатолий Иванович писал в стихах: «Я горел, я горю и сгораю, но не будет стыда за меня…» Полковник Бурков в решающий момент оказался там, где он, как профессиональный военный, был нужнее всего, где понадобились его знания, воля, храбрость. И эти качества полнее всего проявились в боевой обстановке. Вот как рассказывал сам полковник Бурков корреспонденту «Правды»[8] о той операции по взрыву моста, о которой упомянуто в первой главе:

> *«Мы проводили операцию против душманов, дело было на северо-востоке, в горах. Там над рекой стоял длинный узкий мост. Душманы по этому мосту туда-сюда ходят: ни окружить их, ни от базы отрезать. Вызывает меня руководитель операции: «Надо, говорит, мост взорвать, другого выхода нет». — «Есть, — отвечаю, — взорвем».*
>
> *Посылаю пару вертолетов, они под обстрелом заходят, бросают две бомбы — прицельно бомбят, рассеивание минимальное, но в полотно моста не попали. Посылаю еще четверку — та же история. Больше вертолетов нет, да и сумерки уже. Прихожу на командный пункт, руководитель-начальник спрашивает: что с мостом? «Завтра займусь, — говорю, — лично». Он головой качает, хмурится. Ну не станешь же пехоте объяснять, что летчики отработали, как могли, просто мост особенно вредный: единственный каменный бык посреди реки, от него к берегам железные рельсы проложены, на рельсах — доски, если даже попадет бомба, то доски прошьет насквозь, и все.*

Назавтра так и случилось: опять посылаю пару за парой, вечером доложили, что попадание есть, а толку нет. К начальнику даже не пошел: без меня расскажут, что и как, стыдно лишний раз на глаза показываться.

Утром третьего дня иду опять в пехоту. «Взрывчатка есть?» — «Есть, — отвечают, — два мешка, да зачем зам?» — «А бикфордов шнур?» — «И шнур есть, но вам-то зачем?» — «Трех саперов дадите?» — «Дадим, а для чего?» — «Пожалуйста, — говорю, — лишнего не спрашивайте, я к вам еще зайду».

Начальник на меня уже и не смотрит. «Когда мост взорвешь?» — чуть не рычит. «Сегодня, — отвечаю, — взорву. Занимаюсь им лично». Ну, он немножко порассуждал о моей личности, но я и без этого был на нервном взводе. Бомбить никого не посылаю, приказываю вертолетам ждать, бегу в пехоту. Там связываем два мешка взрывчатки веревкой, прилаживаем бикфордов шнур, грузим все это в машину, садимся с саперами, мчим к вертолетам, перегружаем, летим. Попутно еще прикрепляем к мешкам веревку подлиннее, вяжем на ней узлы, чтобы в руках не скользила.

Четверку вертолетов пускаю вперед, и, пока они по берегам работают, подкрадываюсь вдоль русла и над мостом зависаю. Двое бойцов меня за ноги держат, а я из вертолетной двери мешки выталкиваю. Вытолкнул, а веревка как заскользит! Еле удержал. Вот, пожалуйста, на пальце шрам, можете посмотреть. Но это еще полбеды: хуже, что в конце веревка оборвалась и мешки наши грохнулись. Упали удачно, на мост, прямо около быка, но ведь бикфордов-то шнур мы поджечь не успели!

Крутнулись к берегу, сели на гальку у самой воды. Беру лейтенанта и одного бойца — второй по ближним кустам из автомата бьет, бежим что есть духу к середине моста, перекладываем мешки поудобнее, кричу лейтенанту:

— Поджигай!

А он по карманам себя хлопает, глаза круглые: спички у того солдата, который стреляет.

— Беги к вертолету и гони сюда нормального человека, со спичками, я прикрывать буду!

Строчу из автомата по противоположному берегу, там ведь тоже кусты, аллах разберет — может, и оттуда по мне стреляют, грохоту вокруг много. Одновременно пячусь к своему вертолету. Пронесся мимо

солдатик со спичками, чиркнул, обратно бежит.

Поднялись, отлетели, кружимся в стороне. Спрашиваю бойца:

— Сынок, ты точно поджег? Пальцами чувствовал, когда загорелось?

Божится: все сделал, как надо, и пальцами чувствовал.

— Если, — говорю, — через две минуты не рванет, летим к мосту, но садиться не будем; обвяжем тебя, сынок, длинной веревкой и опустим — снова подожжешь.

— Есть! — отвечает. — Сделаю, товарищ полковник.

Готов выполнить приказ, не задумывается даже. А в вертолете, ясное дело, никакой веревки больше нет — ни короткой, ни длинной. Только поговорили с бойцом — бабах! Обрадовались, обнимаемся, летим к мосту: стоит, проклятый, как и стоял. Да что же он, заколдованный?! Снизились, сбоку зашли — отлегло от сердца: конструкции обломились, рухнули от быка в воду, просто сверху-то кажется, что линия ровной осталась.

Прилетели, пошел я на КП. Начальник хмурый:

— Так ты самолично бомбу влепил?

А я ему застенчиво так отвечаю:

— Не было никакой бомбы. Мешками работали…»

Отцовские письма… Они, уже успевшие пожелтеть от времени, поистершиеся на сгибах, всегда были рядом. В госпитале Валерий держал их при себе, перечитывал по многу раз. Валерий гордился отцом. Вот он какой! На этой фотографии он снят майором, молодой еще. Красивый, сильный, черты лица волевые, от всего его облика веет редким жизнелюбием, энергией, о таких говорят: «настоящий мужчина». А глаза!… Они у него излучали и силу духа, и доброту, и недюжинный ум, светились весело, а иногда чуть грустно, как у человека, много повидавшего в жизни.

Особенно сильно потянулся душой к отцу Валерий с той поры, когда сам стал приобщаться к тому, чему посвятил всю свою жизнь Анатолий Иванович.

Когда Валерий поступил в авиационное училище, отец уже разговаривал с ним, как с взрослым человеком, на равных, писал ему, как пишут большому другу, товарищу по общему делу. Выбор сына Анатолий Иванович одобрил: «Я не ошибся, когда все от меня зависящее приложил к тому, чтобы ты стал штурманом».

После окончания училища у Валерия был широкий выбор

мест не столь отдаленных, предлагали ему также остаться в училище инструктором: ведь летал он хорошо, точно бомбил. Однако новоиспеченный лейтенант Бурков выбирает Дальний Восток. И не только потому, что манила романтика дальних странствий. Повлияло на его выбор другое, более важное для него обстоятельство: туда же получили назначения ребята, с которыми он крепко сдружился за годы учебы: лейтенанты Саша Маточкин, Алик Сибгатуллин — уж очень не хотелось ему расставаться с ними. Готовясь вместе к выпускным экзаменам, друзья поклялись в этом — летать в одних небесах.

> *«Этот твой порыв прекрасен, — писал Валерию отец из Кабула, — и говорит за тебя (а о людях, в конечном счете, всегда судят по их поступкам, потому что… что ни говори, как ты красиво ни молви, а именно в деле, конкретном деле, в конкретных условиях, ты и я, все мы вместе, видны по своим поступкам и конкретным делам) и твой поступок — на Восток, на Дальний не за романтикой, а за другом, говорит, что ты — настоящий человек».*

Нельзя сказать, что отец был чересчур щедр на похвалы, и Валерий понимал, что эту оценку, данную авансом, еще предстояло заслужить, а ориентир в письмах указывался:

> *«Валерий, я думаю, что главную цель в своей жизни ты уже определил, и я не ошибусь, полагая, что ты формулируешь ее так: все для дела, все для людей».*

И, конечно же, пример отца, всегда много значивший для Валерия, привел его в Афганистан.

В июне 1981 года Валерий проводил свой очередной отпуск во Львове. Неожиданно в гостинице, в которой он остановился, его пригласили к телефону. Узнав голос отца, удивился: «Как он вычислил мои координаты? Ведь я ничего не писал ему насчет отпуска…» Отец сообщил ему:

— Я еду на юг в командировку. На один год… Ты понял, что это такое?

— Понял… — ответил Валерий. Расшифровать сказанное проще некуда — в Афганистан. Был у них разговор на этот счет.

— А как ты? Есть желание?

— Конечно!

— Что — конечно? Хочешь или не хочешь?

— Разумеется, хочу. Ты же знаешь.

— Тогда вот что я тебе скажу… Долго не разгуливай в

отпуске. Через недельку будь в Москве, позвони, там решат насчет тебя.

Разговор с отцом обрадовал Валерия. Еще зимой в экипаже, собравшемся перед вылетом на аэродроме в теплушке, зашел разговор, который не на шутку взволновал старшего лейтенанта Буркова. Штурман корабля старший лейтенант Леша Шумилов сказал, как бы между прочим, что отбирают несколько экипажей из полка для отправки в Афганистан.

— А насчет нашего экипажа ничего не слышно? — Валерий навострил уши.

— Поговаривают и про нас… — ответил Шумилов, напустив на себя серьезность. — Но слышал я, что пойдут туда подготовленные, опытные летчики и штурманы. Так что не обижайся… Хоть ты и не совсем зеленый, но оператор еще молодой, налет свой знаешь…

Только на другой день, сбегав в штаб, Валерий узнал, что разыграли его, как мальчишку: знали друзья, что с тех пор, как появились сообщения о событиях в Афганистане, Бурков спит и во сне видит себя там, «за речкой».

…Прибыв в Москву, Валерий направился в главный штаб, в отдел кадров. Грузный полковник не стал долго томить молодого офицера:

— Я в курсе вашего дела… На чем хотели бы летать там? На транспортных или на вертолетах?

— Я не думал над этим… — признался Валерий. — Вы же знаете, я летал на самолетах.

— Хорошо, мы вас командируем… А на месте решат, куда определить, — заключил полковник. — Позвоните месяца через полтора…

На Дальний Восток Валерий возвращался в радужном настроении — будущее представлялось полным необычных, важных событий. В назначенный срок позвонил в Москву. Оттуда обнадежили: бумаги на него оформлены, ждать вызова.

В ноябре, совсем некстати, экипаж, в составе которого летал Бурков, отправили в командировку на Н-ский аэродром, с которого им предстояло работать не одну неделю. Впрочем, в армии не спрашивают: кстати, некстати… Перед отлетом Валерий подошел к командиру эскадрильи, попросил его сообщить, если будет вызов.

На Н-ском аэродроме жизнь шла своим чередом, летать приходилось часто, подолгу, дни проходили, а из полка никаких известий. Валерия стали томить неясные предчувствия.

Вернувшись в полк 10 декабря, он обнаружил у себя в комнате, на столе, письмо отца. Он сообщал, что его ходатайство

о командировке в Афганистан отклонено по причине весьма нелестной характеристики.

> *«Ты оказался не таким, каким я тебя представлял, — сердито корил отец. — Ты не офицер, ты — слюнтяй, который стал в несколько сложных условиях ныть. Так поступают люди со слабым характером. Была у меня мысль, чтобы взять тебя сюда авианаводчиком, чтобы ты полазил по горам, чтобы пули посвистали над тобой (я не хочу, чтобы ни тебя, ни кого другого убивали), чтобы ты посмотрел на смерть, раны и кровь; и тогда, может быть, ты понял бы, что наша с тобой судьба — быть защитниками Родины настоящими, а не нытиками…»*

Вот говорят: «удар судьбы» — такое поражение он испытал в своей жизни впервые. Но смириться, сжиться с неудачей — это было не в его правилах. Решил во что бы то ни стало разобраться, кто же мог составить на него характеристику.

И вот что ему удалось узнать. Да, в его отсутствие на него и в самом деле пришел запрос, но поступил он не в полк, а в штаб ВВС округа. Оттуда кадровики позвонили в полк, вышли на старшего штурмана части. Так, мол, и так, надо оформить документы на старшего лейтенанта Буркова в загранкомандировку. Нужна характеристика. Старший штурман вызвал к себе в кабинет командира подразделения, в котором служил Бурков, капитана Александра Пряничникова:

— Какую характеристику будем писать на Буркова? — спросил он. Формально он не мог игнорировать мнение командира.

— Какую заслужил, такую и напишем… Нормальную характеристику.

Своих людей командир знал хорошо, ко сейчас он, как бы перепроверяя себя, постарался лучше вспомнить, что ему было известно о молодом офицере Недавно старший штурман эскадрильи отзывался о нем: «Самый работящий оператор». Вспомнил, как в одном из полетов по маршруту старший лейтенант Бурков выручил штурмана корабля, намудрившего что-то с аппаратурой ближней навигации, — не ровен час, могли далеконько уклониться от линии пути.

— Считаю, парень заслуживает положительной характеристики, — уверенно сказал Пряничников.

— Значит, ручаетесь… — старший штурман выдержал паузу, потом произнес со значительным видом: — Но имейте в виду, речь идет о заграничной командировке…

— Я это и имел в виду.

— Мне кажется, недопонимаете вы чего-то, — досадливо поморщился хозяин кабинета. — Нет, надо дать такую характеристику, чтобы в загранкомандировку его не пустили, — нажал старший штурман на офицера.

Не нравился Пряничникову такой разговор. Он уважал старшего штурмана: что там говорить, специалист грамотный, толковый — на лучшем счету в коллективе, а вот человек… Было что-то барственное в отношении флагманского штурмана к «низшим чинам» — он сам так называл молодых операторов, — нескрываемое высокомерие.

Командир, кажется, догадывался об истинной причине того, отчего старший штурман невзлюбил Буркова. Были у них нелады. Бурков тоже хорош: погорячился напрасно… А вот как обстояло дело. После итоговых занятий комэск объявил Буркову, что руководитель группы выставил ему по марксистско-ленинской учебе «трояк». Уверенный в том, что оценка поставлена ему несправедливо, Бурков кинулся разыскивать старшего штурмана, в группе которого он занимался, узнать, за что же ему снижен балл.

— Тройку я вам выставил за то, что в повседневной служебной практике вы не руководствуетесь идеями марксизма-ленинизма, — хладнокровно объяснил старший штурман.

— Простите, не понял, — удивился Валерий.

— Ну, вам-то следовало это давно понять… Вспомните случай — мне рассказывали о нем, как вы нарушили предполетный режим.

Тут Валерий не сдержался, вспылил:

— И тот, кто сказал вам это, солгал, и вы… раз повторяете вздорные слухи — тоже лжец!

В штурманском классе находились другие офицеры, которые оказались невольными свидетелями этого разговора. Был там и командир. Он сам же и одернул тогда Буркова. Напрасно парень распетушился, в старину такие стычки кончались дуэлью. «Ну, то в старину… а сейчас вот на характеристике решил отыграться. Зуб, значит, заимел на парня…» Но сдаваться капитан Пряничников не собирался.

— Тогда пишите сами. Я человека чернить не буду! — категорически возразил он. — Бурков — комсомолец. Давайте пригласим секретаря комсомольской организации. Послушаем, что он скажет…

Секретарь, капитан Александр Кошелев, приглашенный по телефону, явился скоро. Он тут же, в кабинете, набросал комсомольскую характеристику на Буркова:

«…Принимает активное участие в общественной работе… Сумел оживить работу коллектива художественной самодеятельности полка. Вовлекает комсомольцев… Организовал духовой оркестр…»

Старший штурман, прочтя характеристику, недовольно поморщился:

— Ну, вы расписали тут… Хоть на Героя представляй.

Он поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен. Перехватив вопрошающий взгляд Пряничникова, сказал:

— Ладно, посмотрим, что скажут сверху. Им там виднее, пусть решают.

Однако «наверху» ни с кем ничего он не согласовывал, отправил характеристику, сочиненную им самолично. Комсомольская характеристика осталась лежать в его столе.

А Валерий Бурков на другой вечер после возвращения из командировки писал письмо отцу, сидел до поздней ночи. Письмо вышло большим — исповедь на восьми страницах. Но сразу отцу отсылать не стал. Сначала пошел к командиру эскадрильи подполковнику Сергею Еременко. Отдал ему письмо.

Прочтя, командир сказал:

— Написал ты все правильно. Извини, но к твоей характеристике я не имел никакого отношения. Да… разрисовали тебя… — Потом он добавил обнадеживающим тоном:

— Ладно, не переживай. Постараемся помочь.

Командир эскадрильи, посоветовавшись с заместителем по политчасти и начальником штаба, написал новую характеристику и отправил ее по требуемому адресу.

В ноябре Бурков написал рапорт министру обороны — все с той же настойчивой просьбой рассмотреть вопрос о командировке его в Афганистан. Но тут его подстерегла новая каверза. Это было посерьезнее, чем навет старшего штурмана.

Во время очередной медкомиссии, на которой летчики обследуются ежегодно, врачи обнаружили у Валерия туберкулез легкого. Положили в госпиталь. Первые дни он сильно переживал. Только этой напасти не хватало: мало того, что надолго будет отстранен от полетов, а уж насчет командировки… неужто скажут: забудь? Ничто не могло отвлечь его от тягостных размышлений. Зашел в красный уголок поиграть в бильярд. Играл рассеянно, но потом взял себя в руки. Бросил курить, стал усиленно заниматься физическими упражнениями, бегал. Через четыре месяца врачи сказали, что все прошло, пора на выписку.

Когда Валерий находился в госпитале, звонил отец:

— Передали мне твое письмо… Ну, ты у меня сочинитель!

Тут целый роман… — Слышно было в трубке, как отец громко рассмеялся. — Ну ладно… Молодец! А то уж я, грешным делом, думал, что сын у меня совсем пропащий человек. Здорово ты меня обрадовал! Не падай духом, лечись.

В середине мая — шел восемьдесят второй год — отец писал: скоро должен быть вызов в Афганистан, жди.

Выписавшись из госпиталя, Валерий уехал в санаторий долечиваться. Перед отъездом наказывал сослуживцам, чтобы, если вызов придет в его отсутствие, сообщили.

В начале октября Бурков вернулся в часть. Оказывается, снова был запрос (в который раз!) и снова — осечка, более чем досадная. Командующий ВВС округа отклонил запрос, сославшись на нехватку штурманов. Буркову же обещано было: вот придет новое пополнение штурманов и тогда… Молодые штурманы, прибывающие из училищ, ожидались в ноябре. Но уже в октябре Валерий, не теряя времени, проходил комиссию, оформлял бумаги, казалось, новых препятствий на пути к цели не предвиделось.

И тогда-то это все случилось… Не знал Валерий, что скоро судьба принесет ему черную весть. В молодости редко задумываются над тем, что бывают в жизни большие несчастья, сокрушающее человека горе. Молодость живет в счастливой уверенности, что ты сам, близкие, весь окружающий тебя мир — с борьбой, надеждами, радостями — это прочно, надежно. 14 октября — в ту ночь он был в наряде — Валерию позвонили из Свердловска: погиб отец.

Наутро Валерий вылетел на Урал, на похороны.

В последний путь, на Родину, отца сопровождал его сослуживец подполковник Некрасов. Он рассказывал Валерию: «Знаком был я с твоим отцом короткое время. Как только прибыл к нему в отдел, подошел представиться. Но он спешил; я успел только доложить — кто я и откуда. Увиделись мы с ним потом на аэродроме. Полковник Бурков собирался на задание. Он сказал мне: «Извини, опять некогда. В другой раз… Надо вылетать. Вернусь, обо всем поговорим…» И когда он уже подбежал к вертолету, обернулся, махнул рукой и крикнул: «В бой идут одни старики!»

Отец погиб 12 октября 1982 года. День этот, в подробностях, сын будет помнить всю жизнь; так, будто он сам прожил те последние часы, о которых ему рассказывали боевые друзья отца.

…В шесть утра полковник был на КП авиаполка, базировавшегося на Кабульском аэродроме. Пока готовили связь к управлению, Анатолий Иванович сидел у входа на порожке, курил с задумчивым видом.

Тот день был до предела насыщен боевой работой. До полудня Бурков руководил с КП вертолетами, на которых вывозили мины, снятые в районе проведения операции. К 12.00 сняли 98 мин и вертолетами доставили в Кабул, здесь их показали журналистам.

После полудня на КП поступил доклад: у развилки дорог Кабул — Баграм — Чарикар, в ущелье, сбит вертолет Ми-24. Находившийся на КП генерал направил в район вертолеты поисково-спасательной службы. Летчики доложили, что экипаж Ми-24, по-видимому, погиб и что вертолет горит на земле, посадку произвести не удается… Доклад на этом оборвался, связь с группой ПСС[9] пропала. И тогда генерал принял решение направить в район ущелья еще пару вертолетов во главе с полковником Бурковым, чтобы тот на месте разобрался в обстановке.

Взяли на борт десантников и в сопровождении вертолетов прикрытия вылетели. У места падения подбитого Ми-24 стали готовиться к приземлению, но с Баграма доложили, что группе ПСС все-таки удалось забрать тела погибших летчиков.

Полетели в Баграм, дозаправились, потом — в Кабул. Бурков доложил, что кабина Ми-24 в ущелье сгорела, хвостовая балка отбита и лежит на гребне горы. Генерал приказал уничтожить эту балку. Нельзя было допустить, чтобы какие-то технические секреты попали в руки противника, ведь балка могла оказаться их трофеем. Заодно приказано было произвести разведку местности. Лететь выпало опять Буркову.

Когда вертолет, на котором находился полковник Бурков, начал снижаться над ущельем, его сбили из зенитного пулемета ДШК. Винтокрылая машина загорелась, стала падать, при ударе о землю завалилась набок. Экипаж покидал вертолет уже на земле, под обстрелом. Полковник, руководивший спасением других членов экипажа, выпрыгивал последним; когда он показался в люке, вертолет взорвался и его выбросило из него, облитого горючим и объятого пламенем. Летчики кинулись на выручку, но пока гасили пламя, на нем осталась необугленной только белая полоска кожи под портупеей.

Накануне Анатолий Иванович говорил друзьям: «Скоро — считанные денечки остались — пройдусь по Арбату. С сыном встречусь».

Некрасов много рассказывал о службе там, «за речкой». Обо всем, как оно есть на самом деле. Убеждение Валерия ехать в Афганистан еще более окрепло.

После похорон ему отдали последнее письмо отца. Это в нем — строчки стихов «Я горел, я горю и сгораю», оказавшиеся

трагически пророческими. Прочтя это письмо, Валерий впервые ощутил обжигающую горечь мужской слезы.

Вернувшись в часть, Бурков снова позвонил в Москву, в кадры. Ему ответили: «Достаточно одного Буркова». Но он был тверд в своем решении: знал, что не отступится от задуманного ни при каких обстоятельствах. Снова пишет рапорт. С ним дошел до Героя Советского Союза генерал-майора авиации Безбокова:

— Что, тебе тоже охота получить пулю в лоб? — спросил он сурово. Но рапорт подписал.

Дальше возникло новое препятствие. Ответ из отдела кадров ВВС, которого он ожидал, приехав в Москву, целую неделю, поверг его в отчаяние: «Запретить!» Правда, в личной беседе малость утешили; и это уже был обнадеживающий, хоть и очень маленький просвет: «Но если очень настаиваете — не раньше, чем через год». Опасались, что сразу после гибели отца Бурков-сын будет без всякого удержу рваться в бой, безрассудно лезть под пули.

По возвращении в полк Бурков узнал, что его переводят служить в Уральский военный округ. Прибыв в Свердловск, в штаб округа, получил назначение.

…Прошел год, и снова он написал рапорт. И, наконец, пришло «добро». Но Буркова отпускать не хотели: начальству жаль было расставаться с молодым офицером, проявившим себя дельным специалистом. К тому времени Валерия избрали секретарем комсомольской организации.

Некоторым выбор Буркова казался непонятным: «Чего тебе еще надо? Старший лейтенант только еще, а уже — на подполковничьей должности! Охота лезть в это пекло…» Да, Валерий предпочел идти на «понижение». В Афганистане ему, в лучшем случае, «светила» лишь капитанская вакансия. Впрочем, кому надо, он всегда сумел объяснить, зачем он это делает.

Ничего не говорил он только матери почти до самого дня отъезда. Застав его за сборами в дорогу, в дальний-предальний путь, она почуяла сердцем тревогу… И как он был ей благодарен, что она так держалась напоследок!

Много воды утечет, многое в его жизни переменится, пока сложится стих, посвященный матери:

Прости за разлуку, покинутый дом,
За то, что в бой пошел за отцом,
За то, что спасти я его не сумел,
Когда он живой в вертолете горел.
Прости, мне себя уберечь не дал бог,
Я жизнью солдатской прикрыться не мог.

Пойми, моя мама, поверь и прости,
Иначе не могут Отчизны сыны!

Человек должен отдавать себе отчет в своих поступках. Тем паче, когда сделан такой важный шаг… Как же без вопросов?… Но по-настоящему ответить на них он не мог бы сразу. Так, чтобы в душе не осталось никакой неясности. Бывают такие ответы на вопросы, самые «жизненные», которые озаряют вдруг обыденной с виду простотой — осенило, говорят.

Был такой момент «в период прохождения службы» в Афгане и у Валерия, в один из дней кандагарской операции. Батальон укрылся в старой крепости, отбитой у душманов. Бурков, искупавшийся под пулями в глубоком арыке, насквозь промокший, скинул с себя обмундирование и развесил сушить возле огня, разведенного бойцами. Сам, оставшись босиком, в трико, футболке и панаме, бродил по двору крепости, с любопытством осматривал древние строения.

Видок со стороны у Валерия, конечно, был отнюдь не военный. Долговязый, отощавший с походного пайка, вышагивающий на тонких босых ногах, обтянутых трико, как журавль, он, с темной линией отросших усов с опущенными концами на узком продолговатом лице, наверное, казался потешен на фоне средневековой восточной декорации.

Проходя мимо солдат афганской народной армии, гревшихся возле костра, Валерий услышал смех. Солдаты весело переговаривались между собой, посматривая в его сторону. Увидев среди них знакомого переводчика, Бурков спросил его:

— Не надо мной смеются?

— Точно. О тебе говорят…

— А что говорят-то?

— Да так… понравился ты им очень. На Дон Кихота смахиваешь.

Двое солдат поднялись с земли и, подойдя к советскому офицеру, дружелюбно похлопали по плечу:

— Вертушка-вертушка! Как дела? Ха-ра-шо!

Валерия смутило то обстоятельство, что афганцы знали, кто он такой. Не принято было разглашать, что ты — авианаводчик. За наводчиками охотились не только душманские снайперы, бывали случаи, когда стреляли в спину их лазутчики в форме солдат народной армии. Значит, видели его в бою, а тут уж свою работу и кто ты такой — никак не скроешь.

Другой солдат, судя по простому крестьянскому лицу, недавно призванный из кишлака сын дехканина, подал Валерию,

переломив в крепких жилистых руках, испеченную в золе лепешку, еще теплую.

— Шурави — дост… — афганец блеснул белками глаз и отошел к кусту, к своим.

На другой день Валерий действовал совместно с афганским подразделением. Он узнал своих вчерашних знакомых, в бою они шли рядом, прикрывали авианаводчика.

Именно тогда, в дни кандагарской операции, Валерий почувствовал, осознал свою личную причастность к тому, чем скрепляется братство людей: он здесь был н у ж н ы м человеком, заслужил в бою, в который шли эти афганские ребята с надеждой на скорый мир, за волю, за землю и воду, за свою веру, право быть названным другом парня, который разделил с ним хлеб, что во все времена было знаком добра. А потом эти мысли воплотились в строчки стихов, ставших новой песней Буркова с очень точным названием «Что же я сумел понять»:

Может, чтобы жизнь понять,
Надо раз лишь повидать
Окровавленные книжки
У убитого мальчишки,
Не умевшего читать.
Что же я сумел понять?
Да, за счастье ребятишек,
Пусть другой страны детишек,
Стоит жить и умирать.

Глава шестая

Возвращение в строй

Наверное, ни разу прежде он не радовался так приходу весны, как в нынешние погожие денечки, наставшие вслед за последними подмосковными дозимками. С каким-то новым обостренным чутьем всматривался он в приметы пробуждающейся от долгого зимнего сна природы. Радовался серебристым пушинкам распустившейся вербы, неказистому букету из веточек мимозы в руках незнакомой молодой женщины, вошедшей в вагон метро. С детским восторгом запрокидывал взгляд в просветленную, веселую голубизну неба с легкими перьями облачков, по-новому ощущал запах талого снега.

Он чувствовал, что и в нем самом, как вешние токи земли,

обновляются жизненные силы. Он был полон энергии: того самого «боевого настроя», как говорят военные, хватало через край. Его бодрило, распрямляло чувство радостного ожидания хороших перемен. Хотелось жить — одним словом.

Сойдя с вечерней электрички, майор Бурков шагал в сторону госпиталя с сознанием хорошо потрудившегося человека, знающего, что труды его не напрасны. О том, что удалось ему сделать в эти частые поездки в Москву, он записал в своем дневнике:

«15 апреля

В последних числах марта я вышел на полковника Медведева, и наконец решение моего вопроса закрутилось. Само по себе, конечно, ничего не делалось. Пришлось покрутиться самому. Никогда прежде в моей записной книжке не набиралось столько разных телефонов. Звонил в медицинские учреждения, выяснял, каким путем можно решить вопрос об оставлении в кадрах. Собирал нужные бумаги, принимал участие в поисках личного дела и прочее, и прочее.

Несколько раз ездил в штаб округа. Получил форму. Для личного дела написал новую автобиографию.

10 апреля в кадрах ВВС мне сказали, чтобы я у себя, в госпитале, прошел медкомиссию. Но сначала освидетельствование оказалось не в мою пользу. Прошел повторно, заручившись поддержкой командования ВВС. На этот раз, правда, с большим скрипом, я добился нужного: после освидетельствования появилась запись: «Годен к военной службе…» Все бумаги перевозил сам, чтобы ускорить движение деловой переписки. И вот, когда вчера ездил в кадры, полковник Медведев задал мне вопрос, заставивший радостно забиться сердце. Даже не поверил сразу, неужто это ко мне относится? Полковник спросил: где я хотел бы служить и в каком качестве. Я ответил: «Давайте сначала дождемся окончательного решения вопроса об оставлении меня в армии, а потом уже выясним остальное». Хотя про себя я твердо знал, что буду проситься в Афган, но раньше времени не стал об этом говорить. Было такое чувство — как бы не спугнуть удачу.

И в штабе ВВС округа, и в управлении кадров все

офицеры почему-то интересовались, почему я хожу без палочки, предлагали мне брать ее с собой (не понял, что они имели в виду, может, чтобы я «надавил» на жалость, но это ни к чему). В штабе ВВС округа меня стали водить по кабинетам, будто какую-то диковинку: вот, мол, как Маресьев, пока я не заартачился. Мне, правда, от этого стало неловко. Был принят командующим ВВС Московского военного округа.

Дважды ездил по просьбе Подольского горкома ВЛКСМ в школы. В общем, время было напряженное, но очень хорошее. Наступила определенность, и я чувствовал, что крепко стою на ногах.

Ходили два раза на природу. Впервые мне пришлось идти по пересеченной местности, преодолевать спуски и подъемы, ходить по лесу. Когда мы пришли на место, я почувствовал, что сильно устал. Но во второй раз, хотя тоже шли пешком, я выглядел лучше: полностью участвовал в подготовке костра — рубил дрова, таскал сушняк, чувствовал себя прекрасно.

26 апреля. А сегодня, в день рождения, я могу подвести кое-какие итоги. Нет, не за двадцать восемь лет своей жизни. И даже не за последний год, а за те несколько дней, которые станут решающими в моей дальнейшей судьбе.

20 апреля «наверху» был окончательно решен вопрос об оставлении меня в кадрах Вооруженных Сил. И теперь возник вопрос — куда? Предлагали: в Ворошиловградское училище, потом — еще в разные хорошие места, даже в Главный штаб Сухопутных войск. Я отказался.

Я написал рапорт командующему ВВС в Афган, чтобы они взяли меня к себе. Ведь после ранения, когда улетал оттуда, мои последние слова были: «До встречи в Кабуле…» С того дня, как это было сказано, прошел ровно год. И вот 23 апреля 1985 года… день в день, я в отделе кадров доказываю всем, что мне надо именно в Афган, ведь я обещал это и себе и своим друзьям.

Письмо, которое я писал в Кабул командующему ВВС, я еще не отправил, показал его Медведеву: там у меня все было аргументировано, почему именно прошусь в Афган.

После этого меня пригласили к начальнику отдела. Там мы долго бились. Медведев был на моей стороне. Да тут еще подкрепление прибыло: в кабинет зашел секретарь партбюро, он отнесся ко мне с сочувствием. Был в нашей беседе момент, когда я не сдержался и

выпалил начальнику отдела, который старался отговорить меня от решения проситься в Афганистан: «Как же вы, коммунист, можете такое говорить?!» В общем, вопрос повис… Но когда я уходил из кабинета, то улыбнулся и сказал полковнику: «И все-таки, товарищ полковник, я вас убедил». Он тоже улыбнулся в ответ и сказал, чтобы я не горячился, а подождал, что скажет начальник управления кадров ВВС, он будет ему докладывать.

В этот же день меня пригласили к начальнику управления кадров ВВС. Он долго со мной беседовал, с вниманием выслушал доводы. Когда речь зашла о боевой работе, я высказал некоторые свои соображения, как применить их на практике, для чего я и просился в Афганистан — там я мог найти применение своему боевому опыту наведения авиации, — вот об этом генерал просил рассказать подробнее. В конце беседы он сказал: «Ну что ж, вы меня убедили. Напишите рапорт, в котором изложите те моменты, о которых вы мне рассказали. Ожидайте, что решат главком и начальник политуправления ВВС. Я буду вас поддерживать…»

…Пятого мая Буркову сообщили, что он может выписываться из госпиталя, и предложили краткосрочный отпуск.

Десять дней, предоставленных ему на отдых, Валерий решил использовать опять-таки для дела: ездил в Ленинград к медикам.

По возвращении узнал, что главком командировку в Афганистан не разрешил. Как человек военный, Валерий понимал: решения, которые принимаются на столь высоком уровне, не отменяются. Приходилось с этим считаться.

Зато ему было предложено поступить в академию.

И снова он оказался перед проблемой выбора. До этого был разговор в кадрах: а что если не разрешат в Афганистан? На этот счет он держал в мыслях другой вариант — в Туркестанский военный округ: все ближе к боевым действиям, к боевым друзьям. А вот насчет академии не думал. Одолевали сомнения, нелегко было прийти к какому-то однозначному решению. Нельзя было поддаваться эмоциям; главным было — уяснить, где ты можешь больше принести пользы? В этом смысле вариант поступления в академию казался предпочтительнее. Это соображение оказалось решающим.

…Из доклада начальника управления кадров ВВС главнокомандующему Военно-Воздушными Силами:

«23 апреля 1984 года майор Бурков В. А. при выполнении боевого задания был тяжело ранен. От взрыва мины лишился обеих стоп ног, получил осколочные ранения правого плеча с повреждениями плечевой артерии и контузией лучевого и срединного нервов…

После излечения в госпитале по личной просьбе майора Буркова В. А. и ходатайству управления кадров ВВС признан годным к службе…

24 апреля 1985 года майор Бурков обратился с просьбой направить его в Демократическую Республику Афганистан, мотивируя ее желанием использовать полученный опыт работы по совершенствованию управления авиацией. В рапорте изложил конкретные и обоснованные рекомендации. При невозможности командирования в ДРА просит направить его в ВВС Туркестанского военного округа.

Управление кадров ВВС предлагает назначить майора Буркова В. А. на штабную должность в ВВС Краснознаменного Туркестанского военного округа. В последующем разрешить обучение на командном факультете Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина».

Главнокомандующий ВВС наложил резолюцию — направить майора Буркова В. А. на учебу в академию.

Двадцать пятого мая Бурков съездил в Монино, в академию, надо было взять программу вступительных экзаменов. Узнал, что экзамены ему предстоит сдавать в первых числах августа. Впереди были два месяца отпуска, который ему причитался сразу за два года. В распоряжении Валерия оказывалась уйма времени. Но он не был вправе считать его свободным, личным, каким бывает обычный отпускной срок. За эти два месяца надо было серьезно подготовиться к экзаменам: теория, как бы ты хорошо ни знал ее, с годами забывается, да и не до учебников было в последние годы.

Но сначала нужно было управиться с самым неотложным: хождение в Москве по инстанциям, совсем доконало протезы, вот-вот развалятся. Следовало позаботиться в первую очередь о запасе «ног». Ходьба в износившихся протезах стала причинять массу неприятностей: снова оказалась содрана кожа. Нога разболелась не на шутку, распухла. Отлежаться бы, подлечиться, но время не ждало.

В таком состоянии пришлось ехать в Ленинград — это было третьего июня. Собирался наспех и налегке, прихватив в дорогу

только электробритву, зубную щетку и программу вступительных экзаменов.

В Ленинграде на то время, пока будет заниматься добыванием протезов, ему удалось устроиться в окружной госпиталь, причем в то самое отделение, в котором он оказался после приезда из Кабула.

В институт протезирования Бурков попал только тринадцатого июля, пока выхлопотал направление: от бумажки к бумажке — анализы, справки. Это кого хочешь выведет из себя, — те, кому положено заниматься этим, и пальцем не шевельнули; но Валерий уже знал по прежнему опыту, что

здесь он может рассчитывать только на себя и на свою выдержку.

Дело осложнялось тем, что необходимые ему специалисты института уходили в отпуск с первого июля, а на заводе, где делают протезы — с двадцатого. Времени оставалось в обрез. В общем, пришлось побегать, просить, договариваться. Нашлись хорошие люди, вошли в положение — обещали изготовить сразу три пары протезов. Одни — экспериментальные — должны были сделать прямо в лаборатории института, но не хватало нужных деталей. Валерий их сам доставал. На заводе тоже пришлось похлопотать. Обычный срок изготовления — три месяца. Уговорил — за месяц. Но потом пришлось побегать из цеха в цех. Таким образом, протезы запустили в дело, сняли слепки — хлопоты оказались не напрасны.

Вконец измотавшись за эти дни, он мог позволить себе небольшую передышку. Надо было отлежаться, дать больным ногам отдых. Поздно вечером Валерий снял протезы, лег, растянулся на кровати, закрыл глаза. Но заснуть не смог. Нога ныла, разболелась не на шутку. Он поднялся с постели, включил свет и стал осматривать ногу. Картина представилась удручающей: нога ниже колена набухла и гноилась. Начался жар.

Пришла медсестра, сделала укол. Он стал проваливаться в сон, при этом было такое ощущение, что сердце останавливается. Но сон был беспокойным, он часто просыпался, забылся только под утро. Сказалось напряжение последних дней: треволнений, нервотрепки хватало — сплошной стресс, одним словом.

Утром врач, осмотревший Валерия, заявил безапелляционно:

— Будем оперировать. Иначе, если запустить, придется отрезать вам ногу выше колена…

Вот такого подвоха, когда, казалось, самое трудное позади и ты у самой цели, он не ожидал.

— Не надо, — ответил Бурков с сумрачным видом. — Вот увидите, заживет, как на собаке.

Когда врач ушел. Валерий раздобыл иглу, смочил ее в зеленке и стал осторожно делать проколы в тех местах, где были нарывы, чтоб выходил гной. Прикладывал листочки подорожника, протирал кожу спиртом. Удивительное дело: опухоль стала спадать, боли в ноге утихли. А дней через восемь вовсе зажило.

Обрадованный благополучным исходом этой истории, Валерий позвонил друзьям, попросил, чтобы принесли книги по математике и иностранному. Засел за учебники, занимался усиленно, наверстывая упущенное время. Почувствовав себя несколько лучше, снова встал на ноги, выходил в город: надо было наведываться на завод и в лабораторию, ездил на подгонку новых протезов.

Двадцать пятого июля Валерий получил, наконец, все три пары готовых протезов и выписался из госпиталя. Время отпуска — да какого там отпуска, в кавычках разве что, — истекало. Лето, та пора, когда для более счастливых отпускников «солнце светит и палит», было в зените, но отдых следовало отложить до лучших времен. Как распорядиться оставшимися днями, об этом он не раздумывал: ведь надо было навестить мать. Двадцать пятого улетел в Челябинск.

Появился он там, в военном городке училища, как всегда, неожиданно: ни раньше, ни с дороги ничего не сообщал. Но, поравнявшись с клубом, зашел, чтобы позвонить оттуда матери на работу.

Возле летней столовой увидел в группе молодых офицеров своих знакомых. Подошел к ним, поздоровался. Один из них сказал:

— А говорили, без ног… Зря трепались, выходит.

— Да нет… верно говорили.

— Как?! Без ног! — у капитана округлились глаза. Он отступил на шаг, будто впервые видел Валерия. — Шутишь!

— Вот так! — ответил Валерий и постучал по протезам.

— Слушай, а по тебе не заметно. Ну, ты даешь!

Оставив оторопевших от удивления офицеров комментировать на свой лад столь необычное явление, Валерий зашагал к дому. В душе он, конечно, торжествовал.

Александра Тимофеевна знала уже о большой радости сына, о том, что его оставили в армии. Была рада его счастью, счастлива сама. Валерий светился весь радостью, сиял — это больше говорило глазам, сердцу матери, чем то, о чем рассказывал он ей — про ответ на свой рапорт, о предстоящем поступлении в академию.

Когда гостил дома, Валерий тоже не терял времени: много часов проводил в библиотеке училища, готовился к экзаменам.

Незаметно пролетели эти дни. Пора было возвращаться в Москву.

…Позади приемные экзамены. После мандатной комиссии молодым офицерам, зачисленным в академию, предстояло пройти в торжественном марше.

Плац возле учебного корпуса. Утреннее солнце еще не успело разогреть асфальт. Со стороны сквера от молодых лип, вязов доносится легкий ветерок, опахивающий ласковой прохладой разгоряченное волнением лицо майора Буркова, теперь уже слушателя академии, главной кузницы кадров Военно-Воздушных Сил страны.

Молодые офицеры в парадной форме стоят вольно, разбившись на живописные группы. На лицах — праздничное настроение, улыбки, перебрасываются веселыми шутками. Валерий хотел в это утро казаться, как все, старался не выдать своих чувств, но, наверное, у него не получалось. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, как он томится ожиданием, что было у него на душе в эти минуты.

Прозвучала команда: «Встать в строй!» Ни разу прежде эта команда, бессчетно повторенная с того дня, когда услышал ее впервые от комвзвода в училище, так, с такой силой не подхватывала его, как в этот миг. Будто разом запели все горны, заиграли военные оркестры.

Сначала слушатели показывали прохождение строевым шагом в колонне отделения, по одному. Валерий шел пятым. Сперва было желание попроситься занять в строю место подальше от направляющего, но потом эту мысль отбросил как малодушную, да и не положено, при его-то росте — строились по ранжиру. Проходя мимо группы офицеров, проверяющих, конечно, испытывал такое чувство, будто шел по канату, натянутому над бездной, хотя в мыслях отрепетировал каждый шаг. Сердце, казалось, забивало гулкий грохот барабана, бухало в груди и не в такт, конечно, частило.

Нормально прошел. Не сбился с ноги, четко, как все, обычным строевым шагом — сто двадцать в минуту, «выше ногу, носок прямей, в коленях не сгибать», как учили.

Он вернулся в строй. Он — среди боевых друзей. Вот они стоят, внешне такие похожие, в одинаковой темно-синей форме с голубыми петлицами, но с такими разными судьбами. Одни прибыли с Севера, другие летали в небе Дальнего Востока, были среди них и те, кто имел за плечами не один боевой вылет. Он признан равным среди своих — именно такой смысл вкладывал Валерий в этот день в команду, прозвучавшую будто для него одного: «Держать равнение в строю!»

…Первые дни учебы в академии, конечно, давались нелегко. С утра, с подъема в шесть ноль-ноль, и до конца занятий, до двадцати ноль-ноль, к этому надо привыкать. Хотя и раньше Валерий нахаживал помногу, но вот так — изо дня в день — подобной практики еще не было. Впрочем, никаких скидок себе он не делал, тянулся, старался быть со всеми наравне. В первые дни слушатели группы ведь даже и не предполагали, что вместе с ними учится офицер с такой необычной судьбой. И узнали-то случайно. Как-то в перерыве в курилке подошел к Буркову один из сокурсников. У этого капитана была забавная манера: в разговоре он то крутил пуговицу кителя собеседника, то похлопывал по плечу. Вот и тут он, начав что-то рассказывать Валерию, стал по привычке охлопывать его, но до плеча не достал — тот сидел на подоконнике — и рука его упала на бедро. Однако он тут же отдернул руку, ударившись костяшками пальцев о что-то твердое.

— Гм, чего это ты такой твердый? — спросил с удивлением. — Каратист, что ли?

— Ну, скажешь… Какой из меня каратист?.. — ответил Валерий с самым простодушным видом. — Протез это…

Физиономия озадаченного капитана приняла преуморительное выражение, он сощурил один глаз и покрутил пальцем возле виска:

— Ты что… думаешь, я того… Так я тебе и поверил! Разыгрываешь?

Не раз еще придется доказывать, что ты такой, как все. Вот еще случай… Однажды Валерий возвращался из города: сослуживец вызвался подбросить на своей машине, а по дороге посадили еще одного пассажира, гражданского парня. Ехали поздно. На переезде, где машина, сбавив ход, почти остановилась, неожиданно из темноты возникли фигуры: трое парней, поодаль — девочки. Ясно было, что компания навеселе: они кривлялись, галдели. Один из парней, верзила, подскочил к машине и с диким воплем «Йа-а-а!» подпрыгнул и лягнул кузов ногой. Водитель, обидевшись за своего «Жигуленка», вышел из кабины и что-то резкое стал выговаривать «Длинному». Тот его ударил, сначала ногой, потом рукой. От неожиданности водитель стушевался и отступил на шаг в сторону. «Длинный» ринулся вперед и сбил с ног оказавшегося на его пути гражданского пассажира. Теперь перед ним оставался один Валерий, который, увидев, что дело принимает опасный оборот, тоже поспешил выйти из кабины. Он отразил удар ноги «Длинного», потом двинул его в челюсть: не прошли даром уроки бокса, полученные

в юности.

— Не трожь его! Он инвалид! — услышал Валерий позади себя крик водителя. Не сразу понял, к кому это относится. «Кто инвалид? Я?!»

«Длинный», озверев, вновь пошел на Валерия, но тот свалил его точным ударом наземь. Компания, получив дружный отпор, ретировалась.

Понял Валерий после этой истории, что может, в случае чего, постоять за себя.

К концу первого месяца учебы втянулся в новую жизнь, приноровился к ее ускоренному ритму, к плотному распорядку. Нагрузки возрастали, но самочувствие было хорошее, «вошел в форму», говорят спортсмены.

Однажды друзья пригласили Буркова на волейбольную площадку. Согласился, а потом пожалел… Он даже не подозревал, как взволнует его один вид мяча, летающего над сеткой, завидовал парням, зависающим в прыжке для «забойного» удара. Пришел в сильное возбуждение от азартных возгласов, свиста — знакомой картины, оживляющей любую площадку, на которой соберутся две любительские команды.

Но тут же его волнение погасло. С щемящей грустью наблюдал он за игрой: стало тоскливо на душе: неужто ему только и осталось одно — стоять в стороне? Не стал растравлять себя, ушел…

Но на другой день что-то настойчиво потянуло его вновь на то же место: «Надо попробовать…» Придя на площадку, осмелел, встал в круг на распасовку. Разминка прошла благополучно: кажется, получалось. И вроде никто не обратил внимание на чрезмерное старание странного игрока — вроде бывалого, но малость скованного. Дальше — лучше: уверенно принимал мяч, точно передавал партнеру. Играл недолго. «Хватит на первый раз», — решил про себя.

Устал, чего говорить, с непривычки. Возвращался в гостиницу — рубашка мокрая, хоть выжимай. В таком виде и повстречал его начальник курса возле гостиницы — потного, взъерошенного, запыленного.

— Откуда это вы? В таком виде… — спросил он.

— В волейбол играл, — ответил Валерий.

Поглядев на Буркова, которого распирало от радости — рот до ушей, начальник курса только рассмеялся и, покачав головой, зашагал восвояси, потом, обернувшись, остановился и проводил молодого офицера долгим взглядом.

Следовало закрепить успех. По вечерам Валерий регулярно наведывался на площадку. А однажды так разыгрался, что в

протезах поломались почти все подшипники, протезы перестали разгибаться и сгибаться — заклинило. Хорошо, выручили игроки. Посадили на велосипед, подаренный Валерию сокурсниками, докатили до гостиницы. Дома у него хранился запас нужных деталей, он быстро устранил неисправность и снова вернулся в команду.

Бурков не предполагал, что учеба в академии так захватит его. Он понял, что боевой опыт, приобретенный им, будет по-настоящему ценен и нужен лишь в связи с новыми знаниями, с основательным изучением теории. Военная мысль — глубокая, точная — это боевой опыт, помноженный на хорошую теорию. Валерий уже на первом курсе берется за серьезную исследовательскую работу: «Разрешение некоторых противоречий, возникающих при организации взаимодействия авиации с наземными войсками».

…В сентябре слушатели курса выезжали на учения. Начальник курса предложил Буркову для передвижения в полевых условиях свой «уазик», но тот категорически отказался: «Не надо. Как все — так и я…» Ездил вместе со всеми на бортовой машине. Сперва залезал в кузов с помощью товарищей, потом научился проделывать это самостоятельно, в один прием, и даже спрыгивал с борта на землю. В результате к концу учений, а длились они почти четыре дня, протезы совсем сломались, пришлось переучиваться ходить на новых.

…В субботу, погруженный в свои занятия, Валерий не заметил, как свечерело. Не успел зажечь настольную лампу — в дверь громко постучали.

— Привет рыцарю печального образа! — ворвался в тишину комнаты молодой крепкий бас однокурсника капитана Сергея Петрова.

Учились они на разных факультетах, но встречались часто, вместе проводили свободное время; молодых офицеров связывала давняя дружба, начало которой положено еще в Афганистане, не раз сводили их там военные пути-дорожки — крепче такой дружбы не бывает.

— Все корпишь?.. «Первым делом, первым делом…» — пропел Сергей начальные слова известной песни. — Первым делом у них — конспекты, тактика, диспозиция… А девушки?! Как вам не ай-яй-яй, молодой человек! — воскликнул он с шутливой укоризной. — Вот что… Кончил дело — гуляй смело! Идем, проветришься.

Валерий с видимой неохотой подчинился уговорам друга, стал одеваться.

— Может, в Дом офицеров? — предложил Сергей. — Говорили, шефы приедут: концерт, потом танцы.

Веселое, беззаботное настроение друга передалось и Валерию: отчего бы, в самом деле не развлечься.

После шефского концерта Сергей повлек Валерия в фойе.

— Слушай, давай останемся на танцы. Я на прошлой неделе познакомился с интересными девушками — обещали прийти.

Играл оркестр, звучал вальс. Своих знакомых Сережа обнаружил не сразу, они стояли у стены за высокими колоннами. Сергей потащил Валерия к ним:

— Знакомьтесь, девчата, — геройский парень, но скромняга. Не сомневаюсь, он вам понравится. Если не сейчас, то потом, с гитарой в руках — вот увидите…

Петров пригласил на танец ту из девушек, которая назвалась Леной, и закружил ее в вальсе. Валерий остался стоять возле Ирины, стройной, кареглазой.

— А мы разве не танцуем? — спросила она.

— Лучше в другой раз… Знаете что… — предложил он, — тут есть кафе, и, наверное, найдется свободный столик. Идемте, посидим…

В уютном кафе музыка звучала тише и не мешала беседе. Здесь Валерий понемногу разговорился, но о себе рассказывал скупо. От Ирины он узнал, что живет она недалеко, на соседней станции, окончила институт, работает. Девушка ему нравилась. Пожалуй, ни у кого прежде не видел он такой улыбки — столько света в ней… Черты лица тонкие, мягкого рисунка. Шатенка, короткая прическа, на щеках нежный румянец. Нравилась ее простая манера поведения. Одним словом, было все, чтобы случилось то самое — «с первого взгляда». Во всяком случае, знакомство состоялось. Скованность первых минут прошла, Валерий шутил, смеялся — он был просто самим собой. Не заметил, как пролетел вечер.

Валерий провожал Ирину до электрички. Но когда возвращался, радостное настроение покинуло его. За последние полтора года жизнь научила его строго оценивать свои поступки. Задумывался ли он раньше, всерьез, о праве на личное счастье? И разве мало ему того, что у него есть: служба, учеба в академии — чего тебе еще надо? — всего добился. Разве это, само по себе, недостаточно для счастья? Порассуждав так и эдак, он, кажется, окончательно запутался и махнул рукой: «Пройдет».

Через неделю напомнил Валерию о субботнем знакомстве «зачинщик» его, Сергей.

— А знаешь, друг, между прочим Лена звонила, передавала тебе привет от Ирины, они обещали прийти сегодня опять на танцы.

— Я не пойду, — отрезал Валерий. — Какой с меня танцор?..

— Это ты брось, — сказал Сергей. — Будто я не помню, как ты отплясывал в «Интуристе» на своих именинах… Пойми, что я обещал: придем, мол. Дал слово гвардейского офицера. Ты уж не подводи меня.

— Ну ладно, — согласился Валерий. — Уговорил… За честь гвардии капитана…

В тот вечер Валерий пригласил Ирину на танец. Играла музыка, в такт ей двигались пары. Валерий увлек девушку в самую середину зала, чтобы затеряться среди танцующих; но, посмотреть со стороны, он ничем не выделялся среди других — партнер, как все. Только Ирина порой поднимала вопрошающий взгляд, в котором Валерий, будь он чуть внимательней, прочел бы оттенок недоумения: непонятным казался ей кавалер… Лицо так странно меняется: то весел, остроумен — становится моложе своих лет, то вдруг делается старше — задумчивость нападает. И движенья в танце у него какие-то странные: передвигает ноги как-то… механически, что-ли? Что с ним?

Танцевали недолго. Потом снова сидели в кафе. На этот раз Ирина была в другом настроении. Разговаривала мало, отвечала невпопад, взгляд задумчивый. Валерий заметил перемену в ней, но если бы ему дано было заглянуть в душу девушки, он открыл бы для себя нечто большее. Но на то и существуют тайны, как и хранимая отныне Ириной: она сделала свое открытие, признание себе самой — ей нравился этот странный майор.

На этот раз Валерий провожал Ирину до самого дома. Перед тем, как расстаться, долго еще сидели на лавочке.

— Поздно уже… — тихо проговорила Ирина. — Я пойду…

— Да, пора, — согласился Валерий, — как бы не получилось, как в той песенке «опять по шпалам» — скоро последняя электричка. — Однако уходить не торопился. Достал записную книжку. — Знаешь что… Давай запишем на всякий случай наши телефоны…

…По номеру, записанному рукой Ирины, Валерий позвонит только через несколько месяцев. Ирина не раз звонила сама. Он подходил к телефону, но, услышав знакомый волнующий голос, клал трубку. Сережа Петров, которому Лена сказала, что Ирина безуспешно ищет встречи с Валерием, крепко отругал своего друга:

— Сколько ты будешь мучить такую хорошую девчонку?!

На возражения Валерия насчет того, что, мол, жизнь сложна,

а еще есть кроме того свои, особые сложности, Сергей отреагировал просто:

— Сам все усложняешь. Ирина все знает о тебе… Вопросов у нее на этот счет нет: ты ей нужен такой, каков есть…

Отчего так велик оказался испытательный срок, назначенный им себе? И зачем Валерий нарушил его сам? Этого он не смог бы объяснить. Так уж устроена душа человека. В конце концов он понял одно — без Ирины жить не сможет. Речь шла, как говорили в старину, «о серьезных намерениях». В один прекрасный день Валерий решился и поехал к ней. Просить руки и сердца…

Вместо эпилога

Мне удалось встретиться с героем моего повествования Валерием Бурковым в доме его матери, в Челябинске, на другой день после его свадьбы. Валерий привез невесту в родной город. Рассказывали, на свадьбе Валерий отплясывал цыганочку — он и тут сдержал свое слово.

В тот погожий летний день, и дома, и потом, когда мы отправились в училище, где Валерию предстояло выступить перед курсантами, они, Валерий и Ирина, всюду были неразлучны. Присутствовала она и при моей долгой беседе с Валерием. Глядя на нее, я подумал о том, какую трудную заботу принимает она на свои тонкие руки, на хрупкие плечи. Но стоило увидеть свет в ее глазах, сразу уверился — все под силу любящей душе.

Еще запомнилось… Это когда они собрались втроем: Валерий, мать его, Александра Тимофеевна, Ирина… У меня тогда возникло ощущение того, что, наверное, человеческое счастье способно передаваться на расстояние. Нельзя было не восхититься их умению, таланту быть вот такими счастливыми. Наверное, каждый по-разному, но счастливы были они одним счастьем.

Во время работы над этой повестью я старался не терять с Бурковым связь. Мы переписывались. Валерий писал мне о своей учебе, о жизни.

Вот несколько строк из письма, которое я получил от него весной 1987 года:

> *«…Как обстоят дела с моими первыми опытами военно-научной работы? Отвечаю. На одну я уже получил рецензии. Сейчас она находится в Главном штабе ВВС. Работа признана нужной и стоящей; в рецензии сказано: «Положение» заслуживает издания с целью широкого*

внедрения в практику боевой подготовки войск».

Написал второе «Положение», которое является логическим продолжением первого. Его уже читали на разных уровнях, и теперь торопят, чтобы оформил его по официальной линии (я ведь всем этим занимался самостоятельно, по своей инициативе). Но я решил ввести в это «Положение» еще одну главу о деятельности в мирное время, так как в этом вопросе есть пробелы. Для изучения этой проблемы я специально ездил во время своих каникул в воинскую часть Белорусского военного округа.

Попутно заканчиваю третью работу. Она касается того, что мы еще в Афганистане предлагали по совершенствованию управления авиацией. По этой теме я выступал на научной конференции.

Попросился участвовать в двух научно-исследовательских работах, которыми занимается наша академия. В одну из них меня включили. В другую — тоже, но «по касательной».

Ну, и еще я попутно стыкуюсь с двумя институтами, делающими кое-что для авиации, и там нечто свое предложил на пользу общему делу. А то получается, делают они для нас иногда не совсем то, что нам надо, вот я и решил им помочь, чем могу. И хорошо, что такую «неформальную» помощь они приняли.

Теперь о семье. Одиннадцатого января у нас родился сын — Андреем назвали (3500 г, 54 см). Видимо, в будущем будет петь в Большом театре — уж очень голосистый. Похож на меня: особенно ушами и лапами — такие же длинные и плоскостопые.

Ирина чувствует себя хорошо. Она вообще у меня умница. В женитьбе мне, похоже, здорово повезло. Иринка мне говорит, не ожидала, что я буду так сильно любить сына, пока он такой маленький да неказистый. А я, наоборот, без него сейчас себя представить не могу: такой маленький, хороший и уже улыбается, «агу» папе говорит. Мы с ним уже и петь на пару пытаемся. Теперь главное — воспитать из него человека…»

Осенью 1987 года я был в Москве, заехал к Валерию. На КПП военного городка академии с очень строгим пропускным режимом мне пришлось обождать больше часа, пока за мной не пришла Ирина. Я не сразу ее узнал, она сильно изменилась в замужестве: сказать, что еще больше похорошела, будет не совсем

точно, о таком явлении говорят «расцвела», как это дано бывает натурам очень женственным.

Валерий, вернувшись со службы, встретил меня дома, но, извинившись, исчез на недолгое время по своим делам. А я, пока Ирина занималась на кухне приготовлением ужина, посидел с Андрейкой. Малыш делал свои первые шаги. Вел себя спокойно. Мы с ним мирно играли и вроде остались довольны друг другом.

Засиделись мы с Валерием в тот вечер до двух часов ночи. Разговор у нас шел вольный: о прочитанных книгах, о музыке, вспоминали разные авиационные истории. «За жизнь» говорили, в общем. На прощанье Валерий вручил мне кое-что из своих дневников, я просил их у него для работы над повестью, и магнитофонную кассету с некоторыми воспоминаниями о службе в Афганистане.

Спустя некоторое время Валерий снова написал мне, поделился своими воспоминаниями, размышлениями. Валерий писал:

«…Почему я сразу, без раздумий (правда, тогда на них у меня просто не было сил), в первый же день после ранения, просил помочь мне остаться в армии, а вернее, решил остаться? И в Ленинграде, в госпитале меня спрашивали: «Зачем теперь тебе служба в армии?». В Афгане я понял, а точнее, испытал на себе, к чему приводят существующие в армии недостатки. Я и раньше их замечал, но в мирной жизни они не так ощутимо (так мне казалось) проявлялись. Поэтому, уже после Афгана, я извлек для себя такой вывод: если меня оставят в армии, то работы мне хватит (и не мне одному — на всех), и что с тем, что мы называем «плохо», надо бороться крепко. А это можно сделать, лишь оставшись в армии.

Уже здесь, в академии, я иногда думал: а вдруг… а что бы я делал, если б меня не оставили в Вооруженных Силах? Мне кажется, я все равно написал бы свое «Положение» и второе — тоже. Не знаю, как бы я это сделал, но, уверен, сделал бы.

Я, конечно, знаю, что на гражданке в смысле каких-то удобств мне было бы легче жить. Но это не мое.

И сейчас мне советуют: давай оставайся в академии, тебе будет здесь во всех отношениях хорошо (особенно в житейском). А это мне и претит.

Спокойно жить — значит жить плохо, не в полную силу, а это значит — для себя. Я такой жизни не хочу, да, наверное, если бы даже и захотел, у меня бы не

получилось. Это — тоже в крови. И отец и мать меня в таком духе воспитывали.

…По поводу того, что вступил кандидатом в члены партии только в 1986 году. Мне этот вопрос здесь задавали. Еще в училище я многое понял: для чего, кто и как вступают в партию. Дальше — больше: в жизни стал лучше разбираться. Как-то раз прочел (уже офицером) выступление Брежнева в Ташкенте. Мне тогда оно понравилось, но было непонятно, отчего же так плохо на местах. А потом, когда началась кампания по поводу его «Малой земли», «Целины» и т. д., я просто не стал их конспектировать, хотя нас заставляли (Вы не хуже меня знаете, как это было). В общем, у меня не было доверия к некоторым из тех, кто оказался в то время в партии по каким-то причинам. Об этом сейчас многое сказано. Сказано ясно, честно. Я думаю, Вы меня поняли…

Но батя мне всегда говорил: если не мы, то кто же будет бороться за чистоту рядов нашей партии? Кто будет бороться, если позволим оставаться в ней прохиндеям, а сами уйдем в сторону?

И вот только в Афгане я очень захотел вступить в ряды нашей, ленинской партии, готовился всерьез, но не успел…»

По окончании академии Бурков получил назначение в Главный штаб ВВС. Служба — ответственная, напряженная. Кроме того, он постоянно в гуще общественных дел — активно работает в организациях «афганских» ветеранов. Во всяком случае, его трудно застать дома.

В 1988 году я писал ему из Юрмалы: «Хотелось бы, Валерий, встретиться с тобой, скоро буду в Москве». Но в Москве на мой телефонный звонок ответила Ирина: «Валерий — в Южной Корее, улетел в Сеул». Разузнал подробнее: он ездил туда с олимпийской командой нашей страны в составе «группы поддержки». Пример его мужества, оказывается, нужен и нашим олимпийским звездам.

Особая статья биографии Буркова — его стихи, песни. Наверное, читатели уже знакомы с его выступлениями по Всесоюзному радио. Есть его «афганские» песни и в грамзаписи. Приезжал Валерий со своими ребятами, «афганцами», и в Челябинск. Ансамбль выступал во Дворце культуры ЧМК.

Хранится у меня снимок Валерия на развороте «Огонька», был опубликован о нем большой очерк в «Правде», дошли до меня слухи о его выступлении перед писателями в Центральном доме литераторов, там он был принят исключительно тепло. Мне, как

автору, было лестно об этом услышать. Хотя не в этом дело: важно, чтобы люди знали о нравственном примере подвига Буркова, знали больше, особенно молодежь. Своей повестью я стремился внести в это свою посильную лепту.

Сейчас можно предположить с достаточной определенностью, как сложится судьба героя этой повести майора Валерия Буркова. Но, главное, можно быть твердо уверенным в одном — ему дано прожить жизнь настоящего человека.

1987—1990 гг.

Юрий Карпов
СТИХИ ИЗ «АФГАНСКОЙ ТЕТРАДИ»

Он пришел в редакцию с тоненькой тетрадкой стихов. Высокий, спортивного вида, был взволнован и удручен.

— Я написал об Афганистане так, как было на самом деле. Куда бы ни предлагал — нигде не печатают. Говорят, время не пришло. Так когда же оно наступит?..

Стихи его нам понравились. Мужественной суровостью и обнаженной правдой. Сказали, что напечатаем. Решили побеседовать о его судьбе.

Юрий Карпов родом из Челябинска. В двенадцать лет уехал в село Тарутино Чесменского района, воспитывался у тетки. В детстве и юности мечтал стать летчиком. И когда призвали в армию, он решил поступить в военное училище. Закончил Сызранское. Летал на вертолетах и транспортных, и боевых.

В январе 1980-го в числе первых советских воинов оказался в Афганистане. В раскаленном афганском небе капитан Юрий Карпов летал сначала летчиком-штурманом, потом командиром экипажа. Душманы сбили оба его вертолета. Все члены экипажей погибли на его глазах. Сам он был дважды ранен, чудом остался жив — спас гранитный выступ, за который его выбросило при взрыве машины.

Стал инвалидом, комиссовался. От всех афганских льгот наотрез отказался.

— Почему? — спрашиваю его.

— Мой отец — участник Великой Отечественной, брал рейхстаг. Он защищал наше Отечество. А мы что?.. — ответил Юрий. Затем, немного помолчав, достал из нагрудного кармана записную книжку, открыл ее и показал фотографию красивой русоволосой девушки в военной форме. — А вот она навсегда осталась там. Кто ее мне заменит? Скажите, кто?..

Спустя несколько дней Юрий вновь появился у нас в редакции.

— Не пишите обо мне. Если можете, напечатайте только стихи и мое предисловие к ним. Гонорар мне не нужен…

А потом он исчез и больше не появлялся.

Спустя месяц в издательство позвонили его друзья и с горечью сообщили, что Юрия уже нет в живых: он утонул в реке. Что это — трагическая оплошность или сознательный уход из жизни, которая стала для него невыносимой? Ответ на этот вопрос мы никогда не узнаем. Но остались стихи этого честного,

бескомпромиссного парня. Стихи, написанные там, в Афгане, и после него, — крик расстрелянных дней и ночей.

Мы, как и обещали, публикуем эти стихи вместе с его предисловием.

Эти стихи я посвящаю тем, кто не вернулся с многострадальной земли и из огненного неба Афганистана. Всем тем, в чьи семьи пришло непоправимое горе утрат, которое раньше времени согнуло и состарило матерей погибших ребят. Всем тем, которые, роняя безутешные слезы свои, все ждут и ждут, хотя понимают, что ждать уже некого и нечего.

Думаю, стихи эти будут и немым укором тем, кто с больших трибун говорил пышные, увенчанные тирадами похвал речи и писал аршинные статьи о милосердии и сострадании к воинам-интернационалистам, а на деле это оказалось просто брошенными на ветер словами. Тем, кто клялся живым парням в верности, дружбе и боевом братстве, а к мертвым даже за много лет не соизволил ни разу приехать на могилу. Тем, кто говорил о чести и долге, а сам, растоптав эту честь, проходил с равнодушным видом мимо матерей и отцов погибших товарищей, сделав вид, что не замечает их.

Пусть эти строки обожгут сердца и души тех, кто, воровато озираясь по сторонам, тряс вещевые мешки убитых в бою товарищей. Тех, кто клятвенно обещал ждать и непременно дождаться, вроде бы искренне говорил о своей беззаветной женской любви, а потом, напрочь отказавшись от своих слов, а заодно и от любви, в ужасе шарахался в сторону при виде пустых рукавов и подобранных штанин, кто бежал сломя голову в нарсуды расторгать поспешно браки, оправдывая свои поступки дремучей философией: «А я тут при чем? Мне еще хочется красиво пожить!»

Гонорар за опубликованные стихи прошу редакцию перечислить в фонд помощи воинам-«афганцам», пострадавшим в этой чужой для нас войне.

Дорога на Баграм

Как пел свинец, тишь в клочья изодрало,
Моторов рев, по мертвым тут и там.
Пылали скалы и душа пылала —
Такой была дорога на Баграм.

Бил в люки чад, месили павших траки,

Снимала смерть свой страшный урожай.
В который раз, шальные от атаки,
В огне орали глотки: «Заряжай!»

И жизнь, одна другую обрывая,
По залпу залпом с ненавистью бьет.
Был день, как ночь, во взрывах завывая,
И каждый думал: он уж не придет.

Земля, дымясь, простреленною стала,
И нахлебался крови пулемет,
И, скрючась, сталь с бойцами догорала.
И тех и нас, не всех строй соберет.

Как пел свинец, тишь в клочья изодрало,
Моторов рев, по мертвым тут и там.
Пылали скалы и душа пылала —
Такой была дорога на Баграм.

Последний бой

(Стихи и патроны)

Посвящается поэту, воину-интернационалисту, погибшему у перевала Саланг

Одни в обороне,
Одни — своих нет.
Стихи и патроны,
И с ними поэт.

Да пули, что звонко
Поют, неся смерть,
И нет уж силенки
Кровь утереть.

И крикнуть бы впору,
Да горы глухи.
Осталось затвору
Дослать лишь стихи.

«И где вы, ребята?..

Прости меня, мать!»
Но пальцы гранату
Успели достать.

И все прекратилось,
Как будто был сон.
И только скатилась
Слеза на погон.

А бой за «зеленкой»,
Где скал грубых твердь,
В листке похоронки
Стал эхом греметь.

Афганские склоны

(15 февраля 1989 г.)

Сквозь зной запыленный,
где ветры поют,
Землей опаленной
колонны идут,
Землей опаленной
колонны идут,
Да только до дома — такой у нас путь.
Афганские склоны,
Багровый их цвет,
Стихи и патроны,
Гранита завет,
И юности грозы,
Окопа приют,
Прощания слезы,
Бессмертья салют.
А письма, тревоги…
не будет их, нет.
Вон там, у дороги,
оставили след
Афганские склоны,
Багровый их цвет,
Стихи и патроны,
Гранита завет
И юности грозы,

Окопа приют,
Прощания слезы,
Бессмертья салют.
Но сменится это
на мир и уют.
С брони разогретой
за нами сойдут
Афганские склоны,
Багровый их цвет.
Стихи и патроны,
Гранита завет
И юности грозы,
Окопа приют,
Прощания слезы,
Бессмертья салют.
Сквозь зной запыленный,
где ветры поют,
Землей опаленной
колонны идут,
Землей опаленной
колонны идут,
Да только до дома — такой у нас путь.

Для нас в Афгане тишина…

Для нас в Афгане тишина,
Никто не плачет и не стонет,
Никто не плачет и не стонет,
Для нас в Афгане тишина —
Солдат оттуда не хоронят.

Ушли все, кончена война.
И только ветер один тронет,
И только ветер один тронет
Надгробий скорбных имена.

И каждый спит, уверен в том —
Страх не заходит с почтальоном,
И что конверт, пришедший в дом,
И что конверт, пришедший в дом,
Не будет вестью к похоронам.

Ушли все, кончена война.
И только ветер один тронет,
И только ветер один тронет
Надгробий скорбных имена.

И все оплачено сполна
Так щедро пролитою кровью,
И чаша горечи полна,
И чаша горечи полна
Слезами, с долею в них вдовьей.

Ушли все, кончена война,
И только ветер один тронет,
И только ветер один тронет
Надгробий скорбных имена.

И не ударит пулемет,
Не срежут больше из засады.
А сына мать все так же ждет,
А сына мать все так же ждет
Из-за кладбищенской ограды.

Ушли все, кончена война.
И только ветер один тронет,
И только ветер один тронет
Надгробий скорбных имена.

Для нас в Афгане тишина,
Никто не плачет и не стонет,
Никто не плачет и не стонет.
Для нас в Афгане тишина —
Солдат оттуда не хоронят.
Для нас в Афгане тишина.

Село Тарутино Челябинской области

ФОТОГРАФИИ

Торжественное принятие военной присяги.

Первый самостоятельный вылет — на «отлично»!

Парашютисты.

Очередной прыжок выполнен успешно.

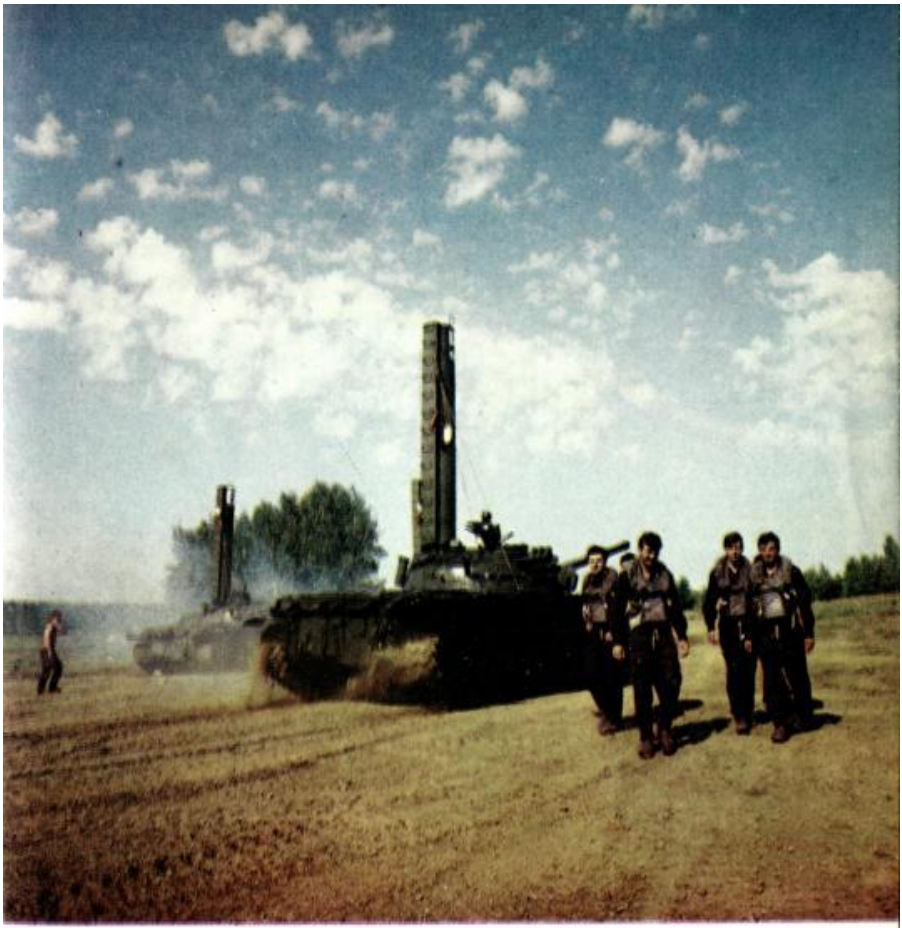
Перед вылетом.

В атаку — вперед!

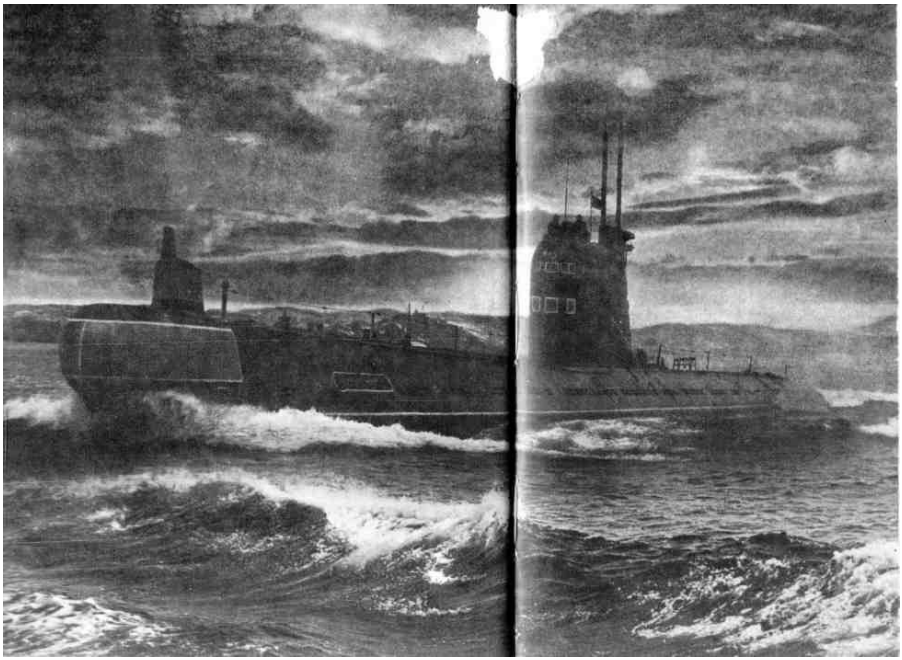
На командном пункте артдивизиона.

На охране Государственной границы СССР.

Перед трудным маршем.



Для танкистов река не преграда.



Подводная лодка «Челябинский комсомолец» на охране морских рубежей.

Перед подводниками-уральцами выступают участники художественной самодеятельности Златоуста.

Старший прапорщик Н. А. Уфимцев инструктор роты учебных машин.

Старший преподаватель кафедры конструкции двигателей ЧВВАИУ подполковник Ю. Г. Чигинцев — известный в училище рационализатор.

Прапорщик В. Грунтовских — инструктор практического вождения многоосных машин.

Начальник политуправления округа генерал-лейтенант В. В. Филиппов вручает высшую награду Отчизны родителям младшего сержанта В. А. Александрова, погибшего в Афганистане (снимок сделан в июле 1988 г.).

Герой Советского Союза младший сержант В. А. Александров, удостоенный высокого звания посмертно.

Герой Советского Союза подполковник В. А. Востротин (ныне он полковник) получил Золотую Звезду за участие в боях в Афганистане.

Герой Советского Союза рядовой Н. Я. Анфиногенов, удостоенный звания Героя посмертно.

Марш-бросок был нелегким.

Так начинается путь в небо.

Атакует пехота.

Эти парни служат во внутренних войсках.

В воскресный день.

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ

Николай Иванов
ДУМА КАПИТАНА

«Ласточки» были горячие и грязные, капитан хмур и несдержан.

— Плохо! — он ходил вдоль строя курсантов и никак не мог остановиться. Казалось, и мысли, слова его будут разбросанными, без логики и единого смысла, но здесь все было как раз наоборот: капитан говорил хоть и горячо, но кратко и ясно. — Повторяю еще раз: плохо! Мы уже на третьем курсе, и «ласточки», — он указал на замершие, словно курсанты в строю, танки, — должны летать в наших руках. А мы? На вершинах останавливаемся, рытвины объезжаем, на подъемах глохнем. Из всего заезда только с курсантом Бедой беды не знаю, остальные…

Капитан оглянулся на трассу. Разбитая после дождей, разъезженная во все стороны, она стала гораздо сложнее, чем в начале занятий. Но капитан голос не смягчал, а припудренные пылью и гарью брови вообще свел в одну черту:

— Танки теперь — ваш хлеб. Ваша совесть, ваш долг. Ваша жизнь.

Увидев преподавателя, подал команду, доложил о готовности группы к продолжению занятий. Проводил взглядом вначале курсантов до люков машин, затем — танки до первого поворота. Присел на траву. Раскрыл тетрадь, быстро сделал несколько записей. Задумался.

Задача любого военного училища — не только подготовить высококлассного специалиста, профессионала, но и воспитывать честного, умного человека. Только такой сплав дает вчерашним юношам высокое и гордое звание — офицер Советских Вооруженных Сил. Ими станут те, кого только что отчитывал он, капитан Кирпиченок Олег Дмитриевич, командир курсантской роты. Отчитывал… Более всего капитан не желал этого. С курсантами надо говорить серьезно, без скидок на возраст, год обучения. Потому что слишком серьезная и ответственнейшая задача ляжет им на плечи вместе с лейтенантскими погонами: им обучать и воспитывать воинов. А на тройки или даже на четверки защищать Родину не позволено никому. В деле обороноспособности страны признается лишь один критерий, одна оценка — «отлично».

«Только так», — капитан захлопнул тетрадь. Встал. Над танкодромом стоял гул — боевые машины шли по трассе.

По скорости не уступающие иному автомобилю, по

проходимости — вездеходам, по сложности оборудования — компьютерам, современные танки воистину гармония красоты и силы. И если чему в первую очередь стоит удивляться, то это тому, что ими управляют обыкновенные парни…

— Но не добавляйте, что по уши влюбленные в технику, — хитро стрельнул глазами в мой блокнот тот самый курсант Беда, которого отметил капитан. Почувствовав взгляд командира роты, невинно посмотрел в небо и пояснил: — Просто у нас уши всегда прикрыты шлемофоном.

Скупы на лишнее слово танкисты. В машине все подчинено самому танку — его скорости, мощи, огню, маневру, а подчинить танк себе — на это способны лишь люди мужественные, все-таки влюбленные по уши в свою «броню», верные слову и не любящие пустословия. На первый взгляд, может показаться, что современный танк разъединил, разбросал экипаж по разным углам своих внутренностей, оставив для общения людей лишь черные шнуры ТПУ — танкового переговорного устройства. Но согласимся, что выстрел — это плод коллективных усилий. Меткий выстрел — это произведение искусства. Военного, конкретное имя которому — профессионализм.

А гул удалялся, «ласточки» лишь изредка мелькали на взгорках, между рощицами. За ними тянулся синий хвост отработанного горючего: и казалось, что танкам надо ото рваться от него, разметать по трассе. В такой стремительный танк попробуй попади.

Кирпиченок машинально провел рукой по волосам, прикрывавшим шрам на затылке, с недавних пор это у него вошло в привычку, жест означал признак волнения. В Афганистане однажды он вынужден был остановиться, прикрывая выход афганцев из ущелья. Вылез из люка танка, поторапливая колонну. И, видимо, стал хорошей мишенью: пуля ударилась вначале о крышку люка, затем срикошетила ему по голове и спине. Так что замечания насчет остановок на трассе — не просто пожелания, это опыт…

Капитан посмотрел на часы, прикинул время: до конца занятий успевал обойти другие взводы и вернуться вновь на трассу к разбору вождения.

…В казарме дневальный нарезал мыло и разбрасывал похожие на стружку завитки по влажному полу — готовилась приборка. Дежурный поправлял развешанные на спинках кроватей вешалки из стальной проволоки — только такие выдерживают танковые комбинезоны. Два взвода занимались на тренажерах, лязгая рычагами.

Все, как обычно. За первым тренажером — старшина Юрий

Лившиц. Прикрыл веки, тренируется вслепую. Этому усложнять задачи не надо, сам найдет себе дело. Прошел Афганистан, служил там артиллеристом. «Уважаю все, что мощно стреляет». — сказал на мандатной комиссии при поступлении в училище. «Почему же тогда выбрали танковое училище, а не артиллерийское?» — «А еще люблю, чтобы не только стреляло, но и ездило». Взгляд открытый, сам высокий, стройный, на груди — медаль «За боевые заслуги». Поступил Юрий. Сейчас — первый помощник офицерам. Как и многие из тех, кто прошел солдатскую школу. Как много значит, когда человек уже испытал кое-что.

Капитан вздохнул: как мало таких у него в роте. Да и в училище в целом. Почему же мало парней идут в военные училища после службы в армии? А если и идут, то, как правило, многие отсеиваются в ходе экзаменов и после первых дней учебы. Проблема не только Челябинского училища.

Для себя ответ капитан Кирпиченок нашел: командиры и политработники в частях вопросом отбора в военные училища солдат и сержантов занимаются крайне слабо. Сам помнит по прежней службе: если с них еще спрашивают, сколько человек направлено для учебы, то о том, кто из этих направленных остался учиться, уже никого не спрашивают. Поэтому нередко некоторых военнослужащих просто уговаривают поехать в училище. А поступишь, нет, захочешь учиться или через месяц-другой вернешься обратно в часть — это вроде никого уже не волнует, за это никто не отвечает. Кого же мы обманываем?

Большинство в роте те, кто видел танки только в кино и на фотографиях, кто пришел в училище, следуя первому романтическому побуждению. И как важно поддержать этот романтический настрой в юношах, чтобы не исчезал он, пока не пробудится, не воспитается истинная любовь к профессии танкиста.

За одним из тренажеров — старший сержант Юрий Дубынин. Бывший суворовец. Если у школьников прочнее знания на экзаменах, чем у абитуриентов, прибывших из частей, а у последних преимущество в твердой жизненной позиции, в понимании воинской дисциплины, то суворовцы, как правило, на высоте во всех отношениях. Юрия сразу поставили командиром отделения, через месяц — замкомвзвода. Обычно сдержанный, основательный, Юрий в последнее время стал еще более взыскательнее относиться к себе, к подчиненным. Видимо, многое для него значат письма отца. Из Афганистана. Словно кончилось детство, и глазами отца, кадрового военного, посмотрел парень на то, чему учится. Не умаляя достоинств командира взвода

лейтенанта Пахомова, можно сказать: в том, что их взвод стал лучшим в училище, большая заслуга и Юрия Дубынина. Его добросовестности, работоспособности. Желания идти первым. Умения увлекать за собой других. А другие — тоже как на подбор: сержанты Олег Демин, Руслан Косыгин, курсанты Дмитрий Белов, Дмитрий Котов… Не взвод, а монолит.

И, глядя на возмужавших у него на глазах парней, капитан подумал: вот о ком надо рассказать нашей молодежи. Вот на чьем примере можно воспитывать детей. Но почему так слаба пропаганда военных училищ у нас в стране? Где яркие книги, кинофильмы о курсантах?

Мы, журналисты, утверждаем: редакции газет и журналов завалены письмами от мальчишек, которые хотят стать офицерами. Но прочесть, познакомиться со своей будущей профессией практически негде. Более того, даже в некоторых военкоматах не могут дать им полной и точной информации по военным училищам Союза, не говоря уже о том, чтобы показать какие-то яркие плакаты, дать памятки, проспекты. Не теряем ли мы тем самым потенциальных кандидатов в училища с детских лет?

Какому училищу завидует капитан, так это Рязанскому воздушно-десантному. Завидует конкурсу, который в иные годы перекрывает рейтинг ВГИКа. Значит, есть из кого выбирать. Наверное, не случайно только за последнее время пять выпускников этого училища стали Героями Советского Союза.

Я был в Рязани. Да, конкурс здесь огромен, абитуриенты, не сдавшие экзамены, порой по полгода, до первых снегов, живут рядом с учебным центром училища, не желая расставаться с мечтой стать офицером-десантником. А начальник училища все требует и требует, чтобы в каждом отпуске каждый курсант выступил в школе, ПТУ, техникуме; учебный отдел рассылает по военкоматам проспекты об училище — идет активная, целенаправленная его пропаганда. Видимо, есть смысл взять на вооружение опыт этой работы другим училищам страны.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться. Курсант Попов.

Кирпиченок посмотрел на курсанта. Сообразительности Сергею Попову не занимать, учебный материал схватывает на лету, но что до дисциплины… Два года только тем и жил, что убеждал всех: когда надо, я себя покажу. Что, опять подвох в вопросе? И курсанты еле заметно напряглись, ожидая реакции.

— Слушаю вас.

Нет, Попов спросил не о пустяке, не для того, чтобы «работать на публику», и без всякого подвоха — просил помочь разобраться в одном из механизмов. И, закатав рукава рубашки,

показывая принцип взаимодействия дисков и шестеренок, Кирпиченок подумал о другом: все, отбурлили первый и второй курсы. Его курсанты теперь не просто на третьем — они на старшем курсе. И, судя по всему, учат технику не для того, чтобы сдать сессию, а для себя.

— Спасибо, товарищ капитан.

Кирпиченок положил руку на плечо курсанта, на мгновенье задержал ее: пусть знает, что ему дорого это «спасибо», ничего в этом страшного нет. Посмотрел на часы — скоро должны возвращаться на исходное танки, ушедшие на трассу. Важно, очень важно уловить настроение курсантов после повторного заезда. Поверят в себя — будут танкистами, засомневаются — все равно будут, просто придется потратить дополнительное время на то, чтобы приобрести уверенность.

* * *

Богато традициями Челябинское танковое. А что еще отличает его от других училищ, виденных мною, — строгость, собранность. Вначале я думал, что это только от хорошо организованного учебного процесса, требовательности командования, преподавателей.

Но нет, не только потому. Здесь люди приучены ставить проблемы и разрешать их. Нам показали отзывы на выпускников Челябинского высшего военного танкового командного училища имени 50-летия Великого Октября.

На лейтенанта А. Вишнякова:

> *«Дисциплинирован, исполнителен. Программу обучения усвоил в полном объеме. Материальную часть танков и их вооружение знает отлично. С личным составом работать любит и умеет. Через год после окончания училища назначен командиром роты. Способен мобилизовать личный состав на решение любых задач».*

На лейтенанта С. Кока:

> *«Инициативен. Обладает большой работоспособностью, быстро и правильно реагирует на замечания, умело ориентируется в сложной обстановке. Легко переносит трудности».*

Нет сомнения, что подобные отзывы придут в свое время и на тех, кто носит сегодня черные погоны в золотистой курсантской

окантовке, в чьих петлицах застыли легендарные уральские «тридцатьчетверки». А пока… Пока курсанты осторожно подводят свои боевые машины на исходное: танки, покачнувшись, поклонившись земле, замирают. Те, кто сидел за рычагами управления, идут докладывать преподавателю о прохождении трассы. Их места уже готова занять следующая группа курсантов. Идет боевая учеба…

Сергей Александров
В УРАЛЬСКОМ НЕБЕ

Н-ский авиаполк на территории Приволжско-Уральского военного округа. Одна из задач, которые выполняют вертолетчики этого полка, — эвакуация экипажей спускаемых космических аппаратов после возвращения их на землю. Такие полеты сами летчики называют «большой работой». Летчики полка принимали участие во встрече космонавтов Ю. Романенко, А. Александрова, А. Левченко.

На аэродром «подскока» поступила команда на вылет в зону ожидания. Погода резко ухудшилась. Видимость уменьшилась до двухсот-трехсот метров, ветер, снегопад — условия очень жесткие. Было принято решение поднять в воздух самые опытные экипажи. Выбор пал на экипажи Е. Плотникова, А. Курзанова, В. Пономарева, В. Пушина.

Взлетели, вовремя вышли в расчетную точку. «Приехали», — говорят сами летчики. В полку в обиходе принято говорить не «летаем», а «ездим»: может, от гагаринского пошло «поехали!». Вот так, буднично вроде — «приехали».

Первым обнаружил спускаемый аппарат экипаж В. Пономарева, он барражировал за облаками. Передал данные паре вертолетов, которые ходили ниже. Они тоже, несмотря на скверную видимость, сумели установить визуальный контакт с посадочным модулем и сопровождали его до самой земли.

Телезрители, которым по программе «Время» показывали момент посадки экипажа космического корабля, могли видеть крупным планом волевое мужественное лицо вертолетчика майора Аркадия Курзанова — это на его борту находилась группа кинооператоров.

Приземлялись летчики буквально на ощупь. Вертикальной видимости — никакой, земля только угадывалась за снежными вихрями, метель внизу разыгралась не на шутку. Сели благополучно. Забрали космонавтов, доставили их к месту назначения. «Большая работа» завершилась успешно.

Много интересного можно рассказывать о каждом из участников этих вылетов на «большую работу». Евгений Плотников — военный летчик первого класса, его можно без всякого преувеличения назвать настоящим асом. В прошлом году он вышел победителем из весьма рискованной ситуации.

В воздухе, на высоте около двухсот пятидесяти метров, произошел отказ основной гидросистемы вертолета, а потом

отказала и дублирующая. Ручка управления, вырвавшись из рук пилота, стала описывать конус вращения, угрожая переломать ноги. Вертолет начал заваливаться на хвост и крениться. Еще немного и он, опрокинувшись, пойдет камнем к земле. Плотников, не потеряв самообладания, сумел, изловчившись, надавить на ручку управления ногой и отжать ее от себя. Усилие на ручке в этот момент составляло две тонны. Глядя на Плотникова, не скажешь — богатырь, невысокого роста, коренаст, обыкновенный человек. А ведь выдюжил! Правда, это надо обязательно отметить: он принципиально дружит со спортом. Исключительно четко действовали в экстремальной обстановке все члены экипажа: старший лейтенант Сергей Луков, опытный летчик-штурман (ныне он уже капитан, штурман звена) — это он помогал командиру отжимать ручку управления, борттехник, капитан Юрий Шевардин — он сумел вовремя перед приземлением вытянуть отяжелевшую рукоять рычага шаг-газа. Товарищи говорят о пилотах геройского экипажа: «В рубашках родились». Это очень близко к истине: шанс на спасение в подобной нештатной ситуации всего один из ста — так утверждают бывалые летчики. Всего чуть больше двух минут длился поединок экипажа с волей слепого случая. Победили мастерство, мужество летчиков.

Валерий Пономарев, командир звена, прошел испытание особого рода. Лично причастен к устранению опасных последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Прибыл в числе других экипажей на третий день после тех трагических событий. Он одним из первых пролетел над жерлом реактора, излучавшего смертоносную радиацию. Никто из них не обращал внимание на то, что показывал кабинный дозиметрический прибор, да и что там увидишь — стрелка зашкаливала. Честно делали свое дело: ведь только они могли закрыть жерло аварийного реактора, спасти тысячи и тысячи человеческих жизней и все живое вокруг. Сбрасывали мешки с песком, свинцовые чушки, бор. Приземлялись, брали груз и снова взлетали: спешили закрыть клубящийся облаком невидимой смерти кратер. Всего Пономарев со своим экипажем выполнил двадцать три вылета — это предел по принятой дозе.

Летчики не думали о наградах, о каких-то особых привилегиях, которые им достанутся за такие полеты. Они выполняли долг. Кстати, следует отметить: награждены немногие. Не до наградных листов было в сумятице разыгравшейся драмы. И денег летчикам больших за риск тоже не отвалили. Только командировочные. Лишь спустя какое-то время Пономареву объявили благодарность.

Капитан — отличник боевой и политической подготовки. Командует отличным звеном.

Есть среди авиаторов полка летчики, которые отличились в боевых действиях в Афганистане. В летной книжке майора Владимира Юдина, заместителя командира эскадрильи, на страницах, помеченных датами с июля 1985-го по июль 1986 года, все полетные задания записаны одинаково лаконично: «Боевой вылет».

Однажды экипаж Юдина высаживал десант. Площадка на гребне горной гряды не сказать, чтобы хоть мало-мальски годилась для посадки. Примостились на тесном пятачке, опершись только на два основных колеса, а переднее — висит над пропастью. И тут летчик-штурман докладывает: «Командир, справа разрывы!» Проявили выдержку. Обошлось. Взлетать они не имели права, не высадив десант.

В другом вылете летчики выручали экипаж вертолета, подбитого «духами». Заходили на посадку под прикрытием ведомого. Забрали людей, получивших сильные ожоги, и — в воздух. Надо было оказать ребятам первую помощь. Юдин передал управление правому летчику Фомину, чтобы достать аптечку. Только наклонился в кресле, как вертолет бросило в сторону. Это «правак» вовремя заметил пулеметные трассы, которые тянулись к борту вертолета, и резко отвернул, уходя из-под обстрела. В том вылете экипаж привез первую пробоину.

А к ордену Красной Звезды майора Юдина представили за обнаружение крупного каравана с оружием.

С Юдиным мне не удалось встретиться: он улетел в командировку, рассказывал мне о нем старший лейтенант Андрей Фомин, в недавнем прошлом летчик-штурман экипажа Юдина, а ныне уже сам командир вертолета.

В Афганистане Андрей вылетал на задания и с другими командирами. Несмотря на молодость, считался летчиком, имевшим солидный боевой опыт. Командиры-новички, вновь прибывшие из Союза, считались с его мнением. Однажды он вылетел на боевое задание в экипаже новичка, командира звена В. Тихонова. На отходе от цели командир повел машину по ровной линии, как над мирным полигоном. «Командир! Здесь так не летают!» — крикнул Фомин и, взяв управление, заложил глубокий крен. Едва успели отвернуть от огненной трассы, несущейся навстречу. Отделались только тем, что вырвало блистер. Обломком плексигласа зацепило голову правого летчика, сорвало шлем, рассекло лоб. «Ничего, обошлось, — смеется Фомин. — Залатали, заштопали и на другой день снова на вылет».

За те полеты молодой летчик награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

И здесь, в мирном уральском небе, Андрей Фомин летает по-боевому. Молодой командир уже приступил к программе полетов в сложных условиях. «Влез в облака» — есть такое выражение в обиходе летчиков, так называется новый этап командирского становления. Андрей весь искрится веселой энергией, молодым жизнелюбием — славное это время, когда у тебя все впереди, и небо, такое большое, открыто пред тобой, и подвластны любые выси. Молодые все рвутся летать, но от Фомина услышишь чаще других: «А почему меня не планируют?» Многое взял молодой летчик от таких опытных наставников, как майор Курзанов, капитан Пономарев. Их школа — школа настоящего летного мастерства.

Майор Пушин, командир звена, имеет уже немалый опыт полетов на «большую работу». Вместе со своими коллегами обеспечивал возвращение с орбиты космического корабля «Союз — Аполлон».

Летчики звена Пушина принимали участие в испытаниях нового типа вертолета. Авиаторы по примеру командира в короткий срок изучили материальную часть, приступили к полетам на новой винтокрылой машине.

…Полеты, на которых мне удалось побывать, начались как обычно. Синоптик доложил погоду: «Облачность шесть-семь баллов, дымка, видимость — один-полтора километра, нижняя граница облаков — сто метров…» Руководитель полетов принял решение работать по «сложному варианту» плановой таблицы: «полеты — при минимуме погоды!»

Через час видимость несколько ухудшилась, но полеты продолжались. Вертолеты снижались на посадку «вслепую», по приборам, с КДП они становились видны только над краем летного поля, выныривали из плотной морозной мглы, зависали над полосой и плавно опускались на землю.

«К взлету готов!», «На втором!», «На четвертом», «Ближний, полосу наблюдаю!» — слышатся голоса летчиков в динамике. Обычные установленные доклады с «большой коробочки» — так называется маршрут полета по кругу. Звучат все новые и новые позывные. Это тех самых летчиков, о которых я уже рассказывал. И тех, кому такие позывные присвоены впервые. В воздух поднимаются молодые командиры. Один из них — лейтенант Александр Поляков. Немногим больше года, как выпустился из училища. В октябре прошлого года назначен командиром. Освоил новый тип вертолета. Молодой коммунист избран секретарем комсомольской организации эскадрильи. Вот такие парни

определяют завтрашний день авиации. «Перспективный летчик», — говорит о нем замполит эскадрильи Вячеслав Крутько. А как же иначе — за ними будущее. Авиация — это такое дело, которое требует приложения молодых рук.

…Вот, если вглядеться, такие интересные люди… Я, конечно, не предполагал, что из коротких знакомств, недолгих бесед сложится нечто вроде очерка и что я буду писать его. Значит, сработала все-таки обратная связь. И я счел себя обязанным поделиться некоторыми впечатлениями от поездки к авиаторам.

Армия и народ едины, — это мы часто повторяем. Но много ли знает наша гражданская публика о своей армии? А ведь сейчас такое знание особо необходимо. Время обновления не обошло стороной и жизнь наших военных товарищей, воинских коллективов. Перестройка в армии — это реальность сегодняшнего дня. Перемены очевидны, осязаемы.

Из разговора с начальником политического отдела я узнал, что солдаты-авиаторы готовятся к читательской дискуссии по повести Юрия Полякова «Сто дней до приказа». О том, о чем пишется в повести, о неуставных взаимоотношениях между солдатами разных сроков призыва, раньше как-то не принято было говорить вслух. А теперь зло названо, находятся действенные средства к искоренению его.

Невозвратно отходят в прошлое такие явления, как восторженные доклады «наверх» о преувеличенном числе отличников, отличных подразделений. Принципиально, взыскательно оценивают авиаторы Н-ской части результаты боевой учебы. Сильно потеснили военно-бюрократический стиль работы с людьми — это хорошие приметы. В рядах коммунистов авиационного полка все шире утверждаются принципы партийной демократии, гласности.

Важные и сложные задачи выполняют воины — наши земляки, наши современники, наши единомышленники. Вот с такими мыслями уезжал я из Н-ского авиаполка.

Геннадий Карпенко
ДЕЛО СЫНОВЕЙ

Тяга к технике майору В. Бородину передалась по наследству. А зарождалась она на челябинской земле у сверкавших огненными сполохами конвертеров и домен. С детства вызывала у него восторг и восхищение стихия кипящего металла. А особенно — люди, укрощающие огонь.

В. Маяковский задал однажды вопрос: «Кто выше — поэт, или техник, который ведет людей к вещественной выгоде?». Добросовестным ратным трудом, службой на аэродромах, обслуживанием современных авиационных комплексов Вячеслав Алексеевич старался ответить на него, но так и не смог. Да это, пожалуй, и неважно. Главное, что он всю жизнь хранит в душе любовь к избранной профессии, гордится тем, что она сродни работе Прометеевой. И в этом нет преувеличения. Столько лет трудится ради того, чтобы огонь бесперебойно клокотал в могучих сердцах крылатых машин, своей энергией поднимая их на штурм небесных высот. Так что с его любовью к технике и поэзия не осталась внакладе — она в его душе горит ярким светом, согревая мечты юности.

К выбору жизненного пути Бородин пришел не сразу. «После школы, — рассказывал офицер, — работал на челябинском заводе, делал корпуса для электродуховок. Затем поступил в училище механизации сельского хозяйства № 4. Окончив его, трудился трактористом в деревне. Мечтал о Военно-Морском Флоте и уже был зачислен в соответствующую команду, но перед отправкой на службу заболела мама. Дали отсрочку. Поэтому отстал от своих, и лишь уже с очередной группой попал в школу младших авиационных специалистов».

Однако и там он не сразу нашел свое призвание. Оно пришло позже, после того, как молодой механик собственными руками потрогал каждый узел самолета и впервые с уверенностью доложил о его готовности к вылету. Тот день остался в памяти навсегда.

Взлетев на форсаже, крылатая машина скрылась из виду, но Вячеслав еще долго смотрел ей вслед, чутко прислушивался к затухающему гулу двигателя. Казалось бы, проверил все до последнего винтика. Но стоило на миг представить, какие громадные перегрузки приходится выдерживать узлам и агрегатам самолета во время воздушного боя, когда летчик старается выжать из него все возможное, так невольно

закрадывался холодок беспокойства. С годами в его сознании укоренилась мысль, что машину в воздухе держат не только мощь турбины и подъемная сила крыла, но в неменьшей степени — крепкие, надежные руки инженеров, техников, механиков.

После посадки летчик, не скрывая удовлетворения, сказал:

— Техника и вооружение работали, как часы, без единого замечания. Молодец, спасибо за подготовку самолета, — поблагодарил он механика.

Для Бородина слова летчика были высшей оценкой его труда. Солдат был по-настоящему счастлив. Чувство исполненного долга поднимало настроение, придавало уверенности в свои силы.

Вячеслав вспомнил отца. Алексей Матвеевич — фронтовик, ветеран Великой Отечественной войны. Газета «Вечерний Челябинск» писала о нем:

> «Под матерью-Москвой и древним Новгородом, на станции Мга и под стенами Ленинграда, под огненным Брянском и Орлом был верен своей мечте машинист бронепоезда старший сержант Алексей Бородин. Оставался цел и невредим, хотя смерть, казалось, стояла за спиной. Четыре бородинских бронепоезда разбили гитлеровцы, четырежды выскакивал из объятых пламенем машин, уходил от шквального артобстрела машинист. Уходил, чтобы снова сесть на бронепоезд и вести его на врага».

Ратные подвиги Бородина-старшего отмечены орденом Красной Звезды, боевыми медалями. После войны он не изменил профессии машиниста, работал в Челябинске на металлобазе. Его добросовестный труд отмечен орденом Октябрьской Революции. Втайне сын гордился им и старался быть похожим на него. Первый успех ободрил механика и, по сути дела, определил выбор воинской специальности. Трактор, на котором он работал в поле, и даже тепловоз отца с их лошадиными силами бледно выглядели перед мощью стали и пламени, заключенной в самолете. Поэтому, когда пришло время увольняться в запас, Вячеслав решил остаться на сверхсрочную службу.

За шесть лет Бородин в совершенстве изучил начиненную приборами и электроникой машину. Когда появилась возможность, то прошел медицинскую комиссию на допуск к летной работе. И в качестве бортового механика бороздил просторы Пятого океана, Вот, может быть, тогда окончательно прикипел душой к авиации. А случай, когда однажды в полете произошел отказ двигателя и ему ценой огромных усилий удалось запустить силовую установку в воздухе, особенно остро

врезался в память. Тогда он глубоко прочувствовал свою ответственность за исход каждого полета. Он много постиг в избранной профессии, но не останавливался на достигнутом. Будучи уже старшим сержантом сверхсрочной службы, авиационным механиком 1-го класса, он поступил в военное авиационно-техническое училище и экстерном его закончил. Ему было присвоено звание «младший лейтенант».

— Авиационная техника постоянно обновляется, — утверждает офицер. — Чтобы идти в ногу со временем, надо учиться, систематически работать над собой.

В этом и есть ключ к познанию, ключ к мастерству. А борьба за высокую классность для каждого из нас начинается с первыми аэродромными зорями.

Возвратившись в родную часть уже в новом качестве, младший лейтенант Бородин был назначен на должность техника самолета. По традиции, прежде чем допустить его к самостоятельной работе, к нему прикрепили опытного специалиста капитана Селиванова. Для этого офицера не существовало профессиональных тайн и загадок, которые он не мог бы разгадать. Если случались сложные неполадки, авиатор, не считаясь со временем, трудился до тех пор, пока не добивался их устранения. Вячеслав Алексеевич стремился подражать ему, по-доброму завидовал его всесторонней подкованности. Селиванов понимал это и не держал знания и опыт в секрете, а щедро делился с ним. Он любил повторять: «Быть мастером — наш долг, ведь мы в ответе за боеготовность ракетоносца, за безопасность полетов».

А вообще, считает Бородин, ему везло на хороших, по-настоящему увлеченных людей. К их числу относится и бывший в ту пору заместителем командира полка подполковник Гришин. Любимец специалистов, спокойный, уравновешенный. К нему можно было прийти с любой идеей, и, если он находил в ней рациональное зерно, то всегда горячо поддерживал и способствовал воплощению ее в жизнь.

Но не только тех, кто рангом выше, Бородин наделял лучшими качествами. За многолетнюю службу он не мог ни одного механика характеризовать с отрицательной стороны. Будучи уже начальником группы средств аварийного покидания самолета, он столкнулся с таким случаем. Его подчиненный допустил серьезную ошибку, в результате этого сработали два пиропатрона. Вроде бы факт налицо, виновен солдат, но офицер принял ответственность на себя: мол, недоучил, недоработал. Причем был убежден: поступил правильно. Видел в механике трудолюбивого, старательного человека, которому нужно было

своевременно оказать помощь.

Бородин справедливо считает: коль имеешь дело с современной авиатехникой, то в одиночку тут не управиться, будь ты хоть семи пядей во лбу. А значит, нужно уметь обучать и воспитывать тех, кто трудится рядом, терпеливо готовить надежных помощников.

Сколько солдат, сержантов, прапорщиков прошло школу Бородина: и каждому из них была по душе его целеустремленность, способность владеть инициативой при обслуживании авиационных комплексов и их ремонте, увлеченность делом. Его энтузиазм, энергия отмечены медалью «За боевые заслуги».

Невольно эти качества передавались и его сыну, оказали решающее значение при выборе им жизненного пути. А случилось это не в одночасье. Бывало, приводил Вячеслав Алексеевич мальчишку, как тот просил, «показать самолет». Сын собственными глазами видел отца в деле. А кого может оставить равнодушным аэродром? Гул стреловидных машин, бегущих по рулежной дорожке, обдающих горячей волной так, что невольно хватаешься за шапку, затем с грохотом отрывающихся от бетона и почти отвесно вонзающихся в небесную синь.

Отец не настаивал, чтобы Роман стал военным. А когда тот решил поступать в Калининградское военное авиационно-техническое училище, возражать не стал. Провожая на вокзале, тихо произнес: «Не урони честь нашей семьи».

После окончания учебы родители получили от сына письмо, в котором он писал:

> «Я правильно сделал, что надел офицерские погоны. Дело сыновей — быть защитниками своего Отечества. Постараюсь продолжать семейную традицию».

А совсем недавно Вячеслав Алексеевич получил от него волнующую весть: Романа назначили техником на самолет, который когда-то обслуживал он сам.

> «Не сомневайся, папа, — писал Бородин-младший, — это тот же истребитель: и номер, и формуляр твоей рукой заполнен».

— Сын по моей бетонке пошел, — майор Бородин произнес эти слова сдержанно, но чувствовалось, он горд тем, что Роман идет его дорогой.

ОКЕАНСКИЕ ВАХТЫ ЧЕЛЯБИНЦЕВ

1. МОРСКАЯ ТРАДИЦИЯ СУХОПУТНОГО ГОРОДА

В Челябинской областной комсомольской организации, как особо дорогая реликвия, хранится бело-голубой Военно-морской флаг. Его южноуральским комсомольцам вручили моряки соединения подводных лодок Краснознаменного Северного флота.

Челябинск далек от морей. Южный Урал — область сухопутная, у нее иная слава — магнитогорский металл, златоустовский булат, челябинские тракторы, дорожные машины, трубы. И тем не менее челябинцам не чужда романтика флотской службы. На одном из традиционных приемов делегации челябинских комсомольцев в Североморске командующий Северным флотом сказал:

— Мы, североморцы, гордимся тем, что здесь, за Полярным кругом, в холодных водах у нас есть южноуральский причал — он надежен, согревает сердца дружбой.

В январе 1943 года Челябинский обком ВКП(б), обком ВЛКСМ одобрили патриотический почин комсомольцев по сбору средств для строительства военных кораблей. За короткое время было собрано 55 миллионов рублей. На эти деньги был оформлен заказ на две подводные лодки типа «малютка». Одной дали название «Челябинский комсомолец», другой — «Ленинский комсомолец». В марте 1943 года челябинская делегация передала эти подводные лодки морякам Северного флота, на них были торжественно подняты Военно-морские флаги.

20 апреля 1943 года «Челябинский комсомолец» вышел в первый боевой поход и принял боевое крещение.

Лодка находилась на дежурстве, в подводном положении, в акватории близ мыса Хибергнест. Акустик Григорий Демьяненко доложил в центральный пост, что слышит шум винтов надводного корабля. Командир дал приказ всплыть на перископную глубину и, подняв перископ, увидел большой конвой противника. Лодка начала маневрировать. Поступила команда: «Аппараты — товсь!». Торпедисты замерли в ожидании — никто кроме командира, не видит транспорт. «Пли!» — нажат рычаг, торпеды с шипеньем выходят из аппаратов, удар сжатого воздуха бьет в уши. «Уходим на глубину!», — слышится команда, и лодка проваливается вниз. Через несколько минут доносится один за другим два взрыва — торпеды достигли цели. «Челябинский комсомолец» открыл счет

потопленным кораблям противника.

Подводники в своей телеграмме в Челябинский обком комсомола докладывали, что в первом боевом походе потопили вражеский транспорт водоизмещением семь тысяч тонн. С Урала полетели письма и телеграммы на Север с поздравлениями экипажу. Челябинцы писали:

> «На славные победы экипажа лодки, носящей наше имя, мы ответим новыми трудовыми подвигами. Усилим помощь нашей Красной Армии, нашему флоту. Мы надеемся, что подводная лодка еще не раз порадует Урал своими боевыми успехами, новыми победами».

Так оно и было. Еще много раз салютовала лодка пушечным выстрелом, входя в родную гавань, извещавшим об успешном выполнении боевой задачи.

Только за год действий на Северном флоте «Челябинский комсомолец» потопил шесть транспортов противника общим водоизмещением 37 тысяч тонн. За достойный вклад в дело победы над врагом, за боевые заслуги экипаж подводной лодки «Челябинский комсомолец» трижды награждался почетными грамотами наркома Военно-Морского Флота.

Отгремела война. Надеты чехлы на стволы орудий. Выполнив свой суровый долг, уходили в запас моряки с М-105 «Челябинский комсомолец», уходил и ее командир Виктор Николаевич Хрулев. На прощанье он сказал, взволнованно обращаясь к своим боевым товарищам: «По-прежнему высоко держите знамя «Челябинского комсомольца». Рано или поздно все уйдем в запас. Нас сменит молодежь. Пусть она знает: экипаж всегда достойно нес службу — как на фронте, так и в мирные дни. И я верю, что молодые моряки продолжат традиции уральской «малютки».

Известно, что жизнь подводной лодки также подвластна законам времени: на смену отслужившим свой срок сходят со стапелей корабли новых и новейших поколений. Отслужила свое и «малютка» М-105.

А вторым своим рождением лодка «Челябинский комсомолец» обязана следопытам школы № 10 Челябинска. Много труда, сил, времени потратили ребята, чтобы найти командира и членов экипажа. Материалы о лодке заняли почетное место в школьном музее боевой славы. Они хотели, чтобы славные традиции «малютки» продолжали жить. Следопыты пришли в Челябинский обком ВЛКСМ, там одобрили инициативу школьников и обратились к министру обороны СССР. Так одной из современных лодок Северного флота было

присвоено имя «Челябинский комсомолец».

В 1963 году обком комсомола и облвоенкомат объявили соревнование за право служить на «Челябинце». Тогда же первая партия южноуральцев убыла на флот по комсомольским путевкам. Среди них были Николай Усольцев, Владимир Тетюшин, Валентин Собкарь, Юрий Дюкарев, Леонид Черкасов, Федор Портнов. Они первые принесли в прочный корпус корабля горсть родной земли. Они же и заложили основу резервного экипажа лодки, который и поныне является хранителем морских традиций Челябинска.

Виктор Головашкин
2. «БОЛЬШОЙ СБОР» РЕЗЕРВНОГО

Годы-то как летят! Уже сыновья сменяют нас на боевом посту.

Вот и опять собрались мы в Челябинске, на площади Революции, у памятника В. И. Ленину, чтобы проводить на службу земляков нового призыва, сказать им напутственное слово, пожелать успехов в ратном деле и благополучного возвращения домой.

Среди десятков парней, остриженных «под ноль» взглядом отыскиваю «наших». Их меньше всех, но они — на правом фланге, и именно им сейчас вручат шкатулку со священной уральской землей и путевки ГК ВЛКСМ на подводную лодку «Челябинский комсомолец».

Андрей Попов, Паша Сотников, Юра Беляев… Эти ребята завоевали право служить на именном корабле: были первыми в учебе и труде, каждый из них уже определил свою общественную позицию, линию поведения.

Путевку и шкатулку принимает П. Сотников, вчерашний учащийся техникума промышленной автоматики. На крышке шкатулки комсомольский значок и надпись:

> *«Много раз посылал Урал своих сыновей на охрану мирной жизни наших людей, на ратные дела. И никогда не позорили сыны седого Урала великую русскую славу. Экипажу подлодки «Челябинский комсомолец» — Челябинским обком ВЛКСМ».*

Замечаю, волнуются парни. И это волнение мне передается. Ведь я сам двадцать с лишним лет пережил его. И путевку, датированную 17 сентября 1966 года, подписанную первым секретарем обкома комсомола Виктором Поляничко, до сих пор храню:

«Обком комсомола направляет Головашкина Виктора Павловича для прохождения службы на подводной лодке «Челябинский комсомолец».

А ведь мог и не попасть на флот. Нас, претендентов из Еткульского района, двое было: я и еще один парень Василий (фамилии его не помню). Все решило собеседование в обкоме:

— Общественная работа?

— Член комитета ВЛКСМ, участвую в агитбригаде.

— Спортом занимался?

— Первый разряд по футболу…

— Какие ленинские работы читал?

Я стал перечислять названия из рекомендованного списка.

— Достаточно, — прервал меня Поляничко. — А что говорилось на III съезде комсомола об отношении к огородничеству?

Смутился было: нет ли тут подвоха? Но нашел, что ответить. Под одобрительные взгляды работников обкома вышел из кабинета, уступив место Васе-сопернику.

Ему не повезло. Он чуть не плакал. А я стал пятнадцатым в команде, которая через сутки уже катила на Север…

Так было… И сейчас оно есть, хотя, думаю, что-то и безвозвратно растеряно из этой традиции, рожденной не сегодня, а в далекие и грозные годы.

Остается память о годах, проведенных на флоте. Она не уходит в запас. Видимо, память и побуждает бывших подводников к чувству, именуемому флотским братством. Так это или иначе, но в начале семидесятых годов по инициативе обкома ВЛКСМ был создан резервный экипаж «Челябинского комсомольца», объединяющий матросов и старшин запаса, в разные годы служивших на корабле. Поначалу его возглавлял Виталий Гааз, главный старшина запаса, работавший машинистом тепловоза на металлургическом комбинате. Впоследствии товарищи доверили подняться на «мостик» резервного мне.

Сегодня нас около ста человек. Всем нам в таком составе, конечно, собраться не просто. Причины объективные — в различных уголках области живут сослуживцы. А потребность в общении есть, и немалая. Перезваниваемся, переписываемся, поздравляем друг друга с днем рождения, обмениваемся новостями.

Но раз в году, в День Военно-Морского Флота, мы играем резервному «большой сбор». Прилетают, приезжают, приходят все, кто сумел вырваться из плена обыденных забот. Строимся, проводим перекличку.

Участвуем в организации праздника на воде, что проводится на озере Смолино. Ветераны экипажа под дружные возгласы многочисленных болельщиков выходят на площадку, где начинается перетягивание каната…

Потом мы садимся в автобус и едем за город — поговорить по душам о житье-бытье. Песню спеть у костра, друзей и командиров своих вспомнить. Подвести итоги за год: кто и где побывал, какую работу провел с молодежью, что волнует, тревожит…

Расставаясь после службы, мы дали слово учиться. И сдержали его. Главный старшина запаса Миша Феоктистов сегодня — инженер-проектировщик. Главный старшина запаса Толя Мищенко — инженер по радиосвязи, бывший старшина 1-й статьи Юра Калмыков водит тепловозы, а вчерашний радист подводной лодки Паша Шибаков — ныне кузнец, работает на Челябинском машиностроительном заводе. Сталеваром стал Александр Ивашкин, а баянист, душа экипажа Вася Чумаков, о котором говорили: «Дизель горячий, а моторист веселый», служит во внутренних войсках, капитан. Большинство — коммунисты, получили высшее образование или высшую квалификацию.

Чем мы занимаемся в межсборовый период? Ходим в школы, в ГПТУ, техникумы, выступаем на производстве, рассказываем о «Челябинском комсомольце» молодежи. Держим под контролем связь с экипажем подводной лодки. Участвуем в формировании шефских делегаций. В общем, в области нас знают.

Однажды, например, после радиопередачи «Уральский меридиан» мне позвонили:

— Виктор Павлович, беспокоит бывший главный старшина морского охотника Смирнов Игорь Иванович. Извините, что поздно, но не мог не позвонить. Душу мне передача разбередила. Я ведь на Севере воевал. Трижды был ранен. Горжусь принадлежностью к флоту. Спасибо вам за то, что пропагандируете морские традиции.

Дважды мне довелось побывать на сборах моряков запаса, в Севастополе и во Владивостоке. Там я рассказывал о работе нашего резервного экипажа по военно-патриотическому воспитанию молодежи, как приучаем мальчишек к морю. Слушали с интересом.

Вот говорится «море зовет»… Это, наверное, не для красного словца сказано. Это чувство не убывает с годами — тянет к морю. Как приближается отпуск, все планы вокруг одного — как бы побывать на родном флоте. И в прошлом году ездил в свой отпуск на Север. Да и так, в составе шефской делегации, не раз бывал на нашей челябинской лодке.

Нам на лодке всегда рады: ребятам дорог привет с Урала. В

1989 году привезли им подарки от челябинцев: компьютер, аккордеон. Прокрутили в экипаже видеозапись с наказами родителей. Видели бы лица наших парней, когда они увидели на экране своих родных и близких! Значки каждый раз привозим… Их уже целая серия — 12 образцов, посвященных шефству челябинцев над лодкой.

Поддерживаем мы тесную связь с бывшим командиром «Челябинского комсомольца» капитаном 1 ранга в отставке Корнеевым Игорем Григорьевичем — это он водил в дальние походы наших ребят, челябинцев призыва 63-го года. Получили от него письмо, в котором очень верно сказано о назначении моряков нашего резервного экипажа:

> *«Помню и горжусь каждым, кто самоотверженно и честно правил нелегкую службу на море и теперь так же честно трудится. Спасибо вам за то, что экипаж, имя подводной лодки для вас — символ всего самого лучшего, доброго, светлого. Верные славным флотским заповедям, вы несете в массы людей, особенно подростков, правду о нашей службе, о флоте и своими нынешними достижениями в труде продолжаете прославлять имя корабля, дорогое сердцу каждого из нас».*

Олег Синицын
НА ГЛУБИНЕ ТЫСЯЧИ МИЛЬ

В цистерны главного балласта вливается вода. Стрелка глубиномера, плавно скользя по шкале, показывает: лодка уходит под воду. Звучит привычная команда:

— В отсеках осмотреться!

Итак, 1 августа 1988 года подводная лодка «Челябинский комсомолец» отправилась в полугодовое плавание (в матросском лексиконе окрещенное «автономкой»).

— В нашу задачу входила охрана рубежей Родины, создание противовеса блоку НАТО, — рассказывает капитан 3 ранга Иван Дмитриевич Аникин. — В любой момент мы должны быть готовы к тому, чтобы предотвратить удар противника.

Условия в подводной лодке «Челябинский комсомолец», построенной в шестидесятые годы, сами по себе не курортные, а ведь плавание проходило в тех широтах, где повышенная температура — явление обычное.

Личный состав корабля не имел опыта подобного плавания. Почти все пришли на лодку с учебных отрядов. И в первый месяц проходило становление экипажа. Трудно было на первых порах.

Матросы после вахты валились с ног. Сказывались и нехватка чистого воздуха, глубина. Выходили на поверхность только ночью для забора чистого воздуха раз в несколько суток.

На переходе в район выполнения задачи вокруг «Челябинского комсомольца» неоднократно курсировали корабли и авиация НАТО. Но подводная лодка успешно уходила от сопровождения.

Нелегки будни у подводников. Служба идет в пространстве, ограниченном обшивкой корабля, а вокруг — сверху и снизу, справа и слева — толща воды и ничего больше. Но нельзя терять ни работоспособности, ни боевого духа. Секретарь комитета комсомола подводной лодки старшина второй статьи Кривенко постоянно находил время для проведения диспутов, политзанятий. Жизнь на материке шла бурная и хотелось от нее не отстать, поспорить о настоящем и будущем страны с сослуживцами.

С благодарностью вспоминают моряки и помощь, которую им оказали комсомольцы Челябинска. Перед самым дальним походом челябинцы подарили экипажу телевизор и видеомагнитофон — предмет особой гордости подводников. Видеофильмы заметно скрашивали дни нелегкой службы на корабле. Но о шефах чуть позже, а пока вернемся к плаванью.

Выполняя свои задачи, субмарина «Челябинский комсомолец» имела три контакта с подводными лодками настоящего, а не учебного противника. И во всех случаях себя наш корабль не обнаруживал.

В этих операциях особо отличился старшина команды гидроакустиков Стас Кнюшта.

— Горизонт чист… — докладывал он монотонно во время вахты. И вдруг голос оживился, звучал звонче, заставлял внутренне подтягиваться: — Шум винтов по пеленгу! Возможен контакт с подводной лодкой!

Командир проверяет контрольные замеры, анализирует пеленги на цель. Уточнены скорость и курс. Да — подводная лодка НАТО. Ее координаты передаются надводным боевым кораблям, за которыми она следовала.

…Шторм, он тоже опасен для подводных кораблей самых современных проектов, а о лодке, сошедшей со стапелей судостроительного завода около трех десятилетий назад, и говорить не приходится. О таких ситуациях капитан 3 ранга И. Д. Аникин говорит спокойно, сухо, по-военному:

— В штормовых условиях имелись случаи выхода материальной части, которые создавали напряженную обстановку на корабле. Личный состав боевой части «пять» под

командованием капитана 3 ранга Петрова в сложных метеорологических условиях устранил поломку и подводная лодка продолжала плавание. Умелые действия показали мичман Владимиров, старшина 1-й статьи Суходоев, матрос Сотников. (П. Сотников и А. Суходоев наши земляки-челябинцы).

— Особенно тяжелый шторм мы пережили при возвращении в свой порт. Во время шторма вышли из строя пара баллонов высокого давления. С этой неисправностью подлодка теряла свою маневренность при всплытии. И опять пятая боевая часть, ее командир Петров нашли выход из создавшегося положения.

Конечно, не все полгода экипаж боролся со штормами и нес боевую службу на страже Родины. Были и дни отдыха. Для пополнения продуктов и свежей воды подлодка заходила в порт одной из дружественных стран. Во время отдыха экипаж решил провести товарищеские встречи по волейболу и футболу с местным населением. И здесь наши моряки не ударили в грязь лицом. Товарищеские встречи принесли победу советским командам, но главное, все получили удовольствие от спортивных игр.

Вспомнить, конечно, есть что. Да хотя бы то, что на лодке во время плавания были проведены две медицинские операции. Начальник медслужбы старший лейтенант Романов удалил аппендицит у матроса — челябинца Колотушкина. Аналогичную операцию он сделал у мичмана Мирзояна… А разве забудут моряки, что офицер М. Ю. Татаринов разводил на корабле в аквариуме рыбок! Может быть, это кому-то покажется несерьезным, но аквариум на подлодке был как бы частичкой земли, родного дома.

Кстати, капитан-лейтенант М. Ю. Татаринов признан в этом дальнем походе одним из лучших офицеров корабля. Кроме вышеупомянутых, отличились также капитан-лейтенант В. И. Назаров, штурман капитан-лейтенант В. В. Веретенников, мичманы А. И. Иванкин и А. В. Яшный. Всего к наградам за дальний поход бывший командир корабля кавалер ордена Красной Звезды В. Ф. Зенюк представил тринадцать человек.

Отличились ли челябинцы? Безусловно, о некоторых я уже рассказывал.

Нынешний командир лодки сообщил нам:

— В автономном плавании высокую боевую подготовку и выдержку показали старшие матросы Сотников, Колесников, Жильцов, Севостьянов и недавно уволенные в запас Бардин и Суходоев. Оба — старшины 2-й статьи.

О четырех остальных челябинцах пока говорить не буду. У них хромает дисциплина.

Как ни грустно слышать такое от командира, но приходится согласиться. Незаслуженную похвалу нельзя раздавать. И здесь возникает вопрос. Почему, несмотря на то, что комсомольцы Челябинска и Челябинской области стремятся завоевать право служить на этой подлодке и обком комсомола вроде бы отбирает лучших из лучших, выдает им комсомольские путевки, на лодку все-таки приходят не самые лучшие? Причем служить-то приходят на «Челябинский комсомолец» единицы, а посылают сюда десятки. Вина ли здесь военкоматов, которые игнорируют решения обкома, или других служб? Да и обком комсомола, видимо, проводит не самый тщательный отбор. Ведь хотелось бы слышать добрые слова не о пяти-шести челябинцах-подводниках, а обо всех.

А теперь о шефских связях. Да, челябинский комсомол не скупится на подарки. Но это еще не внимание. Ведь что стоит организовать переписку членов экипажа с лучшими комсомольско-молодежными коллективами нашего города? Или отдых экипажа на знаменитых уральских озерах? Пока же челябинцы увлеклись лишь подаркоманией, хотя шефствуют над лодкой многие годы. Есть, конечно, и находки. Перед вылетом нашей делегации по инициативе горкома комсомола был снят видеофильм о семьях челябинцев-подводников. Фильм этот произвел сильное впечатление на всех матросов. И улыбки были, и слезы. Такое не забывается. Словом, хорошее начинание, но не в нем суть. Нужна прочная связь «флот — тыл». Чтобы чувствовали моряки «Челябинского комсомольца» мощную поддержку своих земляков, их добрую заботу, и не от праздника до праздника, а постоянно. Чтобы наши парни стремились служить на подводной лодке, носящей название не по чистой формальности, а вполне заслуженно.

И тогда вода нам, как земля,
И тогда нам экипаж — семья.
И тогда любой из нас не против
Хоть всю жизнь служить в военном флоте!

Пусть же слова этой флотской песни сбудутся!..

НА ДАЛЬНЕМ ПОГРАНИЧЬЕ

Сергей Александров
НЕБО ГРАНИЦЫ

1

На взгляд человека непосвященного, в маленьком гарнизоне пограничных авиаторов — затишье. Второй день льют обложные дожди. Над землей нависли плотные низкие облака. Даже когда края серого облачного полога приподнимаются над долиной, открывая местами склоны гор, дождь все идет — монотонно-надоедливый, безучастный ко всему, что происходит вокруг.

Внешняя бессуетность в летном хозяйстве обманчива. Может, и случается редкая пауза, но она из таких, что принято называть затишьем перед боем. Работы на аэродроме хватает, полеты же на задания по охране границы не прекращаются ни на один день, готовность к ним не снимается при любой погоде.

Накануне моего приезда, всего несколькими днями раньше, летчики эскадрильи успешно выполнили задачу по задержанию нарушителя. В тот день капитан Игорь Татаринцев был поднят по тревоге еще до рассвета. Едва начало светать, как экипаж уже выруливал на исполнительный старт. Взлетели, взяли курс в сторону границы. При подлете к заставе летчики получили от штаба поиска координаты района предполагаемого местонахождения нарушителя. Район не из простых: маршрут пролегал над горно-лесистой местностью.

Провели рекогносцировку, связались с нарядами, наземными группами, постами наблюдения — нет, пока ничего. Через несколько часов пришлось возвращаться на дозаправку. Вновь поднялись в воздух.

Погода тем временем испортилась. Небо, с утра ясное, стало быстро заволакиваться кучевыми облаками, от которых на землю ложились бесформенные тени. Еще не долетая до гор, летчики почувствовали «болтанку». В таких условиях главное — выдержать режим полета. Вот и застава. В стороне от нее, за пологой, продавленной посередине вершиной, нужно было снижаться. Но едва вышли к заданной точке, как на вертолет обрушились воздушные потоки переменного направления. Машину тряхнуло.

— Держись, — крикнул Татаринцев летчику-штурману Сушко и придавил рычаг «шаг-газа». — Идем на предельную малую!

Минутой позже «Земля» подтвердила: нарушитель в этом

квадрате, смотрите, ребята, смотрите!

Стрелка высотомера продолжала раскручиваться против часовой стрелки, назад. Еще ниже! Наблюдение вели все: и командир, и летчик-штурман, и борттехник. В авиации не принято делить: «мое» — «не мое», небо на всех одно, и работа на всех одна, общая. Поваленное дерево, узкая протока, тропинка… Три пары глаз фиксировали и тут же отметали любую незначительную деталь — дальше, дальше!

В зарослях кустарника мелькнула фигура человека.

— Вижу, командир! — ликующе-хрипло врезался в наушники голос борттехника старшего лейтенанта Безрукова. — Вон он, тепленький!

Нарушитель, поняв, что обнаружен, заметался подстреленным зайцем по прогалине, потом бросился вверх по склону. Но летчики, снизив машину, уже не выпускали его из поля зрения. Поняв тщетность попыток скрыться, человек упал и, обхватив голову руками, замер.

Через несколько минут к месту задержания прибыл другой вертолет. Высадившийся с него наряд задержал нарушителя и поднял его на борт.

Этот полет стал для экипажа вдвойне памятным: все трое — капитан Татаринцев, лейтенант Сушко и старший лейтенант Безруков — были представлены к медали «За отличие в охране Государственной границы СССР».

…С Игорем Татаринцевым, членами его экипажа я не раз встречался на аэродроме, у того самого вертолета, на котором все они летали на задержание. Народ в общем-то словоохотливый, летчики не сразу открываются человеку незнакомому. Может, подспудно срабатывает принцип, которому выучило небо: посмотреть на человека в деле, понять, что он и кто он, а уж потом… Так поначалу произошло и со мной. На все мои вопросы «татаринцы» отвечали легко и весело, не касаясь главного. «Служба? А что служба… Летаем…» Но мне помогло то, что мы оказались земляками. Узнав, что я из Челябинска, посыпались расспросы: «Ну, как там наш Урал-батюшка? Что нового в ЧВВАКУШе?..» И разговор получился сам собой.

2

Издавна по страницам газет кочует выражение, ставшее стереотипным, — «ратные будни». Слово «будни» заключает в себе представление об обыденности бытия. Но разве можно назвать жизнь вертолетчиков границы обыденной? Нет, их бытие

нуждается в другом определении.

За обыденные дела орденов не дают. А поглядеть на летчиков эскадрильи! Командир звена майор А. Новиков — кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Майор А. Правдин награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране Государственной границы СССР». Капитан И. Татаринцев — медалью «За боевые заслуги».

За успешное выполнение ответственных полетных заданий и проявленные при этом мужество и героизм награждены орденами Красной Звезды майор Л. Михайлов, командиры экипажей майоры А. Сальников, В. Циканов. И как не сказать о том, кто командует такими летчиками! Таким летчикам и командир должен быть под стать. Комэск Виктор Иванович Алексанин удостоен орденов Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За отличие в охране Государственной границы СССР». Он вышел из среды своих товарищей, летчиков, и он по праву, — первый среди них.

В летных книжках, на тех страницах, которые отводятся поденной записи, в графах, где значатся полетные задания, чаще других встречается запись: «Полет на спецзадание». Так лаконично, но предельно ясно называются полеты на выполнение задач по охране государственной границы. Задачи разные по характеру, по условиям, но в одном они схожи — полеты эти особенные, требующие от экипажей максимального напряжения, отточенности и безупречности в действиях.

В прошлом году экипаж майора Андрея Новикова принимал участие в задержании нарушителей на высокогорном участке. Вертолет барражировал над местом, где пограничники вели поиск, обеспечивая надежное прикрытие с воздуха на случай любых осложнений. Когда нарушителей задержали, солнце уже катилось к закату. Командование, руководившее поиском, приняло решение переместить задержанных нарушителей на заставу до наступления темноты. Оставлять их в горах на ночь было нельзя. Но ни одна автомашина не смогла бы пробиться вверх по крутым склонам через нагромождения скал.

И тогда на борт вертолета, который пилотировал Новиков, поступила команда приземлиться и забрать нарушителей. Приказ есть приказ. Новиков оглядывал землю в блистер, прикидывал. Для приземления площадка не годилась. «Будем брать на висении», — решил командир. Вокруг площадки тянулись к нему высокие деревья, еще выше — скалистые стены ущелья. «Заходили, как в котел, — вспоминает Новиков. — Брали с зависания. До темноты управились…» Вот так просто, без фразы и позерства, подытожил нелегкое задание майор Новиков. В

безыскусности и простоте этой — большой смысл. Только у людей скромных, наделенных внутренней культурой, привыкших спокойно, без суеты делать свое дело, действительно в жизни все идет «как надо».

3

Еще с ночи ветер начал разгонять облака, на небе открылись редкие звезды, засветился серп луны. А утро выдалось погожее: и без доклада синоптика было понятно — погода летная, та самая, про которую говорят: «Видимость — миллион на миллион».

Не успело солнце выглянуть из-за гор, как со стороны аэродрома послышался густой, басовитый гул опробуемых двигателей вертолетов. Началась предполетная подготовка.

Экипаж капитана И. Мацилецкого прибыл на аэродром в одно время с техниками и механиками. Работали споро, по четкой, давно отлаженной схеме: осмотр, приемка вертолета, медосмотр, завтрак, предполетные указания. Задачу экипажу поставили накануне, потребовались лишь уточнения. Вылет в район границы, воздушная разведка. Помимо Мацилецкого в экипаже — летчик-штурман лейтенант Алексей Васянин и борттехник старший прапорщик Валентин Голуб. Четвертым «подсел» майор Алексанин, летел контролирующим по плану проверки командира вертолета на технику пилотирования.

…В установленное время экипаж занял рабочие места в кабине. И вот уже послушный рукам пилота вертолет зависает над землей, потом, чуть наклонив корпус, устремляется вверх и вперед. Промелькнули внизу, под бортом, посадочные знаки, русло реки, приземистые коробки строения. Если бы не едва заметная вибрация и редкие клочья облаков, скользящие за иллюминатором, можно было бы подумать, что вертолет стоит на бетонке аэродрома. Но в небе требуется не много времени, чтобы разрушить иллюзию. Мгновение — и машина валится набок, рывком «подныривая» под рванувшееся вверх темное пятно. Птицы! Тут нужна мгновенная реакция, чтобы избежать удара, сравнимого по силе с ударом пущенного из пращи камня.

Впереди, по курсу полета, — темная ломаная полоса. Горы… Самые красочные, самые детальные рассказы о полетах над ними не дадут верного представления о том, как это выглядит в действительности. Здесь не помогут ни воображение, ни фантазия — такое нужно хоть раз испытать самому.

Вертолет идет на снижение. Мацилецкий энергично маневрирует по курсу, чтобы сбросить скорее сотню-другую

метров высоты. Работа тонкая, ювелирная, ведь внизу не привычная бетонка — сплошные нагромождения скал с редкими проплешинами относительно ровных каменистых площадок.

Не раз и не два вспоминались Мацилецкому слова выпускника их училища, ставшего впоследствии Героем Советского Союза, майора Щербакова, который приезжал к ним, курсантам, на встречу: «Чтобы летать в горах, мало иметь светлую голову и крепкие руки. Там нужно вдохновение, своего рода азарт — не глупое безрассудство, а оправданная, выверенная степень риска, особое чутье на непредвиденную ситуацию…»

Смысл этих слов Иван понял позже, когда начал летать сам, когда побывал в тех самых «непредвиденных ситуациях», покрутился в щелях и распадках, набирая опыт, который не приобретешь ни в одном училище.

Вертолет летит почти вровень с вершиной исполинской, грузно осевшей горы. Голубовато-серые склоны испещрены ломаными бороздами провалов, будто лицо старика морщинами. У экипажа другие ассоциации, экипаж ведет наблюдение, и тут не до красот природы. Через определенные промежутки времени в кабине отчетливо слышится, как срабатывает автоматика бортового фотоаппарата. Границе нужен зоркий глаз. Картина гор, всего района полетов постоянно меняется. По свежему снегу животные проложили новые тропы, а ведь среди них может затеряться и след нарушителя. Здесь воздушный дозор — сама бдительность.

После короткого приземления — снова в воздух. Бортовой техник старший прапорщик Валентин Голуб закрывает дверь грузовой кабины, возвращается на свое место. Вот уж воистину — рабочее. Хлопотная должность у борттехника, хватает работы и на земле и в воздухе. Хозяйство у него в кабине сложное — одних только тумблеров не счесть. Невысокого роста, круглолицый, плотного сложения, подвижный, он весь на виду — в улыбке, в доверчивом взгляде, в готовности моментально взяться за дело, помочь, подхватить… Летал он много, умело, грамотно, так летает и ныне — иначе о нем не скажешь. За труд свой, за мужество и мастерство награжден орденом Красной Звезды.

Курс — на родной аэродром. Вновь под вертолетом проносятся скалы, ущелья, заросшие диким лесом. В боковом остеклении кабины видно, как маралы, гордо неся большие раскидистые рога, взбежав в несколько прыжков на недоступную крутизну, замирают на белом снегу. Звери здесь непуганые, но появление вертолета, диковинного грохочущего существа, заставляет быть настороже.

Остаются позади острые хребты, пики вершин, глазу

открывается спокойная картина предгорий. Вновь сверкнуло голубой змейкой знакомое русло реки, вертолет идет на посадку.

И здесь, на посадочном курсе, и там, где садились на высокогорных аэродромах, майор Алексанин внимательно приглядывался к действиям Мацилецкого — залюбуешься. Здесь, в предпосадочном режиме, рука летчика — это рука пианиста. Движения плавные, кисть обхватывает ручку управления мягко, сказать ласково и нежно — не будет перебора.

Все ближе земля. Звуки нижнего регистра от двигателей, проникающие в кабину, меняются по тону и частоте — целая нотная гамма. Рычаг «шаг-газа» вверх. Все, вертолет завис чуть-чуть и плавно опустился на колеса.

Зарулив на стоянку и выключив двигатели, Мацилецкий вполоборота смотрит на Алексанина. Тот молча кивает и поднимает кверху большой палец.

4

Авиация — удел молодых. Сегодня редко встретишь летчика за сорок; современные скорости, нагрузки, уровень подготовленности выдвигают в ведущие двадцатипяти-тридцатилетних. Молодые летчики — это лицо авиации, в известной степени, сегодняшнего дня и всецело — завтрашнего.

Эскадрилья, о которой рассказываю, — не исключение. Больше половины командиров экипажей не разменяли и четвертого десятка. Капитану Ивану Мацилецкому — двадцать пять. Биография — обычная для летчиков его поколения. Авиацией «заболел» еще в школьные годы. Да и как было не заболеть, когда старшие братья, закончив школу, поступили в летные училища. Сколько было разговоров, когда они приезжали в отпуска — красивые, ладные, в новенькой форме, на петлицах — золотистые крылышки. Так что над выбором жизненного пути Иван долго голову не ломал: после десятилетки подал документы в Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков и в 1983 году успешно окончил его.

Летная судьба Мацилецкого сложилась счастливо. Начинал летчиком-штурманом, и этому обстоятельству был рад, потому что твердо усвоил: настоящий командир, прежде чем стать таковым, должен пройти все должности. Жадно впитывал все, что дает летная практика, штудировал теорию, приглядывался, как летают товарищи.

Повезло ему и на учителей. Первым инструктором был подполковник Виктор Григорьевич Захаров, человек, о котором в

эскадрилье ходили легенды. Летчик-ас, виртуоз, профессионал высшего класса, награжденный за мастерство и проявленное мужество орденом Ленина. Хорошо запомнил Мацилецкий слова своего наставника: «Летать плохо, Иван, нельзя. Тут так: или ты мастер, или уходи в заправщики. Небо серединки не приемлет».

Так под началом Захарова и шел Мацилецкий к своей первой командирской должности — командира вертолета.

Почти одновременно с ним поменяли правое кресло летчика-штурмана на левое, командирское, и однокашники Ивана, с которыми приехал сюда после окончания училища, — Татаринцев, Липовой, Стрелочных. Совсем вроде бы немного времени прошло, а подоспела новая смена, и ходят уже в командирах вчерашние лейтенанты.

Только что вернулись из командировки с дальней точки два командира — майор Андрей Новиков и лейтенант Сергей Михайловский. Полеты были трудными — не «баловала» метеообстановка. То распогодится на короткий промежуток времени, то небо сплошь затянет облаками, то со склона гор сорвется холодный, пробирающий до костей ветер. Новиков полетел с Михайловским в качестве инструктора, проверял готовность молодого командира к работе в воздухе в различных условиях, на практике учил его действиям в нестандартных ситуациях.

Лейтенант Михайловский стал командиром экипажа менее чем через год после окончания училища, естественно, помощь опытного инструктора, военного летчика 1-го класса была нелишней.

На дальней точке, в условиях отрыва от аэродрома основного базирования, экипаж работает в особой обстановке, и обязанности командира куда сложнее, чем в обычных условиях: здесь, образно говоря, он и царь, и бог, и воинский начальник. Здесь тебя не подстрахует старший и некому посоветовать, никто за тебя не примет решения. Крутись сам, ответственность — личная. В командировке Михайловский учился у Новикова именно этому — смело брать на себя нелегкую командирскую ношу в любой обстановке.

Экипаж дважды вылетал на выполнение экстренных санзаданий. Один из этих вылетов — по особо тяжелому случаю. В таких обстоятельствах летят, невзирая на условия погоды. Летчики своевременно вывезли потерпевшего. Им оказался солдат-водитель: переезжая дамбу, опрокинулся вместе с машиной и получил серьезную травму черепа. Помощь солдату, находившемуся без сознания, была оказана своевременно.

«Это что… Бывало сложнее, — рассказывал Новиков молодым

летчикам, жадно внимавшим рассказу командира звена. — Вот был у меня случай в прошлом году…»

Тогда экипажу Новикова, поднятому в воздух по тревоге, предстояло вывезти с горной заставы тяжелобольную женщину. Еще не долетая до предгорий, летчики увидели, что земные ориентиры стало заволакивать низкими облаками. Местами — туман до самой земли. Чтобы не сбиться с курса, ориентировались по дороге, линия которой смутно вырисовывалась в просветах между облаками и клочьями тумана. Снизились до предельно малой высоты. Когда подлетели к месту, где сходились три ущелья, видимость ухудшилась до километра. Только отличное знание местности позволило экипажу продолжить полет вдоль одного из ущелий к заставе. Гасили скорость, разворачивались на посадку, чтобы зайти против ветра, уже в снегопад. Сели, взяли на борт больную — и снова в воздух. На обратном пути опять вышли на едва заметную ленту дороги, потом ушли вверх, за облака. Благополучно приземлились на аэродроме, там уже ожидала «скорая».

Недавно стал командиром вертолета и лейтенант Газинур Закиров. В 1985 году он в числе лучших окончил летное училище. Командиром назначили через год службы. За успешное выполнение ответственных заданий награжден медалью «За боевые заслуги». Сразу после выпуска назначен на должность командира экипажа и Анатолий Захаров.

«Не каждому дано право ходить на последних метрах родной земли». Если перефразировать эти слова Сергея Лазо применительно к летчикам-пограничникам, то можно сказать так: не каждому дано право летать по самому краю воздушного пространства нашей Родины. Молодые летчики эскадрильи завоевывают такое право своим мастерством, подтверждают его каждым полетом, каждой минутой, проведенной в воздухе. И уже на подходе новая смена. Уверенно идут к рубежу командирского становления штурман звена лейтенант Алексей Васянин, летчики-штурманы лейтенанты Сергей Козлов, Геннадий Шиман. Они — уральцы, окончили училище штурманов в Челябинске. Старт ими взят хороший. Они нашли свое место в летном коллективе.

5

Справедливо утверждение, ставшее аксиомой авиационной жизни: успех в воздухе куется на земле. Успех этот достигается совместными усилиями летчиков и наземных специалистов.

Будучи на аэродроме, я наблюдал слаженную работу

летчиков экипажа Татаринцева совместно с наземными специалистами по плану паркового дня. Трудно было распознать среди них кто есть кто: все заняты одним делом, и у летного экипажа, и у техников одна забота — как лучше подготовить машину к эксплуатации. И летчики, и наземные специалисты, засучив рукава, трудились дружно: одни осматривали агрегаты, узлы, системы, другие заняты приборами, третьи — на самом верху откручивали винты крепления панелей.

И дело делается сообща, и успехи тоже общие. А если вспомнить известное выражение «сочтемся славой», что ж — и слава поровну. Не во всякой авиационной части встретишь столько орденоносцев среди технического состава. Орденами Красной Звезды награждены бортовые техники капитан М. Ковалев и капитан Ю. Чуев. Имеют награды капитан К. Растрипа — начальник группы, капитан Данильянц — бортовой техник. Высоких наград удостоены майор С. Мирошниченко, прапорщик А. Рубцов.

Возглавляет инженерно-авиационную службу эскадрильи подполковник В. Журавлев. Авиатор он бывалый, довелось послужить в разных округах, свыше девятнадцати лет отдал пограничной службе. Владимир Иванович награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране Государственной границы СССР».

Если бы создавали эмблему пограничной авиации, я предложил бы такую: раскрытые ладони, выпускающие вертолет. Да, каждая машина, поднимающаяся в воздух, согрета теплом рук десятков специалистов «наземного базирования». Без их труда, энергии, вдохновения мощная современная техника безжизненна. И так же, как когда-то в старину холил, чистил, ковал и расчесывал своего каурого заботливый хозяин, обихаживают нынче работящие парни машины, вобравшие в свою железную грудь тысячи лошадиных сил.

Младший сержант Сергей Куприянов — механик того самого вертолета, на котором экипаж капитана И. Татаринцева задержал нарушителя. Не скрывая, гордится, что именно он готовил вертолет к выполнению задания. Среднего роста, крепкого сложения, на смышленом загорелом лице, обветренном на аэродромном просторе, смуглый румянец, карие глаза смотрят с выражением веселой энергии. До службы окончил техникум, парень грамотный во всех отношениях, успешно подготовился к сдаче на 2-й класс, награжден знаком «Отличник погранвойск».

И Сергей Куприянов, и его товарищи, механики, хорошо сознают свою роль в той работе, в тех трудах, которые вкладываются в подготовку авиационной техники к полетам, свою

значимость в коллективе авиаторов.

А специалисты других служб, механики групп обслуживания… Они многое могут и умеют, и не только «устранять зазор между ветошью и материальной частью». В большинстве своем — это отличные, классные специалисты, люди нужные и, не для красного словца, незаменимые в пограничной авиации.

Сурова жизнь в приграничье. Вокруг гарнизона — камни, песок. Цветы перед домами офицерских семей растут на привозной земле. Летом — изнурительная жара, осенью, зимой — пронизывающие ледяные ветры, пыльные бури, что застят белый свет, бывает, по три дня.

Хватает здесь и чисто житейских проблем. Наиболее острая — жилье. Значительная часть офицеров и прапорщиков живет в неблагоустроенных домах. Вот один довольно распространенный сюжет, который мне рассказал секретарь партбюро капитан А. Петрухин. Приезжает к лейтенанту, который женился недавно в отпуске, молодая жена. Муж не смог встретить, находился в командировке, но молодой женщине вручили в штабе ключ от квартиры, выделенной молодоженам, исходя из возможностей, естественно. Открыла юная офицерская жена дверь, окинула беглым взглядом хатенку — и в слезы: «Ох, куда я попала!» Конечно, ей, выросшей в приличных условиях большого города, увиденное в гарнизоне показалось чересчур резким контрастом.

О культурном и интересном досуге молодых офицеров, семей военнослужащих писать тоже не приходится, понятное дело — гарнизон находится вдали от центров цивилизации. Проблемы возникают вокруг самого насущного. И магазинов «чуть» меньше, чем в каком-то столичном микрорайоне, и выбор «чуть» победнее. Рассуждать об этом, о таковых проблемах, как о чем-то совершенно неизбежном и обязательном, может, будет не совсем верно. Тяготы воинской службы положено переносить по уставу. А вот житейские невзгоды для семей военнослужащих уставом не предусмотрены. И хорошо, что сейчас об этом говорят открыто, и в печати стали слышны голоса о необходимости перемен в обеспечении военных гарнизонов соцкультбытом. А женам авиаторов и без того приходится не сладко: терпеливое ожидание мужей из длительных командировок заслуживает не меньшего восхищения, чем ожидание Ярославны.

Одним словом, и служба не мед, и жизнь гарнизонная — жизнь особенная, все это образует такую среду, которая требует недюжинной физической и нравственной закалки. Многие авиаторы выдержали это нелегкое испытание дальним

гарнизоном и службой здесь не тяготятся. Они понимают свое высокое назначение, ведь они охраняют небо границы.

Александр Неустроев
НА ДАЛЕКОЙ ЗАСТАВЕ

Между Джунгарским Алатау и хребтом Барлык, этими громадами, уходящими в небо, распахнуты Джунгарские ворота. Кажется, сама природа распорядилась так, чтобы крутые склоны вдоль каменистой пустыни стали декорациями трагедий на сцене Истории.

Сюда, в узкую горловину ворот, испокон веков неисчислимыми волнами накатывали таинственные кочевники Центральной Азии. Сами горы содрогнулись, когда в створ ворот повернули своих коней тумены Чингиза. Долины Семиречья с их оазисами и городами были преданы огню, разгрому, местами население было вырезано поголовно…

И еще сотни лет борьбы с завоевателями, жестоких распрей мелких ханств — каким чудом выстояли, не растворились в «массовках» Истории предки нынешних казахов? Ведь так долго ползли по ущельям века и годы, пока не заперли горные проходы российские пограничные укрепления.

1. Ветераны. История

Дороги здесь пустынны, и машины на них одного, военного цвета хаки; люди в такого же цвета одеждах внимательны и немногословны: погранзона! Мы колесим по этим дорогам уже не первые сутки и успели со многим освоиться. Даже Вера Рябиченко, самая экспансивная из нас, не выражает былых восторгов при виде двугорбых жвачных или чабанской юрты, а бывший пограничник Юра Васильев у какого-то озера меланхолично заметил: «Между прочим, вон на горе еще одно озеро. Опять мираж». К экзотике привыкаешь быстро.

Но только вот никак не привыкнешь к тому, что и само время словно дрожит и расплывается над раскаленным камнем; не знаешь, кого высматривает, скользя по склону, орел — банального тушканчика или… костер степняка… И людям не устаешь удивляться. Под маскхалатами, под суровостью своей несут они в себе Время, Историю, Память.

Эта поездка в подшефный погранотряд — в делегацию входили завотделом обкома ВЛКСМ Владимир Машихин, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ УралАЗа Юрий Васильев, рабочий ЧТЗ Виктор Геллер, актриса Челябинской драмы Вера

Рябиченко, поэт Сергей Семянников и автор этих строк — была «плановым мероприятием». Спасибо плану и… его величеству случаю!

Наш шофер Коля Черепанов (молчаливый, сильный, все умеющий парень, земляк — скоро вернется в свою Ольховку под Карталами) притормозил и рукой указал на зеленый склон: «Видите? Здесь легенды ходят, что когда он за кордон ушел, это любовница его камнями выложила». И действительно, в косых лучах заходящего солнца с трудом — камни давно заросли, местами разобраны, — но все же, если приглядеться специально, можно разобрать буквы, а потом и слово «А-н-н-е-н-к-о-в». Анненков! Вот она как еще вывернула, история.

Гражданская война вымела из России обломки белого воинства; головорезы Дутова и Анненкова вернули сюда, в Семиречье, недоброй памяти времена кочевых нашествий. Вместе с бандами в погромах участвовали формирования кулаков, баев, буржуазных националистов. Но нити заговоров и мятежей тянулись за кордон, к центрам империалистических разведок. В таких условиях в феврале 1924 года была сформирована пограничная охрана Киргизского (Казахского) края. Те, первые, ставшие давно легендой, оставили лишь скупые свидетельства борьбы и ожесточения.

> «Приказ № 1 по гарнизону Кызыл-Агачского красного отряда.
>
> Всем нам известно, что мы окружены со всех сторон бандитами и находимся в серьезной опасности. Только твердость духа, революционная дисциплина, прочная спайка и сознание своего долга могут быть порукой к спасению… Ввиду серьезности положения и возможности измены виновные в нарушении дисциплины будут преданы полевому суду с применением самых строгих мер наказания вплоть до расстрела…»

Изменников не оказалось. Это подтверждает еще один документ из музея погранотряда:

> «В марте 1930 года из г. Джаркента с учебного пункта на заставу для ее укомплектования была выслана группа из 13 молодых пограничников с командиром отделения Павлом Слесаревым. В селе Кызыл-Агач они встретились с трехтысячной бандой бывшего царского офицера Кивлева. В течение шести суток, занимая круговую оборону в здании сельсовета, вели

пограничники неравный бой…»

Они выстояли. В селе Кызыл-Агач высится сейчас обелиск. Мы встречали их часто, обелиски. В поселках и на заставах. Но еще больше памятников нерукотворных — горных пиков и невзрачных сопок, развилок дорог и просто километровых отметок. Обильно полита земля в створе Джунгарских ворот кровью пограничников. «А вот здесь и есть те самые Каменные ворота», — пояснил нам Лев Николаевич Глебов, подполковник запаса, ветеран пограничных войск, когда мы добирались ущельем с заставы на заставу. Обманом заманил сюда Анненков наш эскадрон. Все полегли под пулеметами… И своих не щадил, зверюга. Когда уходил за кордон, предложил им: кто хочет — возвращайтесь, только оружие оставьте. Те и оставили… Человек триста уничтожил».

Нам повезло в эту поездку на гида и проводника. Лев Николаевич знает границу, службу нес на разных заставах, в разных отрядах. Восемнадцать личных задержаний!

Мы побывали с ним там, где начинался этот отряд, — в городке посреди степи: отряд давно уже дислоцирован в другом месте. А в самом начале было так: несколько палаток в выжженной степи, и в них — несколько офицеров. По утрам бегали на озеро. Пока умывались, на закидушках оказывалось по нескольку окуней — благодать! Подъезжали военные строители, городок строился. Тоже по-военному: работали день и ночь. В пару месяцев возвели казармы, столовую, клуб, привезли и заботливо высадили первые саженцы…

А потом в одни сутки все это было разрушено! Таких ураганов никто из них никогда не видел: ломало, сносило крыши, выдувало стены, корежило металл. Машины после первых же приступов стихии выглядели так, словно побывали под перекрестным огнем… О хрупких саженцах и говорить нечего.

Но — выстояли. И строили снова. Были здесь столько, сколько положено. Конечно, люди военные, и приказ есть приказ. Но ведь так отчетливо звучит еще в предгорьях приказ тех, кто лежит сейчас под обелисками!

Встретились мы в эти дни на границе еще с одним ветераном, Иваном Акиндиновичем Андреевым. Участник битв за Москву, за Кавказ (сбивал с перевалов хваленых «эдельвейсов»), на границе — с сорок пятого. Останавливался на дорогах, у сопок, ставших памятниками: «Вот здесь это было». Скупо рассказывал, как тяжко приходилось в те годы, как изматывала борьба с бандитами: какая там техника — лошадей не хватало! И только пуля, самый веский аргумент, иногда прекращала изнуряющие

погони…

2. Офицеры. Память

«Письмо служащей погранкомендатуры Пульниковой Ефросиньи Михайловны.

Я, Пульникова Е. М., 1900 г. р., работала в погранкомендатуре с 21 ноября 1930 г. по 10 марта 1939 г. машинисткой, затем делопроизводителем…

В 1930—1933 годы много горя и слез своими бесчинствами и зверствами принесла банда Семки Чуваша (Семен Арвейников) из Константиновки. Они уводили людей, угоняли скот. Были неуловимы из-за умелой и разнообразной конспирации. В октябре 1931 года бандиты убили С. Кривченко, с ним был Лебедев, но его нашли на пятые сутки, тяжело раненного, с обмороженными ногами. Он был без сознания. Они оба с одного пограничного поста. Кривченко убили в перестрелке.

19 июля 1932 года на перевале Каракезень убит С. Кривошеин. В операции участвовало много комсостава комендатуры, длилась она около трех суток. Привезли Кривошеина с забинтованной головой, так и хоронили…

9 или 10 июля 1933 года погиб Крымцов на погранпосту, хоронили на следующий день. Был также зверски истерзан… Имен всех не помню».

Для многих зрительный образ границы, именно как той черты, что отделяет государство одно от другого, связан с контрольно-следовой полосой. Это ошибка. Граница незрима. Вполне реальны только ориентиры, за которые она цепляется: вот этот склон, вот этот пик, вот эта речка. За спиной — вся прошлая и будущая жизнь. Только память рядом. И — застава, на которой все: дом, Родина, семья.

…Стальные растяжки гудят на ветру, удерживая вышку в более-менее приличной амплитуде. На воздухе друг друга не слышно, но отсюда, с высоты, совсем в другом ракурсе предстают и застава, и система, и даже горы — свои и чужие. Приближаем оптикой чужие: нет, все то же самое (как будто может быть иначе, но ведь граница завораживает!)

А Владимир Кузьменко смотрит на наши забавы снисходительно: ему за год тут каждый саксаул приятелем стал, каждый камешек. Привык уже к умопомрачительным жарким ветрам, к потрескавшейся земле, к одинокому озерцу (вода в нем

целебная, и люди за тысячи верст приезжают) и к этому пятачку, забранному в бетон, — заставе. Застава — семья…

Внизу на пустынном плацу — забытый велосипед. Обычный трехколесный «велик», этакая крохотуля. Сынишка начальника заставы спит, наверное, как и солдаты. Сейчас все, кто не на службе, спят. Вон там, в загончике, даже поросята разомлели в тени (подсобное хозяйство!). Год назад он, молоденький лейтенант погранвойск, даже и не подозревал о наличии в природе таких пейзажей и… такой породы поросят. Волновался: а как-то примет все это Наташа? Из Подмосковья с первенцем на руках в этакие степи?

Думает лейтенант, сомневается, надеется… Жена пограничника — «профессия», требующая самоотречения, это доказательств не требует. Не все и выдерживают, чего греха таить. Те, что несут сей тяжкий крест до конца, достойны низкого поклона. Памятника достойны.

А вот капитан Аркадий Резнюк все свои проблемы решает спокойно, уверенно, как-то добротно. И вся его застава — в «отца-командира»: уютная, чистенькая, праздничная. Она уже в горах, прикрыта ими от ветров, она в зелени травы и кустов. Но и здесь праздники (такие, как наш приезд) — редкость…

Слушала пограничная семья нашу «концертную программу» — Веру и Сергея, долго не отпускала, аплодировала — давно забытые движения рук! Рядом с капитаном — его жена Елена, сегодня ее «выход»: в нарядном платье, прическа. Такой я ее видел задолго до встречи, за прилавком магазинчика (работает продавцом), нетерпеливо поглядывающей на часы. Проводят нас — и опять служба.

Познакомились они здесь, на границе. Елена жила в райцентре, а вот Аркадий — одессит. Родился в семье пограничника. Его отец, Василий Кондратьевич, еще в предвоенные годы служил срочную в Закавказье. Имеет несколько задержаний. В войну под Харьковом был тяжело ранен: из госпиталей вернулся домой только в сорок восьмом. На костылях вернулся. И с костылями сорок один год (!) работал на тракторе. С осколком войны, который все еще носит в себе…

Нет, было бы неверным вот так напрямую связывать отцовскую судьбу, его границу с сыновним выбором (Аркадий вначале даже поступал в авиационное училище), но и в сыновнюю память навсегда врезался тот осколок сорок третьего. И уже совсем не случайно в группе таких же ребят еще в училище подал рапорт с просьбой направить на самый сложный участок границы. Сейчас его участок — самый надежный. Только вот в последнее время не отпускает щемящая боль: «Бате уже семьдесят, врачи

дважды спасали: сердце…»

И на этой заставе увидели мы детский велосипед. И в том, что сыновья капитана Максим и Санька, когда вырастут, вернутся на границу, уже ничего удивительного не будет. Во всех их играх обязательно звучит команда: «На охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик назначаются…», «Застава, в ружье!» И через их память пролетит осколок войны и эхо схваток на границе.

3. Солдаты. Время

«Куда: Челябинская область, Карталинский район, село Ольховка, улица Маяковского, 65а.

Кому: Черепановой Любови Васильевне.

Здравствуй, мама! Привет с границы! У меня все нормально. Здесь, как обычно летом, жарища. Но ничего — красиво. Недавно был в командировке, в горы ездили. Отличный отдых! Даже порыбачили, шашлыки готовили. Хотели искупаться — да вода холодная. Сфотографировались, я привезу фотографии домой. Осталось совсем недолго. Учения еще были, но об этом совсем неинтересно.

Как там наши, как отец, что нового в совхозе? Трудновато сейчас в поле, наверное: говорят, у вас там все дождями залило? По работе, по комбайну скучаю, хоть давно уже к машине привык — недавно получил новую.

Вот вроде и все. Передавай привет всем пацанам. До встречи.

Николай».

Солдатские письма — радость и тоска матерей. Ну почему так редко пишет? Почему так скупо? Любовь Васильевна, это письмо Коля вообще не писал. Просто дал адрес и попросил «при случае» передать весточку. Вот и передаю. От себя добавлю: парня не узнаете. Повзрослел, загорел, чуточку погрубел (это пройдет). Спасибо вам, Любовь Васильевна, за сына. На таких парнях граница держится. Я видел, как он лез по пояс в ледяную воду, в грязь, ночью, чтобы вытащить машину («командировка»!); я видел, как он, всегда молчаливый (ведь так?), пытался не молчать, чтобы не уснуть за рулем («отличный отдых»); я видел, каким серым, коричневым, синим он вернулся с полигона («об этом совсем неинтересно»). Не переживайте. Это настоящим

мужчинам на пользу. И через пару месяцев ждите домой (не шашлыков — пельменей бы!)…

— За отличное несение службы, успехи в коммунистическом воспитании молодежи грамотами и ценными подарками награждаются: Александр Корнилов (рабочий комбината «Магнезит»), Станислав Кудрин (выпускник Челябинского СПТУ-99), Юрий Варсеев (тракторист совхоза «Тимирязевский»), Олег Кузнецов (шахтер шахты «Капитальная»)…

Рядовые, сержанты, старшины в прошлом были рабочими, трактористами, шахтерами. И снова ими станут. Назвать бы их всех пофамильно — награжденных и пока нет, растерянных новобранцев и снисходительных ветеранов, — места не хватит…

— У нас их процентов семьдесят, уральцев, — рассказывал капитан Резник. — Ребята надежные. В таких случаях говорят: «Я бы с ним в разведку пошел». А мы каждый день в разведке…

В музее отряда — капсулы с землей, собранной в разных концах Союза: земля Семиречья, земля разъезда Дубосеково, земля Брестской крепости… В священном ряду — земля Урала, привезенная из Челябинска. Не только потому, что имя Танкограда вполне созвучно этим отметинам на карте страны, — здесь по традиции несут службу уральцы. Здесь же, в музее, бюст Виталия Рязанова. А в Златоусте — улица его имени. Здесь документы и личные вещи нязепетровца Геннадия Степанова, пермяка Михаила Дулепова…

Как не понять «родовое» братство парней в зеленых фуражках! Два года границы, в которых каждый день на пределе, не могут не остаться на всю жизнь. Вот пишет на заставу сержант Сергей Олейник:

> «Дома встретили, как и полагается — радость, слезы… Много нового, многое изменилось, привыкаю к «гражданке». Но вот прошло два месяца, и потянуло к себе на заставу — сил нет…»

— Со всеми так бывает, — размышляет младший сержант Игорь Сокольских, — все ребята об одном пишут. И со мной будет. Такова натура человеческая. А сейчас вот нас домой тянет…

Мы разговаривали с Игорем перед концертом, которым «угощала» нас застава, и слышно было, как в ленинской комнате ребята настраивали гитары: они потом пели о том, как их домой тянет.

Через несколько месяцев он вернется в родной поселок имени Бажова под Копейском, вместе с отцом снова отправится на шахту «Подозерная». На одном участке работали, оба специалисты по

горному электрооборудованию. Но это лишь в песне поется: «Только две зимы…» За две зимы парни мужчинами становятся. Другой человек в поселок шахтерский вернется, с иными мерками ответственности.

Еще в училище состоял в комитете ВЛКСМ Александр Баздрин. Закончил училище — и слесарем-инструментальщиком на Миасский автозавод. И здесь от нагрузок не увиливал. Но в том-то и дело, что очень многие все еще «состоят», «числятся», «несут нагрузки».

— Знаете, что больше всего поразило здесь поначалу, — рассказывает Александр. — Для ребят нет страшнее наказания, чем быть рассмотренным на комсомольском собрании.

Граница обнажает чувства, запыленные обыденностью, проявляет качества, хранимые, казалось бы, в недосягаемых уголках. Так бывает всегда, когда приходит время защищать родную землю и выбор падает на тебя.

Я видел, как влажнели глаза на лицах, продубленных ветрами, когда Вера Рябиченко читала монолог о женщинах войны, видел, как сжимались кулаки, когда Сережа Семянников пел свою стихотворение-песню о тех, кто двадцать второго июня, нарушив приказ «не поддаваться на провокации», шагнул на границе в бессмертие. Мы становились свидетелями трогательных сцен, когда молодые пограничники забирались на головокружительную высоту, приносили оттуда удивительно нежные алые цветы — марьины глаза и, смущаясь, дарили нашей Вере или когда за общим столом ребята вдруг спрашивали, вкусна ли рыба, а потом выяснилось, что это вот сейчас только, когда мы были на экскурсии, они ловили для нас в горной речушке голубую форель…

Они жадно расспрашивали, чем живет Челябинск, как дела на ЧТЗ, УралАЗе. И как-то странно звучали среди диких гор слова о смотре-конкурсе «Юность комсомольская моя», «Пой, гармонь»… И странным было знание того, что вот эти ребята, которые еще раз проверяют автоматы, а потом на бревне балансируют над потоком и скрываются в ущелье, может быть, и встречались тебе где-нибудь на Смолино или Шершнях… И наверняка еще встретятся.

А потом другие ребята из Златоуста и Челябинска, Магнитки и Миасса выйдут из строя по приказу: «На охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик назначаются…» И продолжится неизбывное. Время. История. Память.

Краснознаменный Восточный пограничный округ

Александр Ляпустин
ЧЕТЫРЕ КИЛОМЕТРА НАД УРОВНЕМ МОРЯ

Здесь нет контрольно-следовой полосы, привычных нам пограничных знаков — столбов с гербом страны, граница здесь может проходить по самому гребню хребта, по узкому каньону, в котором беспокойно бьется седая струя воды; по склону горы даже настойчивым горным травинкам не за что зацепиться корнями…

Это граница, ее участок, который поручено охранять Краснознаменному Восточному пограничному округу, а точнее — пограничному отряду, находящемуся в городе Пржевальске. Это граница — это Тянь-Шань. Весной, приглашая меня в гости, пограничники смеялись: «У нас всегда солнце». Только побывав здесь, я понял истинный смысл этой фразы — облака плывут куда ниже, чем разместились заставы…

Самолет Челябинск — Алма-Ата перебросил нас через Казахстан. В аэропорту гостеприимная встреча (сотрудники газеты «Часовой Родины», издающейся в Краснознаменном Восточном пограничном округе, позаботились о том, чтобы мы были избавлены от поисков в незнакомом городе) и… первая встреча с земляком-пограничником. Правда, был он не в военной форме, а в черном комбинезоне — Сергей Щелканов, в недавнем прошлом студент Челябинского политехнического института, несет военную службу в типографии. О нем отзываются как о совсем неплохом линотиписте. Мы попросили его рассказать о себе, и вот какие строки он набрал на своем линотипе:

> «Сергей Щелканов. Закончил два курса политехнического института. Энергофак. Папа работает на металлургическом комбинате крановщиком в обжимном цехе № 2. Его зовут Василий Николаевич. Любая профессия военного нужна, нужно только честно исполнить свой долг…»

Пограничников в Алма-Ате можно встретить, но границы не увидеть. И наш путь лежал дальше — над вершинами Заилийского Алатау в небольшой городок Пржевальск, уютно притулившийся к горам на берегу Иссык-Куля. Там находится пограничный отряд, в котором служит немало челябинцев. Сюда ездят ежегодно комсомольцы объединения «Полет». В составе этой части их подшефная застава.

Фантастический по красоте пейзажей перелет заканчивается

встречей на небольшом аэродроме, переездом в часть и знакомством с земляками, которые… уже собрались домой. Они, как говорят здесь, уже спустились с гор и оформляли документы для возвращения в родные края.

Познакомились: Василий Арбузин, Артур Хазгалеев, Олег Родионов и Владимир Федоров. По значкам сразу понял, как отслужили ребята — все отличники погранвойск, все награждены знаками ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Василий Арбузин служил гранатометчиком, собирается в родном Боровом совхозе Брединского района вернуться к любимой профессии тракториста. Вожатый собак Артур Хазгалеев, работавший до призыва в Канашевском совхозе Красноармейского района, а еще раньше закончивший Троицкий зоотехникум, решил в своем Красногорске работать на свинокомплексе. А Олег и Владимир возвращались на работу в Сим, оба до призыва работали на заводе.

Здесь, в части, как оказалось, немало челябинцев — и тех, кто еще готовится к нелегкой службе на границе, и тех, кто готовит их к этому.

До границы и недалеко, и неблизко. Нужно еще преодолеть десятки километров (но уже не тысячи!), весь вопрос — как. Принято решение — пробиваться на горные заставы автомашиной. Поставлено условие: при малейших осложнениях возвращаться назад, по пути следования оповещены посты, на которых мы должны докладывать о себе, если мы не выйдем в контрольное время на связь, будет организован поиск…

Начальник политотдела Краснознаменного Восточного пограничного округа генерал-майор Анатолий Тимофеевич Худяков (он в этот день был в отряде на собрании партийного актива) еще раз предупредил: «Просим об одном: максимальное соблюдение требований безопасности. С горами не шутят. С нашими — тем более!»

Начальник политотдела отряда решительно отдал свой УАЗ-469. «Экипаж» укомплектован: водитель — отличный воронежский парень Николай Кожевников (это была его последняя поездка перед увольнением в запас), старший группы — начальник клуба капитан В. И. Бескоровайный и мы — фотокорреспондент Юрий Штрайзент и автор этих строк.

Еще раз уточняем время выезда — завтра, в восемь ноль-ноль и ни минутой позже. От этой минуты начинается отсчет времени нашей поездки, от этой минуты нас будут вести по трассе контрольные посты (потом мы поняли, почему Бескоровайный постоянно смотрел на часы — контролировал время, в уме просчитывая график нашего движения).

Для нас горы были одна красивее другой и в то же время обезличенными, а он четко ориентировался, где мы в данный момент находимся, сколько прошли, сколько еще нужно пройти, чтобы у контрольного поста выйти из машины и доложить по телефону кому-то невидимому: «Прибыли на… идем по графику, все в порядке». А потом отправиться дальше. Или выше?

Выше! Потому что наш путь пролегал не столько вдаль, сколько вверх — в конечном результате мы должны были оказаться на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря, а перевалы, как я уже говорил, были именно на такой высоте. Нежное слово «серпантин» не очень подходило для дорог на них. Когда замирает дух от коротких петель и поворотов дороги, когда долго видишь внизу все уменьшающиеся домик поста, фигурки людей и одну из них — отличного парня из Магнитогорска, подручного сталевара из первого мартена Евгения Демина…

Он сам на этом безлюдном посту появился откуда-то из-за машины (весть о нашем проезде опережала нас):

— Вы из Челябинска? А я из Магнитогорска, — и широко и радостно улыбнулся. Я протянул ему большое-пребольшое и яркое яблоко, и он удивился — не из Челябинска же везли гостинец — так и стоял с ним в руке, пока мы петляли по первому перевалу, и смотрел нам вслед. Впрочем, если он и видел ползущую по белому склону черную точку машины, то в наших глазах он давно слился с зонтиком постовой будки — горы, видно как в перевернутый бинокль, еще вроде не отъехал, а уже далеко…

О горах и перевалах все-таки потом. Сначала надо рассказать об уникальной заставе и исключительных людях, которые служат на ней.

Когда еще только собирались, «утрясали» состав экипажа и наконец решили двигаться на автомашине, политработник Шухратбек Турсунбекович Расулов предупредил:

— Обязательно заедьте на заставу номер семь. Обязательно! Иначе Борис Николаевич обидится.

Сразу скажу: назвав заставу, я не выдал никакой военной тайны — это название, этот номер пограничники давно присвоили дому в одном из поселков, где живут Зоя Васильевна и Борис Николаевич Свистуновы.

В 1943 году Свистунов рвался на фронт, сражаться с фашистами. Однако командование решило по-своему, и Борис Свистунов оказался на пограничной заставе, на границе с Турцией. Знающие историю Великой Отечественной войны помнят, как важен был этот участок границы, спокойствие на нем.

После победы Борис Николаевич служил во многих местах, к концу службы преподавал в пограничном училище. В звании подполковника ушел в запас и обосновался в тех самых местах, где мы и оказались.

«Застава номер семь» — это уютный домик и роскошный сад Свистуновых. Осень уже глубокая, у нас на Урале зима, поэтому видим через заборчик пустынный сад с укрытыми брезентом и полиэтиленом кучами. На сигнал автомашины почти бежит пожилой мужчина: мы, конечно, догадываемся, что это и есть Борис Николаевич, а с Валерием Бескоровайным они обнимаются, как старые друзья.

— Проходите, проходите, — еще не спрашивая имен, открывает он калитку. — На заставы собрались? На какие? — и получив ответ, радостно восклицает: — Отлично! В самый раз им посылку мою передать… Вот молодцы, что заехали.

И тут же начинает хлопотать, в суету включается и Зоя Васильевна. Появились мешки, в которые у нас обычно ссыпают картошку, вскрыты укутанные под деревьями кучи, и нашему взгляду предстают фантастической красоты (и как тут же убедились: отменного вкуса!) яблоки. И так же, как мы на Урале картошку, стал насыпать Борис Николаевич в эти мешки яблоки: «Вот хорошо, ребятам увезете! Вот как хорошо!»

Насыпаны и завязаны мешки, отведали мы яблок и груш, а Зоя Васильевна и Борис Николаевич все еще не могут успокоиться — увидели на сиденье свободное местечко, еще яблок добавили, пытались во все свободные карманы нам положить, да яблоки-то в карман… не лезут — такие крупные! Взяли слово, что на обратной дороге заедем снова, и долго смотрели нам вслед.

За многие годы Зоя Васильевна и Борис Николаевич не продали ни одного яблока на базаре — все, что выращивают, с любой оказией отправляют на далекие и ближние заставы.

Потом, когда мы добрались до цели, когда увидели окружающие несколько домиков заставы неприступные горы — без снега (сдувает), без растительности (что удержится на скалах?), когда увидели, как радостно несли солдаты весомый мешок (привет от Бориса Николаевича), когда увидели эти яблоки на солдатском столе, мы поняли, что значат они для ребят в заоблачной выси…

…Ну а теперь, когда укомплектован наш «экипаж», когда загружена почта и кинофильмы, когда визит на «заставу номер семь» окончательно утяжелил наш «уазик», можно и о горах. Тем более, что сразу наш путь по асфальту обрывается поворотом влево — в горы, в ущелье горной реки.

Горы… Загляните в учебник географии и почитайте, что там написано про Тянь-Шань. Посмотрите, какой густой, темно-коричневой краской обозначены они. Это неприступные скалы. Вершины можно увидеть из окон машины, лишь приклонив голову чуть не до пола кабины. Горы в снегу, который не тает и летом, горы без снега, который с них сдувает зимним ветром, горы в темно-зеленых юбочках из тянь-шаньских елей внизу и абсолютно обнаженные, без какой-либо растительности наверху. Горные и реки и речушки в ущельях, перевалы, верхняя точка которых колеблется возле отметки 4000 метров. Дороги, как тропы горного козла, зависающие над обрывами-пропастями и петляющие вверх к перевалам, зажатые в теснинах и зауженные каменными осыпями, заметенные снегом и обледеневшие на ветру…

Скажу лишь одно: первая (асфальтированная часть) половина пути заняла каких-то два часа, и такое же расстояние в горах отняло шесть часов, а табличка в кабине: «Скорость не более 60 километров в час!» выглядит насмешкой, потому что в отдельных местах стрелка спидометра вообще не хочет отделяться от нуля… И дорога только по спидометру делится на два равных отрезка, а по карте горная часть куда как коротка, и длина эта достигается за счет головокружительных петель и поворотов, подъемов и спусков.

Такая вот дорога, на которой с нежностью вспоминаешь о тряском и гулком вертолете, и привела нас на первую заставу. Назову я ее, чтобы отличать от следующей, — Оазис. В распадке между скалистыми горами, на слиянии двух рек, окруженная несколькими деревьями, безлистными в эту пору, неожиданно возникшая из-за очередного поворота, когда уже наши силы (пассажиров просто!) были на исходе, она показалась действительно оазисом, и это правда.

И еще потому назвал эту заставу Оазисом, что на очередном контрольном пункте, где нужно было докладывать о прохождении этапа, увидел два фантастических дерева. Мало того, что вокруг был поистине (как обещали нам внизу) лунный пейзаж, а истинное название горной долины давно заменил на «Долину смерти» (попади в буран — не выедешь) — у здания «росли» два невиданных дерева. Стволы им заменяли чугунные покрашенные трубы, ветки были сделаны из проволоки, и на ветру гремели металлические зеленые листья. Нет, это не псевдодекор, которым иногда украшают еще наши кафе, это тоска по зеленому листочку, которого не видят ребята долгие месяцы службы.

А в Оазисе на площадке росло несколько деревьев, и сплетенные корни-стволы одного показывали, как дорого

достается им эта жизнь. Вокруг был посажен еще десяток-другой. Как сказал офицер Марат Мажитов, одни прижились, другие придется убирать, садить новые. Но каждый год приживается хоть несколько деревцев, и над водой горной речушки летом клубится легкое облачко зелени, о которой так тоскует сердце солдата, приехавшего сюда или от наших кудрявых уральских берез, или из Мещерских лесов…

Марат Мажитов здесь пятый год, и то, что мы увидели, — дело хлопот его и старание солдатских рук.

В теснине голых скал на берегу речушки прежде всего привлекают внимание два двухэтажных домика — в одном собственно застава, где пограничники готовят пищу и едят, смотрят телевизор и пишут письма домой, спят и умываются. В другом живут семьи офицеров и прапорщиков. Вокруг рассыпались, если можно так сказать о площадке размером с футбольное поле, вспомогательные помещения: гараж и котельная, баня и вольер для собак, конюшня и скотный двор. В конюшне несколько неприхотливых, выносливых лошадей, которые несут вместе с пограничниками нелегкую службу (каково им, можете представить по тому, что наш «уазик» на горных дорогах явно задыхался). В помещениях для скота несколько свиней, две коровы, бык, два теленка. А еще обнаружил я прилепившуюся к скале… теплицу!

Как все это важно, поймете, когда представите, какую нелегкую службу несут наши парни — и днем и ночью, в затишье и в ветер (а он здесь немилостивый) им приходится идти в дозоры по горным дорогам. А возвращаешься домой (иначе заставу не назовешь!), есть теплая вода, чтобы умыться и побриться, тепло в помещениях, а на обеденном столе будет стоять совсем домашний стакан молока с только что испеченным теплым хлебом (хлеб они ведь сами пекут) или лежать яблоко из посылки Бориса Николаевича, а то и салат из огурцов или помидоров.

Вдумайтесь, среди скал, на которых и деревья не приживаются, пограничникам удается вырастить лук, огурцы и помидоры. В теплице сейчас заложен новый урожай, но нам удалось попробовать огурец из прежнего. Тоненький, бледно-зеленый, но огурец на высоте стольких-то тысяч метров над уровнем моря! А ведь все это, что понадобилось для сооружения Оазиса, поначалу было принесено практически на руках, по тропам, которых боялись верблюды. Только потом пролегла маломальская дорога.

Выше Оазиса мы побывали еще на одной заставе. Ее впору назвать Орлиным гнездом. Там посложнее, скажем, нет

«центрального» отопления — топят печи-голландки. Там уже нет лошадей — они не могут жить на такой высоте, но еще живут коровы и в свинарнике слышно хрюканье. Но и там есть тепличка, правда, с выбитыми стеклами (ребята пояснили — камнепад поработал). И взаправду в Оазисе мы чувствовали себя уютнее, но необходимое для солдатского быта есть и в Орлином гнезде. На обеих заставах смотрят телевизор с помощью мудреных антенн «Орбиты», есть библиотечки и радиопроигрывающая аппаратура, есть киноустановки, на которых не по одному разу прокрутили привезенные нами фильмы. С Орлиного гнезда спускаются за водой за пять километров от заставы — текущая там речушка в эту пору представляет поток льда — промерзает до камней. Но — дух соперничества! — на Орлином гнезде похвастались наши земляки: «Зато у нас летом эдельвейсы цветут!»

На заставе все делают сами: отапливают помещения и стирают белье, пекут хлеб и ухаживают за скотом (многие научились доить корову), моют полы и монтируют электропроводку, топят баню и пилят завезенные дрова, подгоняют форму и ремонтируют обувь, благоустраивают территорию и ремонтируют канализацию (она есть в Оазисе), чистят лошадей и ремонтируют их сбрую, пропалывают скромные грядки в теплицах и делают домашнюю колбасу, летом делают квас по-уральски и угощают им редких гостей, ремонтируют линии связи, оборудуют спортплощадки и полосу препятствий, отвоевывая для этого у скал дополнительные квадратные метры…

Все делают сами! И многие мамы, читая эти строки о своих сыновьях-пограничниках, наверное, удивляются: «Он ведь дома ничего не умел…» Да, те самые ребята теперь умеют многое, в армии нянек нет, а в горах, где каждый человек на счету, тем более. Поэтому гранатометчик умеет доить корову, а повар может отлично стрелять из пулемета.

О том, что они умеют, чему научились на службе в армии и конкретно во время службы на границе, они расскажут сами, ответив на вопросы небольшой анкеты, которую я распространил среди земляков. А сейчас все-таки следует рассказать, что же такое граница и служба на ней, притом та ее часть, которая проходит за стенами их временного дома, независимо от того, называется он Оазисом или Орлиным гнездом…

У всех нас есть свое представление о границе, навеянное книгами и кинофильмами. Все мы видели, как идущие вдоль контрольно-следовой полосы пограничники обнаруживают на разбороненной гряде следы нарушителей. Немедленный сигнал на заставу: «Нарушена граница!» Наряд, спустив поводок собаки подлиннее, бросается по следу, а в это время на заставе раздается

команда: «Тревога! Застава в ружье!» В считанные секунды выбегают только что спавшие солдаты, уже одетые, с оружием в руках, взревел мотор автомашины и «тревожная» группа скрывается в ночи…

Перекрываются возможные пути углубления нарушителя в нашу территорию, круг, раскинутый по команде с заставы, все сужается, и наконец, вот он виден, петляющий в кустах нарушитель. Звучит команда: «Руки вверх!» или бросается на него собака — нарушитель повержен, задержан…

И снова вдоль контрольно-следовой полосы идет пограничник, зорко вглядываясь: не прошел ли кто… Сколько раз мы видели такое в кино, а здесь в Оазисе или на Орлином гнезде подобного не увидишь. Не проложишь на этом участке контрольно-следовую полосу. И потому, что не выдолбить ее в камне, и потому, что чаще всего линией границы служит непроходимая линия перелома горного хребта. Заснеженного или незаснеженного, но непроходимого. А задача как у всех пограничников одна — граница должна быть неприкосновенной, ее не должны нарушить ни с нашей, ни с сопредельной стороны.

Поэтому главная задача пограничников Оазиса или Орлиного гнезда — слушать тишину, быть предельно внимательными и наблюдательными. Уметь в фантастическом многообразии складок и переломов горных круч заметить любое изменение, заметить любое шевеление или блеснувший отраженный луч. Утомительное многочасовое наблюдение, вслушивание в тревожную тишину ночи, когда в скальных нагромождениях, в ущельях и расщелинах не видно ничего.

Постоянное наблюдение. На огромной территории, «подведомственной» заставе, они должны знать все: кто прошел редкими горными тропами-дорогами, сколько, в каком направлении. Я знаю теперь: каждый шаг наш был известен, потому что видел у одного из ребят пометки: «Район… два чабана, одна отара. Движутся в направлении…» Такое, наверное, и про нас… Ничто не должно остаться незамеченным. Да еще в местах, возможных для продвижения людей, проверить: нет ли новых, не известных ранее следов. Да еще постоянно изучать местность, выявлять щели и ущелья, по которым могут пройти нарушители. Иные, ранее не проходимые, открывают после изучения свои тайны и заставляют внимательнее затем наблюдать за ними.

Кто-то спросит: раз так непроходимы эти места, нужна ли такая бдительность и непрерывная вахта на границе? Нужна! Приведу примеры из довоенного прошлого, когда и у нарушителей, и у пограничников, стерегущих рубежи в этих

непроходимых местах, и вооружение было иное, и технических средств нынешних не было…

Ноябрь двадцать пятого года. Пограничный дозор обнаружил сорок девять вооруженных контрабандистов, везущих восемьдесят пудов опия. Завязали неравный бой. Подоспела помощь, нарушителей нагнали, но в схватке погибла и часть пограничников. Им установлен памятник в Пржевальске, с которого начался наш путь к границе. У него клянутся в верности традициям нынешние ее защитники.

Тридцать первый год, осень. Группа баев собралась для прорыва на сопредельную сторону. Их были десятки. Они гнали по горным тропам много скота. Пограничники отбили более ста коров, тысячу четыреста овец. В дальнейшем преследовании девять бандитов убито, четверо задержано, отбито двести семьдесят лошадей.

Следующий, тридцать второй год. Границу пыталась перейти банда в 25 человек. Восемь из них застрелены, отбито 37 лошадей, восемь килограммов опия.

Еще через два года — в тридцать четвертом. Банда в тридцать человек. В перестрелке погибли пять бандитов, одиннадцать взято в плен, захвачено пятнадцать единиц оружия, серебро, отбито сорок лошадей, шесть верблюдов.

Таков этот участок рубежей советской Отчизны. Сложный и… проходимый. Нет сейчас басмачей, нет сейчас таких банд, но кто сказал, что из-за этого можно снизить бдительность?! Тем более, что нарушения границы были и не так давно.

Вот почему ночью и днем, в любую погоду в высокогорных условиях несут здесь службу ребята из Челябинска и области, Рязани и Иванова, Коми АССР и Воронежа. Граница всегда должна быть на замке. Вот почему и сегодня на солдатских кителях мы видим знаки «Отличник погранвойск», ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», медали «За отличие в охране Государственной границы СССР». Вот почему на челябинских улицах мы можем встретить бывшего пограничника с медалью «За боевые заслуги» или орденом Красной Звезды. Кто же эти ребята, которые держат неприступными эти рубежи?

С офицером Сергеем Коваленко (он служит на другом участке границы) мы встречались еще раньше в Челябинске во время весеннего призыва. Он приезжал к нам в город за тем, чтобы получить будущее пополнение защитников границы. Еще тогда я спросил его, каким образом определяет он тех, кто подходит к службе на границе.

Особых требований нет — будущий пограничник должен быть готов к службе, как любой молодой человек, призываемый в

иной род войск. Но одно непременное условие — у каждого кандидата на службу в пограничных войсках офицер Коваленко после собеседования, после рассказа о трудностях, которые ждут на границе, спрашивал, желает ли он служить на заставе. Представляете, насколько ответственная эта служба, если у молодых парней, и без того обязанных выполнять свой воинский долг перед Родиной, спрашивают желание?

Да, потому что, если впоследствии не пойдет у парня служба, не захочет он или не сможет служить на границе, заменить его в горах, где счет не на роты и батальоны, а на каждого человека, будет очень трудно. Ведь иные заставы бывают подолгу отрезаны от «большой земли».

Так что сразу скажем: все, с кем мы встретились на двух заставах, добровольно выбрали из всех армейских путей именно этот — пограничный. Поэтому вопрос: «Добросовестно ли служат наши земляки?» — был просто неуместен на заставах. Добросовестно служат все, другое дело — у одних это получается лучше, у других чуть похуже. Это ясно, и тем приятнее в ленинских комнатах обеих застав было увидеть скромные фотографии земляков на стендах «Лучшие комсомольцы», «Победители социалистического соревнования», «Наши отличники», «Лучшие спортсмены»…

И все же из-за краткости пребывания на заставах было решено провести небольшое социологическое исследование. Быстро были сочинены несколько вопросов, на которые наши земляки и ответили.

Но сначала о тех, кто нам отвечает, об их воинской и гражданской специальностях: Ильгар Зейналов, старший сержант, фельдшер, командир отделения; Радис Гарипов, рядовой, помощник машиниста, старший водитель; Александр Лебедев, рядовой, водитель автомашины, стрелок-водитель; Юрий Седов, рядовой, электросварщик, вожатый собак; Андрей Зуев, рядовой, техник-конструктор, старший вожатый службы собак; Юрий Корнилов, рядовой, наладчик оборудования, старший стрелок-наводчик. Эти шестеро — с Оазиса. Еще четверо — с Орлиного гнезда: Игорь Карнаков, рядовой, электромеханик по ЭВМ, мастер по электроприборам, радиотелеграфист; Александр Тукачев, помощник машиниста тепловоза, водитель; Юрий Рыбьяков, рядовой, животновод, стрелок; Вадим Дегтярев, рядовой, помощник машиниста электровоза, аккумуляторщик, радиотелеграфист…

Всем им задан такой вопрос: «Чему научились во время службы на заставе?»

Ильгар Зейналов:

— Шить, стирать, варить, брить, стричь, ездить верхом, ухаживать за животными, отапливать заставу, топить баню, столярничать и плотничать, лепить из папье-маше (его макет топографической схемы я видел!), рисовать, делать резьбу по дереву, строить, заниматься сельхозработами, лечить, водить автомашину, стрелять, обращаться с оружием, владеть приемами рукопашного боя, обращаться со средствами связи.

Каков «набор» у выпускника медицинского училища!

Радис Гарипов:

— Научился водить машину в горных условиях, стрелять из всех видов стрелкового оружия. Научился ценить дружбу.

Александр Лебедев:

— Вожу машину в горах, стреляю из любого оружия, овладел приемами рукопашного боя, могу печь хлеб…

Юрий Седов:

— Кроме специальности вожатого собак, получил специальность киномеханика второй категории, научился водить автомашину, бережно относиться к своему оружию. Научился печь хлеб, готовить, шить, стирать. В общем стал самостоятельным человеком, но главное — здесь на заставе научился по-настоящему ценить дружбу и взаимовыручку.

Андрей Зуев:

— Научился обращаться со служебными собаками, в этом деле усовершенствовался как в теории, так и на практике. И по мелочам: умею теперь штукатурить, белить, плотничать. Стал собранней и аккуратнее. Но самое главное: стал еще больше любить свою Родину. Ведь здесь, на последних метрах, чувствуешь ответственность за свою страну.

Вадим Дегтярев:

— За время службы на заставе научился многим полезным делам — по военной специальности, делам по хозяйству. Самое главное: научился преодолевать различные трудности, а это будет не так уж мало в гражданской жизни…

Это, кстати, начало ответа на следующий вопрос: «Что из приобретенного на службе пригодится дома?»

Вот о чем сообщают анкеты.

«Все пригодится в дальнейшей жизни». «Закалка, тот дух, который вложили нам за эти два нелегких года здесь, на заставе. Уважение к людям, независимо от того, кто они».

Условие анкетирования было одно: «Ребята, не списывайте друг у друга!»

Каждый отвечал самостоятельно, а ответы, собранные вместе, я думаю, составили коллективный портрет земляков с далеких застав, которые мы назвали Оазис и Орлиное гнездо. И, думается,

они лучше любого журналистского описания или служебной характеристики этих ребят…

На страницах «Комсомольской правды» рассказывалось о правах и льготах для воинов-интернационалистов. Среди прочего было сказано, что один день службы в ограниченном контингенте наших войск в Афганистане засчитывается в выслугу за три. Так вот на заставах, на которых пришлось побывать, чуть полегче — «коэффициент» один к двум. И офицер Марат Мажитов, прослуживший в оазисе пять лет, только за этот период имеет десять лет военного стажа… А у политработника Расулова с зачетом границы и Афганистана выслуги 28 лет и по «стажу» можно три года как быть на пенсии, а лет-то ему всего… тридцать шесть. Такой вот «коэффициент»…

В сутках два дня и две ночи — этой формулой, думается, объяснена вся сложность пограничной службы на высокогорной заставе. В этом и разреженный горный воздух, когда надо помнить (сколько раз сам забывался!), что без привычки лишние полсотни метров не пробежишь. Что полсотни! На одном из перевалов, когда наш «уазик» застрял в снежном заносе, попытался я копнуть снег лопатой — после нескольких взмахов хватал открытым ртом воздух, как рыба на льду Шершневского водохранилища. Да и на заставе чуть поспешишь и та же картина — долго потом взволнованно бьется сердце. А чуть привыкнув, не удивляешься, что не с первой спички раскурил сигарету — пшикнет головка спички, а лучинка и не думает заняться огнем.

В «двойном коэффициенте» — и эти горы без зеленой краски лета, и ежедневные пограничные вахты (ежедневные — это значит и днем, и ночью), и обязанность выходить в наряд в любое время года и в любую погоду…

…Наше возвращение, наш спуск с гор в Пржевальск, зависели от тех, кто находится там, внизу, от командования отряда. Алма-Ату и Пржевальск в этот день завалило снегом и, глядя в сторону невидимых за снежной пеленой гор, командование не спешило давать «добро». Потому что не знало, как там на перевалах-четырехтысячниках? Если снежный заряд задел их тоже, значит, в путь трогаться нельзя. Мы поначалу удивлялись — у нас, на нашей стороне, за стеной этих перевалов светило солнце и соблазняло выйти на улицу без куртки, но когда утром проснулись от того, что кто-то самовольно распахнул тамбур и двери комнаты для приезжих, и поняли, что этот кто-то — ветер, дующий в самых неожиданных направлениях, когда увидели, как его вихри метут снег над вершинами, удивление прошло моментально, и мы поняли — внизу правы.

Но мне было просто — можно было включить телевизор, поиграть в шахматы, постучать на машинке, записывая первые впечатления от поездки. Мне было просто — во имя нашей безопасности спуск с гор отменили, но ведь никто не отменял (и не отменит никогда!) выход в пограничный наряд. И я видел, как вместо стеганых курток ребята надевают дубленые шубы (вот тебе и юг Средней Азии!), покрепче завязывают шапки-ушанки и становятся похожими на ночных сторожей. Но этим «сторожам» не сидеть в затишке от ветра или в будочке, им идти километры и километры по тем же горным кручам, им также вслушиваться в тишину, да еще бдительнее — нужно прослушать насквозь ветер и заметить чутким ухом любой необычный шум…

Видел, как на качающуюся от ветра тонкую мачту поднимался связист — закрепить на ее макушке оборвавшуюся проволоку антенны, ведь связь необходима каждую минуту. Многое видел и многого… не видел, потому что в этот ветер, метущий снежную крупу, находился в Оазисе. Потом, когда придет за нами вертолет и на месте его посадки встретимся с ребятами из Орлиного гнезда, узнаем от них, что посрывало шифер с крыши, что-то вывернуло, отнесло, уронило… Там ведь гораздо выше, и ветер свирепей, как из сопла реактивного двигателя вырывался из зажатого скалами ущелья. Наступал с тыла, а ребята должны были в это время, не отрывая внимательных глаз, обеспечивать положенную охрану с фронта…

Это тоже учитывает «двойной коэффициент». А ребята служат на заставе два года. Значит, возвращаются они домой не только со многими умениями, о которых рассказал, но и с двойной закалкой, с двойной проверкой на стойкость и мужество, с испытанной горами, непогодой и временем оторванностью от большой земли, наконец, дружбой.

И вот что поразительно: сколько ни наблюдал за ребятами, не слышал каких-то особых команд, громких приказов — все делалось как бы само собой. Независимо от времени суток и состояния погоды служба шла, как раз и навсегда заведенный часовой механизм. Отправляясь на поиск Ильгара Зейналова, вдруг узнавал, что он в это время уже в наряде, идет по маршруту горными тропами, а вечером вдруг заставал его, опять же неожиданно для себя, на коротком совещании сержантов… У каждого в любой момент было дело, каждый был занят, и перемещались ребята во времени и тесном пространстве заставы, как-то взаимодополняя, взаимозаменяя друг друга. Это тоже достигается непросто. Но ведь так и должен работать механизм охраны нашей границы — без шума, четко, слаженно и, главное, постоянно. И это тоже достигается теми высокими требованиями,

которые и определяют, что у пограничников на заставах в сутки вмещаются два дня и две ночи…

Челябинск — Тянь-Шань — Челябинск

notes

Примечания

1

Боевая машина десанта.

2

Крупнокалиберный пулемет.

3

Красная звезда, 1989, 22 ноября.

4

Так в Афганистане называли советских воинов.

5

Оранжевый дым соответствовал сигналу «Я — свой!»

ЦИТО — Центральный институт травматологии и ортопедии.

ЛНИИП — Ленинградский научно-исследовательский институт протезирования.

В. Верстаков. Прости за разлуку // Правда, 1987, 18 декабря.

9

Поисково-спасательная служба.